

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

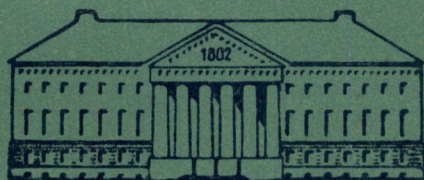
ALUSTATUD 1893. a.

VIHK 404 ВПЫСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XIX

ТАРТУ 1977

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893. a. VIHİK 404 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ФИЛОСОФИИ

XIX

ТАРТУ 1977

Редакционная коллегия:

Л. Н. Столович (отв. ред.), Я. К. Ребане, Р. Н. Блюм, Э. Н. Лооне, Р. А. Ви-
халем. Секретарь редакции Н. Ф. Кулли.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕСТРОЙКИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО БАЗИСА СОВРЕМЕННОГО БИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЯ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ИДЕИ

Т. В. Лойт

Методологические проблемы возникают с особой остротой в период революционного или, как нередко называют¹, интенсивного развития той или другой отрасли науки. Такую «новейшую» свою революцию переживает, по общему мнению, биология в наше время. Обычно, когда говорят о революции в современной биологии, это связывается с невиданно стремительным прогрессирующим увеличением научного знания о жизни и ее проявлениях, строении, процессах функционирования и развития, достижениями XX века в изучении жизни, прежде всего на молекулярном уровне, в результате которых современная биология стоит на пороге таких великих открытий, значение которых оказывается для человечества не меньшим, если не большим, чем открытия в области атомного ядра, кибернетики и т. д.

Это действительно так. Но более существенны те качественные изменения, которые произошли и происходят в «теле» биологического познания и знания нашего времени. Основоположники марксизма-ленинизма — К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, выработавшие главные принципы диалектико-материалистической концепции развития науки, связывали понятие революции в науке прежде всего с решающими качественными изменениями в системе научной деятельности и мышления, с коренной ломкой старых философских онтологических и логико-познавательных основ науки (в целом или в какой-то ее отрасли), существующего до сих пор понятийно-категориального аппарата, принципов и средств эмпирической и теоретической работы в науке, переходом на новый, более глубокий уровень исследования и постижения объективной истины. На характер

¹ См., например, Н. Ф. Овчинников. О разработке теории научного знания. — «Вопросы философии», 1964, № 2.

коренного качественного скачка как определяющего, сущностного признака революции, интенсивного развития в науке указывает большинство советских авторов, специально рассматривающих этот вопрос или касающихся его в связи с той или иной проблемой развития науки или исследованием этого.² Революцию в науке в качестве коренного перелома, изменяющего качественно систему научного мышления, ее основы, принципы и средства, рассматривает и ряд зарубежных исследователей науки, хотя понимание ими сущности, путей и закономерностей, а также причин научных революций обычно далеко от марксизма.³

Качественные изменения в современном биологическом познании связаны, главным образом, 1) с широким применением в общем-то новых для биологии методов исследования, как физико-химический эксперимент, математические методы, разнообразные способы моделирования и т. п.; 2) расширением предметной области исследования жизни, которая охватывает в наше время связанные с жизнью явления и процессы от субмолекулярного уровня до биосферы в целом. Доминирующим в этом процессе является пока переход на молекулярный уровень исследования на основе физико-химического эксперимента, вследствие чего понятие новой современной биологии обычно и ассоциируется прежде всего с молекулярной биологией, генетикой и так называемыми «двуродительскими» дисциплинами — биофизикой, биохимией и т. п.; 3) новыми элементами общего «стиля мышления» биологии нашего времени, все более и более

² См., например, В. И. Столяров. Подход к диалектической обработке истории научного познания. — В сб.: Проблемы научного метода. М., 1964; И. В. Кузнецов. Преемственность, единство и минимизация знания — фундаментальные черты научного метода. — В сб.: Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., 1968; Б. М. Кедров. Ленин и революция в естествознании XX века. М., 1969; М. М. Карпов. Диалектический материализм и естествознание. М., 1961; Его же. Закономерности развития естествознания. М. В. Мостепаненко. В. И. Ленин и методологические основы научного познания и практической деятельности. — В сб.: Ленинский этап в развитии марксистской философии (К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина). Материалы научной конференции (выпуск 1). Л., 1969; Его же. Ленинский анализ кризиса в физике и методологические вопросы естествознания. — «Философские науки», 1970, № 2; Его же. Физическая картина мира, философия и развитие физики. — В сб.: Методологические проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук. Л., 1970; И. И. Лейман. Науковедение и проблема единства наук. Там же; Ю. В. Сачков. Эволюция стиля мышления в естествознании. — «Вопросы философии», 1968, № 4; И. Т. Фролов. О диалектике биологического познания. — В сб.: Философия и естествознание. М., 1964; П. А. Рачков. Науковедение. Проблемы, структура, элементы. М., Изд-во МГУ, 1974 и др.

³ Например, T. S. Kuhn. 1) The Structure of Scientific Revolutions, Chicago, 1962; 2) The Function of Dogma in Scientific Research. In: Scientific Change. Ed. by A. C. Crombie. London 1963, St. Toulmin. Conceptual Revolutions in Science. «Synthese», Vol. 17, Nr. 1, March 1967; R. L. Purtil. Kuhn on scientific revolutions. In: Philosophy of Science. Vol. 34, Nr. 1, March 1967.

широким проникновением в ее логико-методологическую и концептуальную систему, в ее парадигму, новых подходов, принципов и типов описания и объяснения биологических явлений — системного подхода в его различных вариантах, идей структурно-функциональной организованности, концепций структурных уровней и т. п.

Эти явления в современной биологии не являются изменениями частного, локального характера, не представляют собой просто дополнения к существующей системе биологического познания и знания на том или другом ее участке. Они охватывали своей сферой влияния весь комплекс биологического знания, существенно перестраивая его общий склад. В результате происходящих в современной биологии этих революционных процессов существенно изменилось исследовательское «лицо» ее, обладающее рядом новых черт, которые качественно отличают биологическое познание наших дней от того, каким оно было еще несколько десятилетий назад.⁴ Прогресс современного биологического познания принес с собой, таким образом, не только резкое увеличение количества, масштаба, точности и тонкости биологического знания, но и качественное изменение самого характера познания жизни, его структуры, систем как эмпирического, так и теоретического исследования, типа и формы знания о жизни. Прежде всего на этой почве перед современным биологическим познанием возник ряд важных методологических и теоретических, а также общеприкладных познавательных проблем, решение которых имеет принципиальное значение для дальнейшего развития науки о жизни. В связи с этим обоснованно подчеркивается, что методологическая и теоретическая разработка современного биологического познания и знания не может ограничиваться лишь критическим анализом, пересмотром и дополнением на основе нового материала уже существующих в биологии отдельных методологических принципов, теоретических понятий, представлений и концептуальных элементов узкого частнонаучного порядка. В силу общего значения происходящих в современной биологии изменений эта работа должна охватывать всю совокупность накопленного современной наукой знания о жизни, требует осмысления всей системы биологического познания и знания, в том числе самих ее методологических и теоретико-концептуальных основ.

⁴ Весьма широко и разносторонне важнейшие новые характеристики современной биологии рассматриваются в книге: *Философия и современная биология*. Под общей редакцией И. Т. Фролова. М., 1973. Этот же вопрос, особенно в аспекте характеристики теоретико-методологической системы современной биологии, весьма обстоятельно рассматривается также В. Ф. Сержантовым в книге: *Введение в методологию современной биологии*. Л., 1972, а также в кн.: *Философия в современном мире*. Философия и теория эволюции. М., 1974.

Настоятельная потребность методологической и теоретико-концептуальной разработки биологического познания и знания обусловлена не только новыми принципиального характера явлениями в этих областях, общим прогрессом биологии. В своем развитии современная биология столкнулась с рядом серьезных трудностей. Революция в современной биологии отнюдь не происходит гладко. Бурное развитие современной биологии в ходе ее «новейшей» революции рядом с «восходящей линией» имеет и свою определенную «нисходящую линию».

Последняя проявляется, во-первых, в нежелательных, отрицательных последствиях широкой специализации и дифференциации современного биологического познания и знания. Как отмечалось, прогресс современной биологии связан прежде всего с расширением ее предметной области, охватывающей сейчас жизнь от ее физико-химических молекулярных основ до надорганизменных суперструктур, с включением всей биосферы и широким применением в биологическом познании новых методов и средств из исследовательского арсенала других естественных наук. Следовательно, залогом действительно громадных достижений современной биологии, путем ее развития является широкая специализация и дифференциация. Но именно в этой специализации коренится и нежелательная, можно даже сказать, угрожающая для дальнейшего эффективного развития современной биологии сторона. Углубление и увеличение знаний о жизни путем широкого создания и применения специальных исследовательских техник и языков описания и объяснения влечет за собой ослабление связей и понимание между различными специальными разделами знания относительно жизни. В результате этого возникла ситуация, которая характеризуется тем, что на фоне общего быстрого прогресса, роста знания о жизни, современная биология в то же время утратила характер однородной и единой науки, и стало неуловимым единство, органическая взаимосвязь и взаимная обусловленность всего огромного комплекса современного биологического знания. Изучение биологического объекта нередко ведется расчлененно, изолированно в самых различных аспектах. Современная биология подошла вплотную к одной из самых важных отличительных черт своего объекта исследования — к многоуровневому и разномасштабному бытию жизни и его проявлений. С одной стороны, огромная различная масштабность пространственной структурности жизни — от микромира до космических величин, на что в свое время указывал еще В. И. Вернадский,⁴ с другой стороны, добавляется такая же громадная временная разномасштабность биологических процессов на разных структурных

⁴ В. И. Вернадский. Из рукописного наследия. — «Вопросы философии», 1966, № 12.

уровнях организации живого, отмеченная Дж. Холдейном⁵. Подчеркивая, что биологическое исследование имеет дело с разными классами процессов от молекулярных до эволюционных, протекающих от доли секунды до миллионов лет, он, по нашему мнению, чутко уловил одну из главных задач, но в то же время и трудностей современного биологического познания — необходимость мыслить одновременно в нескольких масштабах времени и, можно к этому добавить, пространства. В этом отношении совершенно прав К. Гробстайн, когда он пишет: «Сейчас мы изучаем и намечаем постичь как необходимость космоса, так и интимнейшие тайны гена. Эти крайности связаны друг с другом, и в познании их единства лежит путь к абсолютной истине».⁶ Но пока биологическому познанию не удавалось создать единую обобщающую систему мышления для целостного отражения своего объекта исследования — жизни в ее различных измерениях. Несмотря на определенные процессы соединения и интеграции биологического познания и попытки синтеза знаний различных его отраслей, в целом в развитии биологии пока господствует центробежная тенденция. Поэтому нередко даже существенные, но стоящие отдельно, изолированно открытия относительно биологических явлений много теряют из своего действительного значения и весь громадный комплекс научного материала о жизни из своей «работоспособности» и возможностей для понимания и овладения жизнью как для самой науки, так и для практики.

В общем прогрессе современной науки по изучению жизни обнаружился и другой существенный пробел в системе современного биологического познания, второй характерный момент общей познавательной ситуации в этой области, имеющий, однако, также свой отрицательный знак действия. Дело в том, что многие новые методы и подходы при исследовании жизни, средства ее описания и объяснения, моделирования и т. д. применяются пока в большей мере, так сказать, в кредит. Для их применения в области биологического познания отсутствует соответствующая общепознавательная, методологическая и теоретическая основа. Они в большинстве случаев применяются с расчетом на то, что создаваемые на добытом ими новом материале теории, давая объяснение стоящим перед биологией проблемам, предоставляют в дальнейшем обоснование и для этих методов.

В общем-то данное обстоятельство не представляет собой чего-то выходящего из «нормы» развития научного познания. Здесь в развитии современного биологического познания проявляется одна из специфических закономерностей развития научного познания вообще, отмеченная К. Марксом, когда он писал,

⁵ Дж. Б. С. Холдейн. Время в биологии. — «Природа», 1966, № 8.

⁶ К. Гробстайн. Стратегия жизни. М., 1970, стр. 11.

что «в отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент».⁷ Это означает, что нередко наука в своем историческом развитии приходит к своим «действительным исходным пунктам» исходя из уже достигнутых результатов. Поэтому выработка и применение новых методов, приемов и средств исследования «в кредит», а также приложение уже существующих к самым различным предметным областям науки, «методологическая экспансия», по выражению Н. Ф. Овчинникова⁸, сами по себе представляют собой закономерное явление в развитии науки.

В то же время следует отметить, что эта закономерность развития научного познания указывает на существующую в развитии науки определенную степень стихийности, элемент развития ощупью, окольными путями, зигзагообразно, что не может не дать, выражаясь словами В. И. Ленина, кроме «живого и жизнеспособного» также некоторые «мертвые» продукты, кое-какие отбросы, пустоцветы.

Отмеченные обстоятельства сделали потребность методологической и теоретической разработки современного биологического познания и знания, задачу осмысления происходящих в этой области процессов вдвойне актуальной и настоятельной. Эта задача содержит в себе две тесно связанные, перекрещивающиеся и переходящие друг в друга основные программы — во-первых, синтез, интеграцию огромного, все быстрее накапливающегося, но в то же время сильно расчлененного современного научного знания о жизни и, во-вторых, методологическое и теоретическое обоснование современной «новой» биологии, ее методов, подходов и т. д. Словом, на повестку дня поставлена проблема единства современного биологического познания и знания. Все более усиливающиеся тенденции в этом направлении, концентрированным выражением которых является сознательно развиваемое стремление к созданию единой теоретической биологии, свидетельствуют о том, что современное биологическое познание вступило в новую фазу своего развития — в порожденную экстенсивным развитием фазу интенсивного методологического и теоретико-концептуального синтеза и обоснования, что должно выдвинуть науку о жизни на новый качественный уровень. В этом процессе в развитии современного биологического знания проявляется одна характерная, весьма существенная для понимания развития научного познания вообще, черта историко-логического движения научной деятельности и мышления — своеобразная познавательная цикличность как специфическое проявление закона отрицания отрицания в объек-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 43.

⁸ Н. Ф. Овчинников. Особенности современного естествознания. — «Вопросы философии», 1966, № 9.

тивной диалектике развития научного знания, что и составляет, по нашему мнению, сущность вышеотмеченной закономерности, выдвинутой К. Марксом. Для понимания общепознавательной сущности ситуации в современном биологическом познании и происходящих здесь процессов, методологических и теоретических устремлений, эта закономерность имеет первостепенное значение. Общепознавательная сущность широкого, все более усиливающегося методологического и теоретического «движения» в области современной науки о жизни заключается в том, что исходя из достигнутых новых результатов, возведенных отдельных этажей современного «биологического здания», биологическое познание в силу объективной необходимости своего дальнейшего успешного развития повернулось как будто бы назад, обратилось к интенсивным поискам своих действительных исходных предпосылок, пришло к закладке своего современного фундамента. Воплощением последнего должно стать создание общей теоретической биологии. Именно в этом устремлении, по нашему мнению, заключается общенаучный и логико-гносеологический смысл тех методологических и концептуальных изысканий, о которых говорят заявления о необходимости переосмысления и пересмотра глубинных методологических и теоретических основ существующего биологического познания и знания и которые нашли свое концентрированное выражение в таких все чаще встречающихся заголовках на титульных листах книг и сборников, как «На пути к теоретической биологии», «К теоретической биологии» и т. п.

На этом пути современному биологическому познанию предстоит разрешить не только множество специальных вопросов частно-научного порядка, но и целый ряд общих основополагающих методологических проблем работы в направлении синтеза и обоснования современного научного знания относительно жизни и выработки единого методологического и концептуального фундамента современного биологического познания. На эту мысль наводит не только факт концептуальной множественности и разнонаправленности в разработке различных вопросов в данной области, но и нередко обнаруживающаяся принципиальная неопределенность в самой постановке проблемы, целей и задач теоретико-методологической работы по биологическому познанию, в трактовке ее сущности, научной значимости и места в системе современного биологического знания. Позиции исследователей по этим исходным вопросам и тем самым предлагаемые исходные платформы построения теоретического и методологического базиса современного биологического познания весьма различны, нередко прямо противоположны.

Такое многообразие исходных позиций по самым кардинальным вопросам общей теоретико-методологической работы в области современной науки о жизни имеет объективную основу

в сложности, многогранности и даже противоречивости той реальной познавательной ситуации, которая сложилась в современной биологии и которая питает различные направления современного движения методологической и теоретической мысли в этой области. Следует учитывать и то влияние, которое оказывают на методологическое и теоретическое движение в сфере биологического знания общие тенденции и закономерности развития современного естествознания в целом. Разработка методологических и теоретических основ современного биологического познания — это многосторонняя и многослойная задача. В ней специфические биолого-теоретические, методологические и методические вопросы перекрещиваются и сливаются с общегносеологическими и логико-методологическими вопросами современного научного познания в целом. Решение этих вопросов требует разностороннего подхода, методологического и теоретического анализа на разных уровнях, в различных аспектах.

Среди обширного круга методологических проблем, поднятых разработкой концептуального базиса современного биологического познания, одной из центральных является проблема взаимоотношения представлений, принципов, методов так называемой традиционной, или классической, биологии и новой биологии XX века, отражающая ситуацию, которую Т. Г. Уотерман образно назвал «раздвоением личности» современной биологии.⁹ В этой проблеме «старого» и «нового» переплетаются и как бы в концентрированном виде выявляются многие основополагающие вопросы и исходные трактовки сущности и научного статуса, путей, способов построения и формы теоретико-методологического базиса современной науки о жизни и его воплощения — теоретической биологии — в структуре современного биологического знания.

Отмеченное «раздвоение личности» заключается в существовании как будто бы двух лагерей или даже двух в значительной мере самостоятельных областей науки в рамках той области научного познания, которая именуется биологией. С одной стороны, традиционные отрасли и направления изучения жизни, нередко называемые «чисто биологическими» или «натуралистическими» и, с другой стороны, новые направления и отрасли в исследовании жизни, которые в основном формировались и широко развивались в наш век, опираясь на экспериментальный и теоретический аппараты физики, химии, математики, кибернетики. При рассмотрении общей познавательной ситуации, образовавшейся в современной биологии, при указании на отмеченное проявление дифференциации современного научного знания о жизни, не ограничиваются просто различием «старого» и «нового», но нередко традиционные и современные методы,

⁹ Т. Уотерман. Проблема. — В кн.: Теоретическая и математическая биология. М., 1968.

тия физико-химических, математических, кибернетических и т. п. методов и подходов в современных биологических исследованиях возникло не так уж редкостное отношение к эволюционному принципу, историческому методу, ко всей эволюционной биологии и эволюционному учению, как к вопросам, не представляющим особого интереса для современной научной мысли. Эволюционизм нередко оценивается как почти полностью уже сложившаяся (без особой перспективы) отрасль биологических наук, значение которой для современного биологического знания скорее историческое, чем теоретико-методологическое, с точки зрения средств решения тех проблем, которые стоят перед современной биологией относительно сущности, строения, механизмов функционирования и закономерностей жизни. По выражению авторов книги «Краткий очерк теории эволюции», эволюционная теория нередко оценивается скорее как блестящее прошлое биологии, чем раздел ее блестящего будущего.¹¹

Хотя многие исследователи, в том числе и многие убежденные поборники коренного пересмотра методологической и концептуальной системы биологии нашего времени и создания истинной современной теоретической биологии путем физикализации, математизации или кибернетизации биологического познания, говорят, что выдвигаемые на основе этого новые методологические и теоретические принципы и концепции описания и объяснения жизненных явлений не исключают эволюционного подхода, исторического метода, нельзя не констатировать факта более или менее явного умаления, известной «девальвации» методологического и концептуального значения принципа эволюции в системе современного биологического познания. Это вольно или невольно проявляет себя в отнесении эволюционной теории в основном к классу феноменологических теорий, к классу описательных наук, являющихся вместе со всей традиционной биологией скорее естественной историей, которой недостает многих существенных черт развитой науки и которую можно называть наукой только условно, из вежливости. Умаление значения эволюционного подхода проявляется в утверждениях о том, что теория эволюции в лучшем случае представляет собой лишь частную биологическую теорию, образование «первичной теоретизации», которая, по сути дела, уже завершена, исчерпала свои методологические и теоретические возможности, и что появились ростки «принципиального нового строя» мышления в биологии, содержанием которого является уже не идея эволюции, а организованности, системные или физико-химические принципы структурно-функционального анализа, и что только эти концепции и подходы содержат в себе возможность адекватного

¹¹ Н. В. Тимофеев-Ресовский, Н. Н. Воронцов, А. В. Яблоков. Краткий очерк теории эволюции. М., 1969, стр. 5.

приближения к объективной природе биологических объектов, возможность научного выражения сущности жизни и построения истинной теории жизни, перехода биологического познания на более высокую стадию теоретического оформления.¹²

С другой стороны, нельзя не отметить существование известной недооценки и даже противостояния новым методам и подходам физико-химического, системно-структурного и функционального анализа, математического и кибернетического описания, моделирования и объяснения жизни и ее явлений как для самой теории эволюции и ее дальнейшего развития, так и для современного биологического познания вообще у определенной группы исследователей, объявляющих принцип эволюции всемогущим в познании жизни и оценивающих новые принципы, якобы не дающие ничего нового, по крайней мере, фундаментального, по сравнению с существующим историко-биологическим методом. Поэтому эти новые подходы и принципы не могут претендовать на место в методологической и концептуальной системе биологического познания рядом и наравне с последним.¹³

Таким образом, в современном биологическом познании образовалась ситуация, которую характеризует не просто сильная дифференциация исследований жизни и разобщенность, десинтегрированность биологического знания, но и разрыв, нередко даже конфронтация, конфликт в методологической системе

¹² Например, К. М. Хайлов. Проблема системной организованности в теоретической биологии. — «Журнал общей биологии», т. XXIV, 1963, № 5; его же. Проблема связи организации и эволюции живых систем. — «Вопросы философии», 1966, № 4; его же. Тенденция развития общей теории биологических систем. — В сб.: XIII Международный конгресс по истории науки. М., 1971; И. Л. Юрова. О соотношении марксистско-ленинской философии и естествознания. М., Изд-во МГУ, 1970, стр. 32; В. Ф. Сержантов. Введение в методологию современной биологии. Л., 1972, стр. 98—99; М. В. Мостепаненко. Диалектический материализм и проблема взаимосвязи и взаимодействия наук. — В сб.: Методологические проблемы взаимосвязи и взаимодействия наук. Л., 1970, стр. 11—12; А. И. Алешин. Методологические проблемы теоретического исследования в биологии. Горький, 1973; Т. Е. Файзулляева. О границах применимости структурно-функционального подхода. — В сб.: Проблемы теории познания, логики и методологии науки. М., Изд-во МГУ, 1974, стр. 114; S. Toulmin. The Philosophy of Science. An Introduction. New York, 1960, pp. 44—49; L. von Bertalanffy. Das biologische Weltbild. Bd. I Bern, 1949, S. 32—33; J. Monod. Le hasard et la nécessité. Essay sur la Philosophie naturelle de la Biologie moderne. Paris, 1970, p. 125.

¹³ См. например, статьи в ходе дискуссии в «Журнале общей биологии»: И. И. Президент. Познавательное значение историко-биологического метода. «Журнал общей биологии», т. XXIV, № 5, 1963; Д. А. Кривошукский. Системная организованность и теория эволюции. — «Журнал общей биологии», т. XXV, № 3, 1964; К. А. Козлов. К вопросу об организованности как атрибуте материи. — «Журнал общей биологии» т. XXV, № 6, 1964; а также книгу Л. Ш. Давиташвили. Вопросы методологии в изучении эволюции органического мира. Тбилиси, 1968.

между главенствующими до сих пор принципами и методами исследования жизни и организации биологического знания в описательные и объясняющие системы, прежде всего между принципом эволюции (эволюционизмом) в качестве основной «философии биологии» в последние сто с лишним лет, и выдвигаемыми «новой» биологией XX века принципами и подходами. В лучшем случае эти принципы и идеи в реальной системе современного биологического познания и знания просто сосуществуют, отсутствует их органическая взаимосвязь, единство. Успешная реализация настоящей задачи синтеза и интеграции современного научного знания о жизни предполагает поэтому преодоление, снятие этого разрыва в его методологическом и концептуальном базисе и разработку единой методологической и теоретической основы, цельного теоретического и методологического каркаса для современного биологического познания и его дальнейшего развития. Проблема единства стоит перед биологическим познанием нашего времени, следовательно, не просто как задача обобщения, систематизации, упорядочения и интерпретации разнообразного эмпирического материала, т. е. не только как задача синтеза фактов, но и как задача систематизации, упорядочения и осмысления своей разнообразной методологической и теоретической части, т. е. как задача методологического и теоретического синтеза (синтез теорий). Вопрос о путях достижения этой цели является одним из важнейших методологических проблем развития современного биологического знания в его новых интенциях к дальнейшей теоретизации и разработке цельной теоретической системы.

Одним из важнейших условий решения отмеченной задачи является выяснение той действительной методологической и концептуальной роли, которую выполняют как «старые», так и выдвигаемые новые принципы, подходы и методы в «работающей» системе современного биологического познания и знания. В этом аспекте, в виде теоретико-методологического вопроса о роли и месте эволюционизма в методологической и концептуальной системе современного биологического познания проблема эволюции не только существует и для науки о жизни наших дней, но, можно сказать, начала снова выдвигаться на передний край теоретических и методологических вопросов современной биологии на ее пути к синтезу и интеграции, к целостному описанию и объяснению жизни и ее явлений.

Постановка задачи выяснения методологической и теоретической сущности и роли эволюционизма в современной биологии может, на первый взгляд, показаться парадоксальной, поскольку после 1859-го года вся биология фактически развивалась как эволюционная биология в широком смысле, т. е. как исследование явлений жизни на руководящей основе эволюционистского взгляда на живые существа, на базе общebiологической

картины эволюционизма, имеющего методологическую и теоретическую модель научного исследования, описания и объяснения жизни в ее эволюционном «бытии» в виде теории Ч. Дарвина, истинность которой доказана всем ходом развития современной биологии. Тем не менее вопрос методолого-концептуального значения эволюционизма для познания жизни не надуманная, мнимая проблема, возникновение которой можно объяснить просто неправильным истолкованием или извращением смысла принципов эволюционного подхода, хотя и это во многих случаях действительно имеет место. Эта реальная проблема, аспект той реальной проблемной ситуации, которая образовалась в области современного биологического познания и знания в ходе объективного развития научных исследований жизни в наш век.

Объективная основа возникновения данной проблемы заключается, во-первых, в том, что как всякая научная истина, принцип эволюции в своем возникновении и развитии, в своем научном «бытии», носит конкретно-исторический характер как в содержательном, смысловом аспекте своих логико-методологических и теоретических функций, так и по форме их осуществления, способу выражения и реализации. Это, в свою очередь, зависит, во-первых, от общих логико-познавательных, в том числе философских мировоззренческих, и конкретно-научных методолого-теоретических условий и задач в той проблемной ситуации, в которой та или другая научная идея, принцип, подход, метод и т. д. возникает, приобретает свой научный статус и которую (или часть, аспект которой) она разрешает. Во-вторых, каждая подобного ранга идея, как идея эволюции является фактически синтетической идеей, обобщением, объединяющим в себе в интегрированной, слитной, концентрированной, нередко снятой форме научные представления о разнообразных сторонах, признаках и проявлениях того или иного фундаментального явления. В различных историко-логических познавательных ситуациях, на различном внешнем и внутринаучном интеллектуальном фоне та или другая сторона, элемент подобной многосодержательной идеи выступает на первый план в качестве конкретного воплощения или как бы «представителя» ее в реализации ее конкретных научно-теоретических и методологических функций. Словом, конкретная методологическая и концептуальная нагрузка, а также форма реализации научной идеи, принципа, подхода, в различные историко-логические периоды науки или какой-либо ее отрасли имеют различную интенцию. Относительно эволюционной идеи и ее научной формы в виде теории Ч. Дарвина данное обстоятельство проявляется, например, в не угасающих до сих пор дискуссиях о том, что является в ней главным: доказательство факта исторического изменения живых существ — эволюция как таковая, или ее механизм — естественный отбор;

является она только средством установления филогенетического древа, родословных связей великой цепи бытия живых форм, или прежде всего объяснением их процесса; представляет ли учение Ч. Дарвина собой общую теорию биологического формообразования или только внутривидовой изменчивости, является оно общей теорией исторической детерминированности и структурности живых форм и явлений или лишь частной теорией видового приспособления и т. д. и т. п. Возникновение и развитие научных идей, подходов, принципов и их теоретическое оформление не является самодовлеющим процессом, а происходит в определенных историко-логических системах научного познания и знания, под влиянием существующих здесь общепознавательных и конкретно-научных условий и проблемных ситуаций. В силу этого развитие научной идеи и теории не является простым кумулятивным процессом складывания и дальнейшего приращения, дополнения, уточнения и т. д., но будто бы развертыванием, раскрытием ее многоэлементного содержания, сопровождающимся сдвигами ее общепознавательного и конкретно-научного смыслового акцента, логико-методологических и концептуальных функций в связи с изменениями в системе научного познания и знания, научной картины мира и самого научного познания, развертыванием проблем и проблемных ситуаций в науке и в ее системе мышления. В-третьих, потребность осмысления методологической и концептуальной сущности научной идеи, принципа, подхода, метода вызывается еще их видоизменением в результате объектной адаптации. Под последним мы имеем в виду те неизбежные изменения, которые вносят в конкретную характеристику научной идеи, подхода, принципа как в аспекте методолого-концептуального содержания, так и формы осуществления особенности той объектной области, в исследовании которой они применяются; специфические непосредственные цели, методика и способы исследования в зависимости от уровня исследования и соответственно специфика материала, на основе которого идея, подход, принцип находят свою научную разработку. Так, эволюционная идея не могла остаться неизменной, незатронутой как по содержанию, так и форме, в зависимости, например, от применения ее в области макрофилогенетики, палеонтологии, морфологии и т. п. на уровне изучения макроэволюционных явлений типогенеза, органообразования, усовершенствования организации и т. д., или на уровне экспериментального изучения микроэволюционных процессов со стороны современной молекулярной биологии, генетики и т. п. Об этом свидетельствуют те весьма заметные расхождения во взглядах на то, что собой представляет эволюционный процесс в его определяющих признаках, которые и в настоящее время мы встречаем у ученых в зависимости от их специальности и направления работы, а также отсутствие вследствие этого до сих

пор единого определения понятия эволюции в современной биологии.¹⁴

В этом аспекте проблема места эволюционной идеи в современном биологическом познании и знании выступает как проблема адекватности исторического принципа в качестве определенного метода описания и объяснения жизненных явлений и основы научных поисков в нынешней ситуации изучения жизни, когда последняя охватывается в качестве научного объекта с глубинных квантовых основ до биосферы в целом и даже выходами в космическое пространство и время. Необходимой предпосылкой решения этой проблемы является преодоление односторонних трактовок эволюционного процесса и эволюционной идеи в качестве исследовательского принципа его описания и объяснения, сделанных на основе абсолютизации той или другой грани, признака, проявления и т. д. биологической эволюции и специфики изучения ее у различных объектов биологического исследования на различных уровнях, различными методами и т. д. как на предыдущих этапах развития биологии, так и в современных условиях. Преодоление односторонних ограниченных представлений о биологической эволюции и эволюционизме означает выяснение всеобщего, универсального, инвариантной сущности эволюции живого как сложной, многосторонней и многоуровневой целой градации исторических преобразований от филогенеза в узком смысле слова до развития биосферы и выявление вместе с тем всеобщего, универсального, инвариантной познавательной методологической и теоретической сущности эволюционного подхода, исторического метода в качестве научного средства исследования, описания и объяснения эволюции для понимания жизни, для биологического познания и знания. Слова В. И. Ленина о том, что «отношения каждой вещи (явления, etc.) не только многообразны, но всеобщи, универсальны»¹⁵ действительны и по отношению к явлению эволюции живого. В общем ходе развития современной биологии в сторону расширения ее предметной области путем перехода на новые уровни и применения новых средств и методов исследования, изучение эволюции развивалось до сих пор преобладающе в направлении раскрытия многообразия отношений этого явления. Наряду с несомненным прогрессом науки в этой области в виде обогащения и углубления современных представлений об эволюции новыми знаниями об ее формах, темпах, факторах, механизмах и закономерностях это имело, однако, и определенный отрицательный результат — потерю однозначности эволюцион-

¹⁴ Различные определения понятия эволюции в зависимости от характера исследовательской работы, уровня исследования и т. п. подробно рассматриваются К. М. Завадским в работе «Развитие эволюционной теории после Дарвина (1859—1920-е годы)». Л., 1973.

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 29, стр. 203.

но-биологического знания. Данное обстоятельство и создало почву для возникновения односторонних, ограниченных представлений об эволюции живого путем абсолютизации той или иной стороны, признака, проявления, уровня и т. д. эволюционного процесса и специфических научных средств, способов, форм их исследования и реконструкции. Вследствие этого исчезает всеобщее, универсальное в явлении эволюции, а специфическим, частным проявлениям, признакам и т. д. придается значение «настоящей» эволюции и принципы их исследования возводятся в общеметодологический и концептуальный статус эволюционного подхода вообще. Это нередко приводит к противопоставлению, например, макроэволюционных явлений и способов их исследования в макрофилогенетике, палеонтологии и т. д. в качестве истинного «исторического метода» процессам микроэволюции и их экспериментальному исследованию. На этой почве возникла и весьма распространенная общая теоретико-познавательная установка о равнозначности, параллельности методологических принципов, концептуальных систем, методов исследования и теоретических выражений эволюции живого, т. е. своего рода плюрализм, как в отношении самого явления эволюции, так и научного освоения его, что, впрочем, сыграло немаловажную роль среди аргументов, которые приводятся для обоснования утверждения о том, что в современном биологическом познании и знании принцип эволюции потерял свой статус единого интегрирующего методологического и теоретического центра.

Эволюционная идея имеет, таким образом, не только свою предысторию возникновения и научного становления в развитии биологического познания и знания, но и свою сложную, далеко не завершенную научную историю дальнейшего содержательного развития и теоретической разработки. И ее первое научное выражение, ее первая научная форма — учение Ч. Дарвина, которое его создатель, впрочем, не случайно назвал не теорией эволюции, а «Просхождением видов путем естественного отбора или сохранением благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь», несмотря на гениальность этого учения и сохраняющееся основополагающее значение для эволюционной теории как науки об общих законах исторического развития живого, об эволюции в качестве всеобщего сущностного «измерения» живого, все же является историческим результатом науки, носит отпечаток своего времени, того конкретного историко-логического положения биологического познания и знания и той проблемной ситуации в нем, в которой оно родилось и решению которой оно непосредственно служило.

Дарвин, разумеется, не мог охватить те уровни и аспекты жизни и ее эволюции, которые еще не были в его время раскрыты наукой. Сам Дарвин понимал это очень хорошо, отмечая в своей основополагающей работе ряд пробелов в изучении эво-

люционного процесса тогдашней наукой, сознательно ограничив свое рассмотрение определенным отрезком и уровнем, придав своей теории эволюции определенную форму. И сейчас вряд ли можно сказать, что объект биологии — жизнь — изучена со всех сторон. Вся научная деятельность Ч. Дарвина показывает, что он сам относился к своей теории как к исходной основе объяснения развития живых форм, нуждающейся, однако, в дальнейшем развитии, уточнении и углублении в зависимости от данных, которые впредь будут открыты всем комплексом биологических наук, в том числе и самой эволюционной биологией.

Возникшая в современной ситуации биологического познания потребность методологического и концептуального осмысления основ научного исследования жизни, задача интеграции биологического знания и его целостного теоретического оформления поставили также в качестве одной из своих частей задачу теоретического анализа эволюционной идеи, которая нашла свою научную разработку в различных формах, как таковой, задачу выявления ее общей логики и построения единой, целостной эволюционной теории в качестве общеприкладной теории развития. Одной из основных задач этой общей теории биологической эволюции следовало бы считать достижение единства понимания многообразных отношений эволюционного процесса на различных уровнях организации живого путем разработки общего методологического и концептуального основания для конкретных исследований явлений эволюции, для применения исторического подхода в исследованиях жизни в целях её научного освоения. На актуальность постановки такой задачи указывает еще то обстоятельство, что и у современной формы эволюционной теории, в синтетической теории эволюции, приходится констатировать недостаточную методологическую и теоретическую разработанность даже центральных понятий эволюционной теории — естественного отбора, борьбы за существование и т. д., отсутствие единого понимания их роли в качестве факторов и закономерностей эволюционного процесса и общей структуры их связей в теории. Разработки общей методологической и концептуальной сущности эволюционной теории, ее принципов и категорий в качестве условий и средств познания процесса развития вообще, требует также проблема протобиологической, химической и молекулярной эволюции и вопрос о возможности применения понятийного аппарата существующей теории эволюции (например, понятия отбора) к этой области. Высказанные по этому вопросу различные точки зрения зависят от понимания не только биологического, но прежде всего общеметодологического и концептуального, общегносеологического содержания теории эволюции, ее принципов и понятий.¹⁶

¹⁶ См. об этом Дж. Бернал. Возникновение жизни. М., 1969; Х. Патти. Наследственная упорядоченность в примитивных химических

В связи с этим Р. С. Карпинская и И. К. Лисеев совершенно справедливо отмечают, что понимание единства эволюционного процесса, синтез разноуровневых концепций эволюции может быть достигнуто лишь при условии представления эволюционной теории в качестве целостного развивающегося знания, включающего в себя разные уровни познания эволюции и разработки его фундаментальных понятий, законов в их общеметодологическом и концептуальном содержании и логики их взаимосвязи как целостного теоретического знания, всей теории об эволюции.¹⁷

Решение общей задачи методологического и концептуального обоснования современного биологического познания и возникшая здесь проблемная ситуация по отношению методологической и теоретической роли эволюционного принципа в современной биологии сделали, следовательно, объективной необходимостью обращение к исходным предпосылкам, к фундаменту эволюционного учения, исторического подхода как общей теории и средства познания биологического развития и возможной естественнонаучной модели процесса развития и его познания вообще, исходя из достигнутых результатов, «возведенных этажей» современного эволюционизма. В этом плане можно сказать, что современное биологическое познание в своем развитии подошло к постановке проблемы эволюции в ее «чистом» виде, непосредственно в виде вопроса об эволюции как таковой, в качестве всеобщей сущностной характеристики жизни и об общеметодологической и концептуальной роли эволюционного принципа в системе современного научного освоения объектов биологического исследования.

Этот, на первый взгляд парадоксальный случай в развитии биологического эволюционизма, когда спустя более чем сто с лишним лет существования в «рабочей» системе научного исследования жизни ставится вопрос о его истинном познавательном смысле, представляет собой проявление весьма общей закономерности развития научных идей, принципов, подходов в аспекте их возникновения и проникновения в реально существующую и работающую систему науки, усвоения и дальнейшей разработки их со стороны науки. А именно — идея изме-

системах. — В кн.: Происхождение предбиологических систем. М., 1966; М. Кальвин. Химическая эволюция. М., 1971; Сб. Населенный Космос. М., 1972; А. Л. Тахтаджян. Текстология: история и проблемы. — В кн.: Системные исследования. Ежегодник. М., 1972; Р. С. Карпинская, И. К. Лисеев. Методологическая роль эволюционной теории в современной биологии. — В кн.: Философия в современном мире. Философия и теория эволюции. М., 1974; Th. Dobzhansky. Genetics of the Evolutionary Process. N. Y. London, 1970.

¹⁷ Р. С. Карпинская, И. К. Лисеев. Методологическая роль эволюционной теории в современной биологии. — В кн.: Философия в современном мире. Философия и теория эволюции. М., 1974.

нения и развития живых форм, высказанная уже в античной философии и неоднократно выдвигающаяся в развитии биологии до Ч. Дарвина, была научно разработана и усвоена биологией не в виде общей теории эволюции как таковой, но в форме специализированной теории видообразования. Общая эволюционная идея нашла свою реализацию в биологии в качестве действительно работающего методологического и концептуального принципа в частнонаучной форме и содержании. И в дальнейшем эволюционизм, исторический подход, выполняя фактически роль общеметодологического и концептуального базиса конкретных биологических исследований, был применен и развит эволюционной биологией в конкретных формах при изучении многообразных конкретных явлений и аспектов эволюции у конкретных природных объектов биологического исследования, не имея своего эксплицитного выражения и оформления в качестве общей теории биологического развития. Лишь в настоящее время, в связи с возникшей в современном биологическом познании проблемой его методологических и концептуальных оснований и выдвинутой задачей построения общей теории жизни, биологическая научная мысль подняла вопрос об эволюции вообще, пришла к постановке задачи осмысления в общем теоретико-методологическом плане значения эволюционного принципа, исторического подхода в познании жизни и ее явлений вообще, к постановке задачи выработки общей эволюционной методологии, «белого ящика» эволюционного подхода в качестве общей теории развития. Постановка этой задачи является проявлением движения научного познания от конкретного к абстрактному в области изучения эволюционных процессов как определенной существенной стороны динамики объектов биологического исследования в революционном цикле развития современной науки о жизни.*

В этом «научном бытии» эволюционной идеи отчетливо проявляется диалектика абсолютной и относительной сторон научной теории, их единство и противоречие, диалектика абсолютной и относительной истины в ней. Сущность научного познания состоит в постижении истины, а истина представляет собой процесс приближения к действительности. Возникновение

* Аналогичная картина открывается и в развитии системного подхода в науке (в том числе в биологии), в современной постановке его в виде интенсивных устремлений к разработке общей теории систем. Системный анализ также применялся в науке, в том числе и в биологии, до сих пор главным образом в специфической частнонаучной форме и содержании. Лишь в наше время, в силу ряда обстоятельств, наука пришла к необходимости экспликации принципов и условий системной методологии, к широкому движению от конкретного к абстрактному в области структурно-функционального исследования организованности объектов как систем, к выработке общей системной методологии, «белого ящика» системного анализа в виде общей теории систем как строгой специальной теоретической науки.

и развитие научной идеи в виде образования и дальнейшей разработки, изменения, смены и т. д. соответствующих понятий, категорий, законов и теорий — это процесс постижения истины, сама истина как процесс приближения научного познания к действительности, процесс, элементами, этапами, сторонами которого эти научные конструкты являются. Если это так, то развитие научных конструктов и построений — понятий, категорий, теорий и т. п. — раскрывает постепенно сущность не только непосредственных явлений объективной действительности, но в то же время и сущность той научной идеи, того принципа или подхода, конкретным «рабочим» воплощением и формой, непосредственным инструментом научного исследования которого (как истины в процессе с определенной стороны или на определенном уровне, этапе и т. д.) эти научные средства являются. Это значит, что научные теории представляют собой специфическую историю научного познания. В их смене, изменении и развитии прослеживается переход научного познания и знания от менее точных и адекватных к более точным и адекватным представлениям об исследуемом объекте, к представлениям, обладающим все большим внешним оправданием и все большим внутренним совершенством, т. е. здесь прослеживается истина как процесс в ее бытии в науке. Именно на той основе, что научные теории (вообще научные образования — понятия, категории, законы) не являются только теориями объекта, отражением внешней для человека действительности как таковой, но в то же время отражением человека как субъекта познания в его познавательном отношении к объекту, в его познавательной деятельности поиска истины, необратимого приближения к истине, В. И. Ленин видел в истории наук один из главных источников теории познания для раскрытия закономерностей познания, рассматривая теорию познания как логическое обобщение исторически развивающегося познания, истории человеческой мысли в ее последовательном приближении к объекту, к действительности.¹⁸

Развитие научного познания в его поисках истины не представляет собой прямолинейного движения к истине. Оно является диалектически живым противоречивым процессом, приближающимся, по словам В. И. Ленина, бесконечно к ряду кругов, к спирали.¹⁹ В нем содержится как абсолютное, так и относительное, как необратимая кривая последовательного перехода от явлений к «субстанции», открытие в многообразных явлениях бытия их сущности, так и уходящие в сторону, а иногда даже назад, касательные. Поэтому при осмыслении и оценке исторических этапов и результатов развития науки, сложившегося здесь положения научного познания и знания, зако-

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 143, 298, 314.

¹⁹ Там же, стр. 322.

номерно возникает вопрос — «что есть истина?» — не только относительно научной мысли, научных идей, теорий и т. д. в плане адекватности их как отражения исследуемого объекта, но и в плане истины самой познавательной отражательной деятельности в науке, в плане истины системы научного познания, предпосылок, принципов, приемов, методов, средств и т. д. его организации, процесса научно-познавательной «работы», выражения и оформления результатов этой работы в виде научного знания. В постижении этой истины научно-исследовательской деятельности заключается глубокая задача теоретико-методологической рефлексии над научным познанием вообще, в революционные переломные периоды развития науки особенно, когда вопрос истины научного освоения действительности поднимается со всей остротой, в полную силу. В этом и «конечная» задача интенсивных методологических и теоретических изысканий, того методологического и теоретического «брожения», происходящего в современном биологическом познании, в том числе по поднятой им проблеме роли и места эволюционного принципа в системе биологического знания наших дней.

Необходимым условием ответа на этот глубокий вопрос является выявление «истины» эволюционной идеи, исторического принципа, его сохраняющейся всеобщей методологической и концептуальной сущности в системе современного биологического познания. Эта работа не может быть выполнена, во-первых, без исторического подхода к самому историческому принципу, без прослеживания логики развития эволюционизма в биологическом познании, поскольку в процессе историко-логического развития выясняется действительная научная методологическая и концептуальная значимость, сущность, фактическая «работоспособность» эволюционного принципа посредством установления границ различных ее моделей, реализаций ее в различных теориях эволюции, корректирования и обогащения их. Во-вторых, эта работа не может дать удовлетворительного ответа путем поэлементного анализа, но требует системного подхода. Это значит, что действительное логико-методологическое и концептуальное значение эволюционной идеи и ее теоретических разработок для биологического познания невозможно раскрыть, рассматривая их в качестве самодовлеющего агента научного мышления, а только в той внутринаучной среде, или используя выражение А. А. Ляпунова,²⁰ в той интертеоретической системе, в которой они возникли, развиваются и «работают» в качестве определенного средства объяснения и получения знания о живых объектах. И, в-третьих, выявление как общегносеологической, так и конкретно-научной методологиче-

²⁰ А. А. Ляпунов. Некоторые особенности строения современного теоретического знания. — «Вопросы философии», 1966, № 5.

ской и концептуальной квинтэссенции эволюционизма не может быть осуществлено без философского анализа.

Эволюция живого является одним из тех вопросов естествознания, где специально-научное познание и знание не только граничат с философией, но и приобретают непосредственный философский статус.

Эволюционная идея и теория являются таким «полем» научного знания, где в процессе познания научного поиска истины научный спор и философская борьба теснейшим образом переплетаются, переходят друг в друга. В методологической системе биологического познания эволюционная идея образует непосредственное связывающее звено между общим мировоззренческим, философским знанием, способом, типом мышления и специально-научным знанием, его теоретическими и методологическими системами. Являясь методологическим и концептуальным центром, общетеоретическим «идейным» началом биологического познания, принцип эволюции сам имеет такую же основу, начало в виде общей идеи развития в рамках философии. В этом аспекте идея биологической эволюции выступает в качестве научно-теоретического и методологического воплощения, естественнонаучной формы философско-теоретического взгляда на развитие как характеристики бытия и способа его духовного освоения. В течение всей истории становления и развития эволюционной идеи в биологии философия оказывала непосредственное влияние на этот процесс. Идея биологической эволюции является каналом, через который философия на предметно-теоретическом уровне включается в естественно-научное познание, определяя не только общую логику, общий познавательный характер, тип, содержание и направленность тех или иных теорий биологической эволюции, но выступая и источником идей относительно закономерностей, движущих сил, факторов, форм эволюционного процесса. В силу этого и на теоретико-методологическом уровне, в системе теоретико-методологической рефлексии над биологическим познанием философские принципы и метод мышления выступали и выступают в качестве существенного элемента, во многом определяющего понимание методологической и концептуальной роли эволюционного принципа в изучении явлений жизни, в качестве важного критерия оценки и выбора различных эволюционно-биологических построений — понятий, законов, принципов, концепций — как средств научного описания и объяснения объекта биологии — жизни, определения их научного статуса. Идея биологической эволюции и ее различные теоретические разработки в виде эволюционно-биологических концепций являются, таким образом, «рабочим телом» философских представлений и принципов об изменении и развитии в специально-научном исследовании, формой усвое-

ния и применения философско-теоретического знания и типа мышления со стороны специального научного знания и мышления.

С другой стороны, идея биологической эволюции, различные теоретические разработки и т. д. всегда имели непосредственный выход в область мировоззрения и общий метод мышления. Естественнаучный взгляд на эволюцию живого и жизненных процессов является органической частью общего взгляда на мир и самого человека, общего философского учения о развитии, имея глубочайшее значение как для мировоззренческой ценностно-ориентирующей системы человека, так и для его общего способа мышления. Поэтому методологический анализ места и роли эволюционной идеи в системе современного биологического познания не может замыкаться на логическом и специально-научном уровнях, но требует выхода на философский уровень, требует выяснения философии, заключенной в эволюционной идее и ее конкретных реализациях, в ее общегносеологической и мировоззренческой «канализирующей», «векторизирующей» роли по отношению последних как на предметно-теоретическом уровне биологического познания, так и на теоретико-методологическом рефлексивном уровне поиска истины системы самого биологического познания.

Поступила в редакцию
в ноябре 1975 г.

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ ВО ВЗГЛЯДАХ Д. И. ПИСАРЕВА

Р. Н. Блюм

В теории революции Н. Г. Чернышевского была сделана впечатляющая попытка объединить политическую и социальную концепции революции.¹ Это привело, хотя к достаточно абстрактному, но все же единству «социального» и «политического» подходов при анализе сущности и перспектив развития революционного движения.² Революционная идеология шестидесятих годов характеризуется распадением этого абстрактного единства на противоположности, выделением и даже противопоставлением политической и социальной концепций революции. Наиболее значительным представителем политической концепции революции в шестидесятые годы был Д. И. Писарев.

Точности ради следует сказать, что Д. И. Писарев с самого начала своей деятельности шел самостоятельным путем, поэтому, строго говоря, его взгляды на революцию нельзя рассматривать как результат раздвоения теории революции Н. Г. Чернышевского. Но мы особенно не погрешим против истины, если отвлечемся от этого, скорее формального, чем существенного момента и будем исходить из той объективной роли, которую

¹ Об особенностях этих концепций см. статью автора «О понятиях «политическая» и «социальная» революция». — «Ученые записки ТГУ. Труды по философии XVII», вып. 324, 1974.

² См. статью автора «Проблема революции в русской общественной мысли дореформенного периода» (там же), прямым продолжением которой является настоящее исследование. На абстрактность и определенную противоречивость социальной теории Чернышевского указывает И. К. Пантин, отмечая, что она представляет собою «лишь общее предвосхищение тех проблем, которые науке и политической практике предстояло еще конкретно разрабатывать... Противоречия концепции Чернышевского свидетельствуют о стремлении великого мыслителя не утратить конечные цели движения и сохранить общую канву проблем. Впоследствии ученики Чернышевского попытались устранить внутренние противоречия доктрины своего учителя, каждый выберет одно из его решений, одну из его формул и все вместе... потеряют богатство теоретического поиска». И. К. Пантин. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М., 1973, стр. 132, 133.

играли идеи Д. И. Писарева в шестидесятые годы. Кроме того, нужно согласиться с Г. Г. Водолазовым, указавшим, что «в статьях Писарева проявилось (объективно) стремление устранить в исторической концепции Чернышевского противоречие между идеалистическими и материалистическими элементами, между элементами объективного анализа и субъективизма...»³

Обычно, характеризуя взгляды Д. И. Писарева на революцию, многие исследователи отмечают в них противоречия, указывают на имевший место в 1863—66 гг. отход от последовательной революционности, от революционного демократизма.⁴ Нам представляется, что целый ряд трудностей в оценке революционной концепции Д. И. Писарева снимается, если рассматривать ее как политическую концепцию революции. А о том, что это так, свидетельствуют такие основополагающие элементы писаревского мировоззрения, как положения о реализме, об активной роли «мыслящего пролетариата» и, наоборот, пассивной, по крайней мере до поры до времени, народа, о социализме как далекой цели, о задачах и методах осуществления назревших преобразований. Рассмотрим названные положения поближе.

1. Реализм характеризуется Д. И. Писаревым как главная теоретическая основа социального мышления и поведения «умных и честных людей». Быть реалистом, значит быть утилитаристом, т. е. исходить из принципа пользы. «Вполне последовательное стремление к пользе называется реализмом и непременно обуславливает строгую экономию умственных сил, то есть постоянное отрицание всех умственных занятий, не приносящих никому пользы».⁵ Не подлежит сомнению, что Д. И. Писарев считал полезной лишь такую деятельность, которая направлена на достижение человеческого благополучия в интересах массы «голодных и раздетых людей». Другой момент принципа реализма, неразрывно связанный с отмеченным выше, состоит в том, что принимаются «в соображение только действительно существующие, **реальные**, видимые и осязаемые потребности человеческого организма».⁶ Отсюда всякое насилие над историей, всякое «мудрение над жизнью», игнорирующее реальные, т. е. имеющиеся налицо и ясно сознаваемые потребности народа, не только бесполезно, но и вредно. С этой точки зрения реформы Петра I рассматриваются как малопродуктивные, поскольку жизнь многомиллионного русского на-

³ Г. Г. Водолазов. От Чернышевского к Плеханову. МГУ, 1969, стр. 82.

⁴ Ф. Кузнецов пишет о двух точках зрения в советской литературе: первая утверждает, что «Писарев оставался революционным демократом, вторая, что он отошел от идей революционной демократии». (Журнал «Русское слово», М., 1965, стр. 160—162).

⁵ Д. И. Писарев. Реалисты. Собр. соч., т. 3, М., 1956, стр. 20.

⁶ Д. И. Писарев. Посмотрим! Соч., т. 3, стр. 450.

рода практически не изменилась.⁷ Причем Писарев подчеркивает, что речь идет и о прогрессивных мерах, — любая даже самая хорошая идея не может быть навязана народу насильно, народ не может быть даже в «рай» вовлечен помимо своей воли. Да и что может сделать даже самый великий деятель, самый талантливый реформатор, если ход истории совершается независимо от его желаний и воли, если «действующая сила лежала и лежит всегда и везде — не в единицах, не в литературных произведениях, а в общих и преимущественно — в экономических условиях существования народных масс».⁸

Все эти положения определяют отношение Писарева к революции. Если исходить из принципов реализма, то революция может быть оправдана только тогда, когда она соответствует созревшим потребностям жизни, в первую очередь, экономическим, исходит из реальных желаний народа, осуществляет то, к чему народ стремится в момент подготовки и совершения революции. Именно так следует понимать призыв Писарева, прозвучавший еще в 1861 г. в самом начале его революционно-публицистической деятельности: «вот ultimum нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть».⁹

Отмеченные особенности как раз и соответствуют одному из основных элементов политической концепции революции, для которой характерно признание за революцией права на совершение уже **назревших** изменений, в отличие от социальной концепции, которая ждет от революции создания совершенно нового общественного строя, соответствующего целевым установкам и идеалам революционных мыслителей, реализации скрытых и неразвитых еще тенденций общественного развития.

Сказанное относительно «политического» характера концепции революции Писарева подтверждает и отрицательное отношение к идеалам, вытекающее из его теории реализма. «Общий идеал так же мало может предъявить прав на существование,

⁷ «Цивилизаторские попытки Петра прошли мимо русского народа; ни одна из них не прохватила вглубь, потому что ни одна из них не была вызвана живою потребностью самого народа». («Бедная русская мысль». Соч., т. 2, стр. 69).

⁸ Д. И. Писарев. Исторические эскизы. Полн. собр. соч., т. 3. СПб., 1903, стр. 171.

⁹ Д. И. Писарев. Схоластика XIX века. Соч., т. 1, стр. 135. Что это высказывание передает глубокое убеждение Писарева, свидетельствуют почти дословные повторения в последующих статьях. Так, по поводу реформаторской деятельности Петра I он пишет, что царю удалось опрокинуть «только то, что было слабо и гнило, только то, что повалилось бы само собой» (т. 2, стр. 67). А в известном памфлете «О брошюре Шедо-Ферротти» мы читаем: «То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу; нам остается только дать им последний толчок» (Там же, стр. 126).

как общие очки или общие сапоги, сшитые по одной мерке и на одну колодку». ¹⁰ Что касается цели, то «старайтесь жить полною жизнью... и, живя таким образом, не спрашивайте о цели; цель сама найдется, и жизнь решит вопросы прежде, нежели вы их предложите». ¹¹

Из названных основных принципов писаревского реализма вытекает проходящее через все его творчество стремление разобраться в причинах революции, глубоко, по-научному проанализировать пути революционизации масс, и в то же время фактический отказ от разработки программы революционных преобразований. В статьях Писарева можно найти лишь самые общие, самые абстрактные положения о ходе, задачах, характере будущих революционных преобразований или просто нежелание отвечать на подобные вопросы ¹² (и это нельзя объяснить лишь оглядкой на цензуру, известно, как великолепно владел Писарев эзоповым языком), и там же обнаруживается постоянный поиск ответа на вопрос, что побуждает массы к активным выступлениям против существующих порядков. В этом как раз и заключается характерная особенность позиции «политика» — смотреть на то, что есть в действительности, а не на то, что произойдет в будущем.

2. «Политический» характер революционных взглядов Писарева прямо вытекает из его философской позиции вообще и из социальной философии в особенности. Эта система взглядов, в сущности говоря, в целом не выходит за рамки того метафизического материализма, блестящую оценку которого дал Маркс в «Тезисах о Фейербахе». Слова Маркса о материалистическом учении, согласно которому «люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания», могут быть точно проиллюстрированы целым рядом цитат из статей Писарева. ¹³ И так же, как метафизические материалисты, он за-

¹⁰ Д. И. Писарев. Идеализм. Платона. Соч., т. 1, стр. 83.

¹¹ Там же, стр. 120. Вряд ли можно согласиться с Ф. Кузнецовым, утверждающим, что призыв Писарева к освобождению от идеалов сделан в пылу полемики. Нет, это убеждение, продуманная точка зрения сторонника политической концепции революции. При этом нельзя не отметить, что подобное отношение к идеалу в основном встречается до его ареста (1862 г.) В последующем он явно смягчил эту крайне нигилистическую точку зрения.

¹² В статье «Посмотрим!», отвечая на вопрос, что должны делать «руководители общественного самосознания» после осуществления общественного преобразования (когда теоретическое решение будет осуществлено), Писарев пишет: «Ответ на... вопрос в наше время невозможен и не имеет для нас ни малейшего интереса, потому что этот... вопрос получит практическое значение не для нас, а разве только для наших внуков и правнуков...» (Соч., т. 3, стр. 490).

¹³ Например, соч., т. 1, стр. 221—222, 234. И в этом случае надо сказать, что взгляды Писарева с годами претерпели существенные изменения. В статье «Роман кисейной девушки» (1865 г.) он писал: «Человек — продукт среды и жизни, но жизнь в то же время вкладывает в него активную

бывает, что «обстоятельства изменяются именно людьми».¹⁴

Неизбежным следствием такой позиции была свойственная Писареву недооценка активности человека, его деятельности как фактора исторического процесса. А ведь эта недооценка и характеризует один из самых важных элементов политической концепции революции. Здесь можно указать на аналогию со взглядами политических революционеров периода Великой французской революции, которые, как известно, находились под влиянием «теории среды» французских материалистов XVIII века и политических революционеров периода немецкой революции 1848—49 гг., находящихся под влиянием «теории среды» Фейербаха.¹⁵

силу, которая не может быть мертвым капиталом для существа деятельного... Поэтому, склоняясь перед незбылемыми законами вечной природы, современный мыслитель продолжает сознательно верить в преобразующие и обновляющие силы человеческого ума. Все должно быть так, как оно есть в действительности. Согласен. Но если я недоволен тем, что я вижу вокруг себя, то и недовольство мое также **должно** быть и не может не существовать. Если мое недовольство наводит меня на ряд размышлений и поступков, то и размышления и поступки входят также в общий план природы. Стало быть, сознавать необходимость всех явлений, совершающихся в природе, совсем не значит складывать руки и погружаться в факирское созерцание. Я — также явление; и если я чего-нибудь хочет, ищет, домогается, то зачем же стеснять его естественные стремления» (Соч., т. 3, стр. 190). Это высказывание Писарева, несомненно, является шагом вперед от «теории среды», но поскольку диалектика оставалась для него чуждой, такой шаг по необходимости оказался половинчатым — активность выступала как свойство «лучших, то есть самых здоровых и нормально организованных представителей нашей породы (там же).

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 2.

¹⁵ Мне уже приходилось высказывать мысль, что деление на «социалистиков» и «политиков» выходит за пределы теории революции и может быть использовано в типологии личности. С этой точки зрения было бы крайне интересным изучить становление личности Писарева в сравнении, скажем, с личностью Чернышевского или Добролюбова. Оставляя эту благодарную работу специалисту-психологу (ежели такой найдется), можно, пожалуй, сказать, что некоторые личностные черты Писарева, наблюдаемые еще в детстве и юности были «хорошей» основой для формирования «политической личности». Так, из воспоминаний дяди Писарева А. Д. Данилова явствует, что мальчик отличался чрезвычайным послушанием: «Я всегда понимал, — говорил мне Дм. Ив., — что плетью обуха не перешибешь, лбом стену не пробьешь... что же страдать-то по-пустому, к чему же было бы докнихотствовать и сражаться с мельницами?» Цит. по: Л. Плоткин. Д. И. Писарев. Жизнь и деятельность. М.—Л., 1962, стр. 5. Не отличался юноша нонконформизмом и в гимназии. В университете он входил в круг людей, готовящих себя к научной карьере и отрицательно относящихся к политике. Отсюда не удивляет его призыв к внешней осторожности и утверждение, что «в нас говорила не трусость, не чувство смирения — нет! То была любовь к общему делу, но любовь предусмотрительная, любовь к свободе... , которой мы не хотим терять из-за памфлетов и смелых злословий» (там же, стр. 12). Эта осторожность, этот «реализм» продолжался и в первых публикациях Писарева в журнале «Русское слово» и выражался в призывах к трезвости («Наука и искусство должны мирить нас с жизнью, обходя нас ее смысл» — февраль 1861 г.), в отрицательном отношении к

Но справедливо ли упрекать такого активного, энергичного человека, отрицателя и «нигилиста» каким был Писарев, в недооценке активности? Конечно, речь идет не о недостатке активности у Писарева и его сторонников из числа радикально настроенной молодежи. Речь может идти лишь об отношении к революционным возможностям народа — основной и решающей силе революции. А эти революционные возможности Писарев оценивал крайне низко. «В самом деле, разоренному, обобранному, истощенному, голодному и прозябшему человеку, изнемогающему под тяжестью механического и неблагодарного труда, необходимо, более чем всякому другому, вдуматься в свое бедственное положение, обсудить его со всех сторон, изучить пытливым взглядом все особенности окружающих условий, найти выход и немедленно воспользоваться сделанным открытием. Но такой человек, . . . менее всякого другого способен к тем тонким и сложным умственным операциям, для которых требуется спокойствие, досуг, самоуверенность, способность смотреть вперед с сознательною надеждою и относиться к жизни с разумной требовательностью».¹⁶ К этому добавляется, «что умственный сон низших классов охраняется во всех благоустроенных государствах многими сотнями бдительных аргусов».¹⁷ Порой Писарев выражался крайне резко (что можно объяснить понятным недовольством революционера-патриота, у которого душа болит при взгляде на слишком уж затянувшееся рабье терпение «спящего богатыря»), называя народ «человеческим стадом», бесцветными и несамостоятельными людьми,¹⁸ «желудком человечества».¹⁹ Такой народ, разумеется, самостоятельно, по собственной инициативе не способен совершить революцию и побудить его на решительные действия могут лишь экстраординарные обстоятельства.

коммунизму («несбыточные и оскорбительные для личности человека утопии коммунизма» — июль—август 1861 г.), в скептицизме по отношению к революции («революция не была целью его (Аполлония) жизни, потому что цель его была и шире, и глубже, и достойнее мыслящего человека» — тогда же). Хотя все эти «заблуждения» юности были преодолены Писаревым в процессе пересмотра своих взглядов («целый громадный внутренний переворот» — по словам Н. В. Шелгунова), тем не менее вполне можно предположить, что «переворот» не был полным отрицанием прошлого и что некоторые достаточно глубинные свойства личности (трезвость, реалистичность, отсутствие романтичности и т. п.) не претерпели коренных изменений. Нельзя также не принять во внимание свидетельство самого Писарева: «. . . некоторые частности действительно изменились в моих понятиях. . . , но превращения все-таки никакого не произошло, получилось только постепенное, органическое развитие» (Соч., т. 3, стр. 452). Конечно, отмеченным личностным особенностям ни в коем случае нельзя придавать решающего значения. Это только штрих в общей картине сложного мировоззрения великого критика.

¹⁶ Д. И. Писарев. Французский крестьянин в 1789 г. Соч., т. 4, стр. 405.

¹⁷ Д. И. Писарев. Наши усыпители. Там же, стр. 249—250.

¹⁸ Там же, стр. 189.

¹⁹ Д. И. Писарев. Базаров. Соч., т. 2, стр. 15.

Некоторые исследователи (Ф. Кузнецов, Г. Водолазов) считают, что скептицизм Писарева относительно революционных возможностей народа порожден действительным спадом активности крестьянства, начавшегося с 1862 г. и поэтому вполне оправдан. Трудно возразить против указания на оправданность таких сомнений; историческая практика показала с очевидностью, на чьей стороне оказалась истина. Но в данном случае нас интересует другая сторона дела. Разве скептическое отношение не имело места уже в 1861 и в начале 1862 г., когда о спаде вряд ли кто-либо мог сказать? Разве не были свидетелями действительного спада и другие русские революционеры 60-х гг.? Наконец, разве Писарев был большим знатоком народа, его реального положения и его настроений, чем другие революционеры? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы стала ясной необходимость искать другого объяснения. И оно, на наш взгляд, имеется, если принять во внимание целостность политической концепции революции, которую разделял и пытался применить к русской действительности Писарев. Именно из этой концепции с необходимостью вытекает тезис о пассивной роли большинства народа и активной роли сознательного революционного меньшинства. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» писал о такой теории, что она вынуждена делить общество на две части, одна из которых возвышается над обществом».²⁰

3. К вопросу о роли революционного меньшинства Писарев обращается неоднократно. Можно без преувеличения сказать, что это одна из его центральных идей. Здесь необходимо подчеркнуть, что он далек от точки зрения заурядных буржуазных политических революционеров, стремящихся по-возможности не допускать народ к революционной борьбе и осуществить изменения руками «сознательного» меньшинства.

Революция для Писарева есть соединение мысли и действия, причем главным деятелем ее должен быть сам народ. Это убеждение толкало его на постоянные поиски причин и путей активизации и радикализации народных масс. Не случайно Писарева привлекают революционные события в европейских странах, в особенности во Франции, к исследованию которых он неоднократно возвращался. Высоко оценивая творчество французских писателей Эркмана и Шатриана, он пишет: «Они берут людей народной массы в те торжественные минуты, когда в этой массе под влиянием многолетнего горя начинает созревать неотложная

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 2. Может возникнуть вопрос — разве не были «социальщиками» великие утописты-социалисты, прямые адресаты критики Маркса? Дело в том, что они не были революционерами. Поэтому они «социальщики» лишь в своем идеале, в своей цели, в средствах же достижения цели они «политики» худшего, реформистского толка (хотя и прокламируют постоянно свое отвращение к политике), так как уповают на правительство (официальное или неофициальное), которое и должно осуществить их социалистические проекты.

потребность отдать себе строгий и ясный отчет в том, что мешает ей жить здоровою человеческою жизнью. Они стараются проследить, какими путями и каналами в народную массу медленно просачивается сознательное неудовольствие, исподволь вытесняя и сменяя собою ту неповоротливую и тупую угрюмость, которая является обыкновенным результатом неосмысленного страдания и обыкновенно разрешается диким запоем, бестолковыми драками и нелепыми преступлениями. Они пытаются угадать и показать, какая борьба мнений и взглядов разыгрывается в великие минуты народного пробуждения у каждого самого скромного семейного очага и в каждом самом убогом деревенском трактире. Они стараются ввести читателя в ту таинственную лабораторию, почти недоступную для историка, где вырабатывается, из бесчисленного множества разнороднейших элементов и под влиянием тысячи содействующих и препятствующих условий, — тот великий **глас народа**, который действительно, рано или поздно, всегда оказывается **гласом божьим**, то есть определяет своим громко произнесенным приговором течение исторических событий».²¹ В этой пространной цитате обращает на себя внимание то крайне важное для понимания позиции Писарева обстоятельство, что революцию может совершить только такой народ, у которого «тупая угрюмость» сменилась **«сознательным неудовольствием»**.

Но сознательное неудовольствие может возникнуть только в результате усилий определенных групп людей. Во Франции, о которой собственно идет речь, это были, во-первых, низшие слои буржуазии, во-вторых, низшее духовенство, и, наконец, «люди разоренные, ожесточенные, измученные нелепостями старого порядка, люди, вредившие этому порядку с настойчивостью, свойственною непримиримым врагам, и с полным знанием всех его слабых сторон»,²² то есть революционеры, по терминологии Писарева — мыслящий пролетариат. Все эти группы выработались как противники существующего общественного порядка главным образом под воздействием обличительной и критической литературы. «Книги, журналы и газеты образовали между тысячами и десятками тысяч индивидуальных умов такую тесную и крепкую связь, которая до того времени была невозможна и немыслима».²³ Писарев составил впечатляющую картину состояния литературы и искусства и их воздействия на умы перед великой французской революцией, перечислив в хронологической последовательности произведения художественной и научной литературы, оказавшие глубокое впечатление на чита-

²¹ Д. И. Писарев. Французский крестьянин в 1789 году. Соч., т. 4, стр. 400.

²² Там же, стр. 421.

²³ Д. И. Писарев. Популяризаторы отрицательных доктрин. Соч., т. 4, стр. 151.

телей, начиная с «Духа законов» Монтескье (1748 г.) и кончая представлением «Свадьбы Фигаро» Бомарше в 1784 г.²⁴

Итак, модель французской революции и, по-видимому, революция вообще, рисовалась Писареву следующим образом: основная сила революции — народ, «страдающий от невыносимой боли», но сам неспособный осознать свое положение и свои потребности и подняться на осмысленную революционную борьбу; его революционные потенции могут быть реализованы только тогда, когда он, во-первых, вовлекается в общий поток современной хозяйственной жизни и, таким образом, вырывается из рутины и приобретает элементарный материальный достаток, что происходит под воздействием «низших слоев буржуазии», во-вторых, когда он обучается грамоте под руководством «низшего духовенства» и, в-третьих, когда он получает революционное политическое образование и проникается революционной сознательностью с помощью и под управлением «мыслящего пролетариата»; к этому добавляется необходимое функционирование еще одного, так сказать, высшего слоя «мыслящего пролетариата», его «мозгового центра», стоящего на переднем крае современной науки и воспитывающего посредством литературы разного рода критицизм и дух революционного отрицания в среде воспитателей и руководителей народа.

Как же обстоит дело в России? Потенциальный революционер — масса народа налицо, ее страдания и в силу этого недостаток — реальный факт. Что касается воспитателей — посредников между революционным авангардом и народными массами, то Писарев, в конечном счете, видит только одну реальную силу — «мыслящий пролетариат». В конечном счете потому, что в течение некоторого времени у него явно имели место иллюзии относительно возможной позитивной роли провинциального дворянства, мелкого чиновничества и молодой отечественной капиталистической поросли. В «Схоластике XIX века» (1861 г.) он писал о необходимости посредством литературы и в особенности журналистики гуманизировать провинциальное дворянство и мелкое чиновничество, именно тот слой, который живет среди народа и имеет с ним общие интересы и стремления. Этот слой и будет посредником, проводником «общечеловеческих идей» в народ.²⁵ Через три года в статье «Реалисты» такую же роль Писарев отвел капиталистам, которым только стоит дать образование, научить мыслить и понимать собственную пользу, и они сделаются «мыслящими и расчетливыми руководителями народного труда».²⁶ В последующем эти иллюзии были преодолены, и Писарев перестал возлагать надежды

²⁴ Д. И. Писарев. Популяризаторы отрицательных доктрин. Соч., т. 4, стр. 175—183.

²⁵ Там же, т. 1, стр. 100.

²⁶ Там же т. 3, стр. 125.

на подобного рода посредников, хотя нельзя одновременно не отметить, что расчет на названные социальные слои вполне согласуется с разделяемой им политической концепцией революции.²⁷ Таким образом, остается «мыслящий пролетариат», реалисты, на плечи которых ложится крайне сложная задача обеспечить реализацию трех необходимых компонентов революционной борьбы народа, отмеченных при анализе Французской революции — богатства (достатка), ума (образования) и деятельности (революционной активности).²⁸

Поскольку в России народ «спит», то **реальной** революционной силой могут быть только «новые люди» — мыслящие пролетарии. А реальная революция может быть только революцией, совершенной главным образом этой силой, а не народом. Этот вывод прямо следует из вышеприведенных рассуждений Писарева. В противном случае мы должны признать Писарева человеком довольно умеренных взглядов, откладывающим революцию до греческих календ, до того далекого времени, когда народ для нее созреет. Факты говорят, что это не так. Писарев был достаточно убежденным революционером и полагал, что революция, хотя и не является делом завтрашнего дня, отнюдь не за горами. «Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции, надо быть совершенно ограниченным или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла».²⁹ Но, как мы видели, речь идет не о **народной** революции, а, следовательно, в вопросе о характере будущего радикального преобразования Писарев остается в рамках политической концепции революции.

Дополнительным аргументом в пользу выдвинутого тезиса является рассуждение о роли «новых людей» в ходе самой революции. Писарев отмечает, что «все великие минуты в истории человечества до сих пор обманывали общие ожидания, приводили за собою горькое разочарование и сменялись вековой апатией», поскольку в эти времена было слишком мало Рахметовых.³⁰ Оказывается и здесь все упирается в активную деятельность революционного меньшинства, а не народных масс. Разве это не типичные суждения «политика»?

4. Был ли Писарев социалистом? На этот вопрос все советские исследователи отвечают утвердительно.³¹ Если это так, то

²⁷ И. К. Пантин, обсуждая иллюзии Писарева относительно «руководителей народного труда», обращает внимание на интересную попытку критика «связать решение задачи духовного подъема народных масс с движением страны по пути к капитализму». (Указ. соч., стр. 170).

²⁸ «А если народ будет деятелен, богат и умен, то что же может помешать ему сделаться счастливым во всех отношениях». — «Цветы невинного юмора». Соч., т. 2, стр. 364. (Выделено мною. — Р. Б.)

²⁹ Д. И. Писарев. Соч., т. 2, стр. 125.

³⁰ Там же, т. 4, стр. 47.

³¹ Подробный анализ социалистических воззрений Писарева дан Б. П. Козьминным (Литература и история. М., 1969, стр. 243—327), В. Кир-

не вступают ли его социалистические воззрения в противоречие с разделяемой им политической концепцией революции? Нам кажется, что нет. Связывая наступление социализма с достаточно высоким развитием человеческого общества, с веком машин, с высокой степенью умственного развития работников,³² с целесообразной организацией труда,³³ Писарев отчетливо представлял себе, что в России все это может быть осуществлено очень и очень нескоро, что социалистическое преобразование отнюдь не стоит на повестке дня, вопреки утверждениям «социальщиков-общинников», а является делом далекого будущего. Социализм придет с необходимостью, закономерно, но не скоро. «Средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала».³⁴ «Эти времена лежат еще далеко впереди»,³⁵ — пишет он в другом месте, имея в виду очень медленное движение человечества к своему желанному светлому будущему. На возражение, что приведенные слова относятся скорей к Европе, чем к России, можно выдвинуть два контраргумента: во-первых, в статьях «Реалисты» и «Мыслящий пролетариат» речь идет именно о русской жизни, во-вторых, Писарев, в отличие от сторонников общинного социализма, считал, что общественное развитие России подчинено общеисторическим закономерностям.

Таким образом, вопрос о социализме, будучи вопросом наших внуков и правнуков, не имеет непосредственного практического значения, и цель при всей ее возвышенности «представляет очень слабое утешение в житейских передрыгах». Ведь это все равно, «что пить неподслащенный чай, поглядывая на кусок сахара, привешенный к потолку».³⁶ Сказано достаточно определенно. Но если это так, то социалистическая социальная революция — в далеком будущем, а предстоящая и близкая революция может быть только революцией политической. Разумеется, такой вывод возможен только при взгляде на Писарева как на революционера. Революционер и в то же время социалист, не видящий прямых путей осуществления своих идеалов, не мог не искать промежуточных революционных этапов.

потным (Радикальный разночинец Д. И. Писарев. М., 1933, стр. 209—250), Ф. Кузнецовым (Указ. соч., стр. 189—224).

³² «Век машин требует непременно добровольных ассоциаций между работниками, а такие разумные ассоциации возможны только тогда, когда работники находятся уже на довольно высокой ступени умственного развития». Д. И. Писарев. Соч., т. 3, стр. 120.

³³ «Целесообразная организация труда может и должна привести за собою счастье человечества». Там же, стр. 14—15.

³⁴ Там же, т. 2, стр. 308.

³⁵ Там же, т. 3, стр. 72. Буквально в тех же выражениях повторяется эта мысль в статье «Мыслящий пролетариат» (т. 4, стр. 43).

³⁶ Там же, т. 3, стр. 26.

5. Позитивная программа Писарева, естественно, вытекает из общих посылок его теории. Она должна быть реалистической, то есть решать те задачи, которые назрели, стремиться к ломке того, что уже гнило, опираться на те силы, которые имеются в наличии, ставить цели, которых можно достичь в недалеком будущем. В этой связи интересно проанализировать единственную статью Писарева, в которой он не был стеснен никакими цензурными рогатками — памфлет против Шедо-Ферроти. Анализ показывает, что автор убежден в необходимости революции, причем в недалеком будущем «гораздо пораньше второго пришествия Христова»,³⁷ он не сомневается, что «династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть».³⁸ Что же можно сказать по тексту статьи о предстоящей революции? Каково ее содержание, цели, кто враги, против которых она будет направлена? «Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя, — читаем мы у Писарева, — составляет единственную цель и надежду всех честных граждан России».³⁹ В цитированном месте речь идет, оказывается, не только о политическом, но и об общественном изменении. (Вспомним, что в те времена общественное и было синонимом социального). Но такое отделение политического от социального не должно ввести в заблуждение. Вряд ли найдется такой сторонник политической концепции революции, который отрицал бы необходимость общественных, социальных изменений и ограничивал революцию только изменениями политическими. Такие изменения были бы не революцией, а государственным или дворцовым переворотом. Различия политической и социальной концепций революции вытекают, по крайней мере, из ответов на вопросы — какова глубина общественных преобразований, какие силы принимают в нем участие, какие цели оно преследует?

Вернемся к революционному памфлету Писарева. Итак, что же он имеет в виду под изменением политического и общественного строя России? Революция должна нанести удар «дряхлому деспотизму», «дряхлой религии», «дряхлым стропилам современной официальной нравственности» и более конкретно, династии Романовых, правительству и петербургской бюрократии. Почему именно петербургской бюрократии, а не бюрократии вообще и не государственному строю как таковому? На этот вопрос памфлет ответа не дает, но на него дает ответ общая теоретическая платформа Писарева.

Далее, на какие злоупотребления деспотического правительства указывается в памфлете? Вот они: подавление свободы слова, запрет на литературу, отсутствие народного образования,

³⁷ Д. И. Писарев, т. 2, стр. 121.

³⁸ Там же, стр. 126.

³⁹ Там же, стр. 125.

подавление добрых начинаний общества и молодежи. «Воскресные школы закрыты, два журнала закрыты, тюрьмы набиты честными юношами, любящими народ и идею, Петербург поставлен на военное положение, правительство намеренно действовать с нами как с непримиримыми врагами».⁴⁰ В этом перечне мы не находим ни одного значительного социально-экономического фактора, ни одного конфликта, порожденного социально-экономическими противоречиями. А ведь это был период сразу после реформы 1861 г., реформы, породившей столько проблем.

Наконец, к кому обращается памфлет? Кто это «мы», с которыми правительство обращается как с непримиримыми врагами? Не подлежит сомнению, что это не народные массы, а тот самый мыслящий пролетариат, та радикальная интеллигенция, на которую автор памфлета возлагал свои главные революционные надежды. Он не зовет русского мужика «в топоры», цели и задачи у него другие.

Все сказанное позволяет сделать вывод: Писарев сознательно держал курс на политическую революцию, главной целью которой было бы свержение самодержавия и провозглашение политических свобод.

Было бы, конечно, искажением взглядов великого критика, если бы мы на этом поставили точку, решив, что перед нами обычная буржуазно-демократическая теория. Ведь нельзя упускать из виду социалистического характера мировоззрения Писарева. А это значит, что для него: а) ясна ограниченность чисто политических изменений и б) такие изменения рассматриваются только как необходимая предпосылка, которая в своем конечном результате откроет путь к социальному преобразованию.

Писарев хорошо сознавал недостаточность таких революций, которые устанавливают конституционный строй, но мало или ничего не дают голодным и раздетым людям. Ему была чужда вера в «конституцию как в универсальное лекарство»,⁴¹ он был далек и от того, чтобы «видеть альфу и омегу человеческого благополучия в учреждении палаты депутатов или палаты пэров»,⁴² он также понимал, «что всякие политические права существуют и имеют значение только для людей состоятельных».⁴³ Но никак нельзя согласиться с В. Кирпотиним, который на основании этих высказываний приходит к выводу, что Писарев разочаровался в политике, рассматривая ее как фактор, который «не имеет существенного значения в жизни народов».⁴⁴ Такое утверждение кажется на первый взгляд убедительным,

⁴⁰ Д. И. Писарев. Соч., т. 2, стр. 126.

⁴¹ Там же, т. 4, стр. 216.

⁴² Там же, стр. 15.

⁴³ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 158.

⁴⁴ В. Кирпотин. Радикальный разночинец Д. И. Писарев, стр. 222—

тем более, что большая часть русских революционеров того времени крайне отрицательно относилась к политике. Но только на первый взгляд. Внимательное чтение цитированных статей не дает основания для подобного категорического вывода. В самом деле. Ведь Писарев вовсе не отрицает пользы палаты депутатов, «самая лучшая палата может только **сберечь** доходы страны, а хорошие мастерские могут **удесятерить** этот доход»⁴⁵ (выделено мною. — Р. Б.). Наверно, «сберечь» тоже не совсем плохо. В статье «Генрих Гейне», где также критикуются конституционные иллюзии, говорится об опыте революции XVIII в. во Франции и отмечается, что этот опыт окончился неудачей. «Неудачею не в том смысле, что революция не принесла Франции никакой пользы, а только в том смысле, что результат не соответствовал наивно преувеличенным ожиданиям народа и его вождей».⁴⁶ Все это говорит о трезвой и объективной оценке событий со стороны Писарева, сделанной вполне в духе Чернышевского, и, в то же время, учитывая всю совокупность его взглядов, о полной необоснованности обвинений в аполитизме.

Политическая революция не самоцель, а лишь средство пробуждения народа, средство обеспечения необходимых условий для успешной борьбы за его собственные, непосредственно связанные с его материальной жизнью интересы. «Пробуждение масс, необходимое для вступления в истинную цивилизацию, — недвусмысленно пишет Писарев, — всегда производится только каким-нибудь решительным поворотом в течении общественной и экономической жизни... Каждый поворот, действующий освежительно на жизнь и самосознание масс, обыкновенно заключается в том, что эти массы освобождаются от какой-нибудь стеснительной опеки и полнее прежнего предоставляются естественному ходу собственных инстинктов и стремлений».⁴⁷ Дайте народу свободу, и он сам устроит жизнь в соответствии со своими потребностями и стремлениями — такова главная мысль Писарева.

Анализируя позитивную программу великого критика, необходимо остановиться еще на двух вопросах. Во-первых, на вопросе о так называемом химическом и механическом путях, и, во-вторых, на волнующем всех революционных мыслителей вопросе — «что делать?»

«Иногда общественное мнение, — читаем мы у Писарева, — действует на историю открыто, механическим путем. Но, кроме того, оно действует еще химическим образом, давая незаметно то или другое направление мыслям самих руководителей. Таким образом, даже исторические события подчиняются до неко-

⁴⁵ Д. И. Писарев. Соч., т. 4, стр. 15.

⁴⁶ Там же, стр. 216.

⁴⁷ Там же, т. 2, стр. 239.

торой степени общественному мнению».⁴⁸ Итак, механическое или химическое действие есть функция общественного мнения. Что же такое общественное мнение? Общественное мнение представляют «образованные и достаточные классы», классы, «которые не задавлены нищетою и физическим трудом». Таким образом, получается, что механический и химический пути есть два вида воздействия образованных классов на историю. Это необходимо подчеркнуть, поскольку нередко встречается весьма расширенное толкование названных путей, толкование, которое совсем не следует из текста.⁴⁹ Раз речь идет о способах воздействия активного меньшинства (образованные классы) на общество, то ясно, что указание на механический путь недвусмысленно связано с политической концепцией революции, поскольку дело идет о революции не народа, а меньшинства. Что касается химического пути, то поскольку политическое преобразование не носит глубокого характера, переход от революционного (механического) к реформистскому (химическому) пути довольно легко. Другими словами, стороннику политической революции такой переход дается куда легче, чем стороннику социальной. Данное объяснение отнюдь не отменяет того несомненного факта, что, признавая возможность «химического пути», революционер Писарев проявил определенную непосредственность, ибо реальная ситуация не оставляла никаких надежд на реформистскую деятельность.

Вывод о «политическом» характере революционной концепции Писарева следует и из его ответа на вопрос «что делать?» Как известно, этот ответ был довольно прост — надо учить думать, надо бороться с невежеством, всячески популяризировать науку, расширять естественно-научное образование, «надо увеличивать массу мыслящего пролетариата»,⁵⁰ «надо увеличивать число мыслящих людей в тех классах общества, которые называются образованными»,⁵¹ надо «всеми силами искать теоретического решения и всеми силами побуждать других людей

⁴⁸ Д. И. Писарев, т. 3, стр. 124.

⁴⁹ Так например, Ю. Сорокин во вступительной статье к собранию сочинений Писарева пишет: «Механический путь — это путь революционного переворота, непосредственного действия масс... Химический путь — это путь медленной, но неуклонной подготовки сознания общества к коренным общественным переменам, путь эволюции» (т. 1, стр. XXXVI). Непонятно, откуда взялось непосредственное действие масс? Ф. Кузнецов также попадает под влияние привычной точки зрения. И даже идет дальше, отмечая, что «химический путь — это социалистическое преобразование общества путем мирного перевоспитания эксплуататорских классов силой естественности и социалистических идей» (указ. соч., стр. 265). Неужели Писарев при всем своем реализме разделял такие утопические надежды? Этого, на наш взгляд, при всем старании доказать нельзя. Социализм тут совсем не причем.

⁵⁰ Д. И. Писарев. Соч., т. 3, стр. 489.

⁵¹ Там же, стр. 123.

к тому же самому исканию».⁵² Нельзя не согласиться с тем выводом, который делает Г. Г. Водолазов, указывая, что такая программа действия «представляет собой в деталях разработанную систему и метод выработки и собиранья сил в периоды отливов революционно-освободительного движения».⁵³

Но необходимо добавить, что эта программа является одновременно программой, подготавливающей успех политического преобразования, в возможность которого, как мы видели, Писарев твердо верил. О такой задаче программы он говорит несколько раз. Так например, в статье «Цветы невинного юмора» (февраль 1864 г.) отмечается: «если даже чувство и энтузиазм приведут к какому-нибудь результату, то упрочить этот результат могут только люди, умеющие мыслить».⁵⁴ «Чувство и энтузиазм» — это как раз силы революции, так сказать, «неоплодотворенные» знанием, что характерно для «политического» преобразования, подобного французской революции XVIII в. Кстати говоря, уроки этой революции очень важны для Писарева, о чем свидетельствует факт пристального внимания критика к событиям во Франции XVIII века; без преувеличения можно сказать, что это одна из его любимых тем. По всей вероятности он считал, что зреющая в России революция будет во многих отношениях похожа на французскую. Поэтому необходимо извлечь из опыта французской революции полезные русскому революционному движению уроки. «Посмотрите, например, на первую французскую революцию: энергии, героизма, любви к отечеству и всяких других добродетелей было истрачено столько, что их хватило бы на освобождение всех народов земного шара; а между тем движение завершилось военным деспотизмом и позорнейшей реставрацией именно от того, что не нашлось в запасе положительных знаний, без которых и самый гениальный организатор всегда потерпит полнейшую неудачу».⁵⁵ Итак, знание, мыслящие люди нужны и для успеха политического преобразования, и для закрепления его результатов, и для успешного продвижения по пути его углубления и развития.

6. Все вышесказанное, как нам представляется, свидетельствует о том, что взгляды Писарева на революцию в своих основных моментах и по своей сущности находятся в русле политической концепции революции. Но это вовсе не означает, что Писарев типичный, так сказать, заурядный «политик». Не прошли даром «уроки», полученные в «школе» Чернышевского, сыграла немалую роль присущая Писареву, как и вообще всем

⁵² Д. И. Писарев, т. 3, стр. 489.

⁵³ Г. Г. Водолазов. От Чернышевского к Плеханову, стр. 121.

⁵⁴ Д. И. Писарев. Соч., т. 2, стр. 364.

⁵⁵ Там же, т. 3, стр. 462.

русским революционерам, антибуржуазность, понимание внутренней порочности буржуазного строя европейских государств и половинчатоности прошедших уже буржуазных революций, наконец, нельзя не учитывать общий «социальный» дух, царивший в среде радикально настроенной русской интеллигенции. Все это определило, что в каких-то самых общих принципах, в конечных целях и идеалах «политик» Писарев не расходится с «социальщиками».

Действительно, и он убежден, что революция только тогда будет успешна, когда сам народ возьмется за дело, то есть когда она затронет интересы, станет кровным предприятием самых широких и глубинных слоев народа, он также убежден, что успех революции зависит от того, насколько она разрешит проблему «голодных и раздетых людей», насколько она коснется «основных сторон гражданского и экономического быта нашего простонародья»,⁵⁶ наконец, он убежден, что только социализм обеспечит подлинную свободу личности и разрешит социальные противоречия. Но это такие общие принципы, такие идеалы, о которых Писареву, как реалисту и говорить-то не очень хочется. Это скорее область мечты, правда, той мечты, которая поддерживает и усиливает энергию, той мечты, которая необходима радикально мыслящему человеку, но все же мечты. А реальность требует других действий, другой стратегии и тактики, именно той, которая, по нашему определению, не выходит за рамки политической революции. Таким образом, можно сказать, что в отдаленных целях Писарев «социальщик», в средствах же и в ближайших целях он «политик». Тем не менее указанное совпадение «политических» и «социальных» моментов и принципов нельзя ни в коем случае игнорировать. Оно свидетельствует о том, что Писарев не является чистым «политиком», что в его концепции содержатся потенции, хотя и нереализованные, к объединению «политической» и «социальной» концепций.

Более того, во взглядах Писарева, по-видимому, совершалась эволюция (прерванная преждевременной смертью) в сторону все большего приближения к социальной концепции революции, увеличения «социальных» элементов в общей системе его взглядов. Отмеченный рядом авторов (Б. Козьмин, Л. Плоткин, Ф. Кузнецов, С. Конкин⁵⁷) перелом в мировоззрении Писарева, произошедший в середине 1865 года, несомненно связан, по существу, с пересмотром некоторых аспектов «политической» концепции. Наиболее существенным является изменение отноше-

⁵⁶ Д. И. Писарев. Соч., т. 2, стр. 70.

⁵⁷ С. С. Конкин. Эстетические и литературно-критические взгляды Писарева. Саранск, 1973. Вера Засулич писала о Добролюбове и Писареве: «Эти оба еще росли, их нельзя представить себе остановившимися на том понимании, какого они достигли перед смертью. В них все еще было *in Werden*». Н. Карелин. Д. И. Писарев. — «Научное обозрение», 1900, № 7, стр. 1210.

ния к революционным потенциям народных масс и более критическое отношение к тем представителям образованных классов, чьи личные интересы не идут дальше узкоклассовых выгод (буржуа и им подобные). «Для решения задачи о голодных людях, — пишет Писарев в статье «Исторические идеи Огюста Конта, — необходимо соблюдение двух условий. Во-первых, задачу эту должны решить непременно те люди, которые в ее разумном решении находят свои личные выгоды, то есть ее должны решить сами голодные люди, сами пролетарии, сами работники. Кто берется решать ее для работников, но не через работников, тот, наверное, кого-нибудь обманывает, самого себя или свою публику. Во-вторых, решение задачи заключается не в возделывании личных добродетелей, а в перестройке общественных учреждений».⁵⁸ В этом писаревском положении нельзя не увидеть провозглашение одной из центральных идей социальной концепции революции — **освобождение народа посредством самого народа**. Высказанная в столь категорической форме, эта идея несомненно свидетельствовала о наметившемся, но, к сожалению, не реализованном весьма основательном перевороте во всей системе социологических взглядов великого критика.

Даже с учетом указанных изменений нельзя согласиться с Ф. Кузнецовым, который считает, что публицисты «Русского слова» во главе с Писаревым, верили в социалистический характер предстоящей революции и потому принимали теорию социальной революции.⁵⁹ Что это не так, было подробно показано выше. Здесь же можно добавить, что та революция, которая созревала в российских условиях того периода, не рассматривалась Писаревым как социалистическая хотя бы потому, что в ней активное участие, с его точки зрения, должны были принять капиталисты-буржуа,⁶⁰ сохраняется еще господство над трудом.⁶¹

Достоинства «политической» концепции Писарева несомненны: трезвость, научный подход к оценке реальной обстановки, требование учета всех обстоятельств; подчеркивание роли сознательного элемента в революции, роли знания, без которого глав-

⁵⁸ Д. И. Писарев. Полн. собр. соч., т. V, стр. 404.

⁵⁹ Ф. Кузнецов. Указ. соч., стр. 247. Еще дальше идет В. А. Цыбенко, бесосновательно утверждая, что Писарев был сторонником политической и социальной революции и чуть ли не прямым предшественником научного социализма. (В. А. Цыбенко. Мировоззрение Писарева. МГУ, 1969, стр. 18—19, 31, 46).

⁶⁰ См. Д. И. Писарев. Соч., т. 2, стр. 363—364, 393, т. 3, стр. 125—126. Даже в статье, написанной в 1868 г., Писарев, обращаясь к истории французской революции, недвусмысленно указывает на роль в ней буржуазии. Не подлежит сомнению, что, анализируя события этой революции, он вовсе не стремился удовлетворить лишь свое историческое любопытство.

⁶¹ «У капиталиста есть ум и богатство. Эти два преимущества упрочивают за ним господство над трудом» (Там же, т. 3, стр. 125).

ные конструктивные функции революции повисают в воздухе;⁶² поиск классовой силы, могущей стать авангардом революционного движения; постановка вопроса о путях перехода от стихийности к сознательности. Именно Писарев «наиболее полно и глубоко осознал особенности периода после первой революционной ситуации... Именно он с наибольшей ясностью выразил необходимость преодоления всяких иллюзий в революционной борьбе — и переоценки активности народа в определенные исторические периоды, и слепой веры в акты одиночного героизма, и упрощенных расчетов на силу, взрыв, немедленное уничтожение отживших политических и социальных сил».⁶³

Но, как известно, достоинства часто перерастают в недостатки, а недостатки являются продолжением достоинств. Недостатки же концепции революции Писарева типичны для любой политической концепции революции. Это — недостатки теории, исходящей из деления общества на воспитателей и воспитуемых, не учитывающей, в конечном счете, что революционеры и революционные массы формируются **только** в революционном действии. Все это ведет к тому, что концепция революции Писарева носит довольно абстрактный характер. И, пожалуй, не только цензурными соображениями можно объяснить отсутствие в ней постановки вопроса о **конкретных** путях перехода от пропаганды знания, пропаганды науки к революционному действию, о конкретных путях разрешения проблемы голодных и раздетых людей, фактическое отсутствие того, что называется позитивной программой, могущей быть руководством к действию.

Подводя итог анализу взглядов Писарева на революцию, следует привести, разделяемый нами вывод Б. П. Козьмина: «... поскольку вопрос переносится в область революционных перспектив, постольку люди, стоящие на точке зрения Писарева, неизбежно должны были склоняться в сторону якобинства, т. е. признания того, что революция может совершиться только по инициативе меньшинства, производящего государственный переворот в целях устранения при помощи законодательного аппарата несправедливостей современного строя... Сам Писарев не сделал этого якобинского вывода, вытекающего из его основной точки зрения. Однако, если этого вывода не сделал он, то его сделали другие люди, разделявшие его мнения».⁶⁴

⁶² Любопытно, что эти мысли Писарева перекликаются с высказанным почти в то же время положением Маркса: «... численность только тогда решает дело, когда масса охвачена организацией и ею руководит знание». (Выделено нами. — Р. Б.). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 10.

⁶³ А. И. Новиков. Нигилизм и нигилисты. Лениздат, 1972, стр. 73.

⁶⁴ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 56. В примечании к статье, откуда взяты эти слова, Э. Виленская называет приведенную точку зрения ошибочной. Поскольку при этом не приводятся никаких доказательств, полемизировать с подобным утверждением не представляется возможным.

Так оно и произошло. Принципы «политической» концепции, сформулированные Писаревым, были доведены до своего логического завершения и, более того, абсолютизированы человеком, который начинал публицистическую деятельность в журнале «Русское слово» и вместе с другими публицистами журнала защищал и развивал писаревские идеи. Этим человеком был Петр Никитич Ткачев.

Проблема «Писарев — Ткачев» заслуживает отдельного и детального анализа. Здесь же следует отметить, что ткачевская концепция революции, хотя и находилась, как и писаревская, в русле политической теории революции, все же резко отличалась от нее, демонстрируя реально существующее многообразие вариантов в единой по своей сущности системе взглядов. Поскольку речь идет о **развивающейся** теории, то особенно важно обратить внимание на те пункты, которые определяют растущую дивергенцию среди бывших единомышленников. Что касается расхождения Писарева и Ткачева, или точнее, отхода Ткачева от писаревских традиций, от писаревского варианта политической концепции революции, то, как нам представляется, решающее значение имели, по крайней мере, два тесно связанных друг с другом принципа: а) свобода личности, б) отрицание конструктивной роли насилия. Именно в этих пунктах взгляды Ткачева весьма существенно отличаются от взглядов Писарева.

Для Писарева важен не абстрактный, правовой человек, необходимость освобождения которого провозглашают последовательные сторонники политической теории революции, а реальная человеческая личность с ее потребностями и нуждами, человеческий индивидум как самодовлеющая ценность. Свобода личности, достоинство, личная независимость, — это самое драгоценное достояние человека, которое не может быть принесено в жертву никаким возвышенным целям. Лишь такой общественный строй может претендовать на разумность, при котором обеспечены самостоятельность и безопасность личности и независимость ее от посягательств власти. «Стремление к личной независимости, — утверждает Писарев, — с каждым десятилетием глубже и глубже проникает в сознание людей; необходимость личной полноправности сознается шире, полнее и определеннее, увеличивающееся сознание этой необходимости составляет даже главное основание того процесса, который называется в истории развитием или усовершенствованием человечества».⁶⁵

С заботой об обеспечении прав личности связаны рассуждения Писарева о роли насилия в революциях. Считая, что насильственные революции являются печальной необходимостью

⁶⁵ Д. И. Писарев. Соч., т. 2, стр. 62—63.

стью, он сравнивает их с вынужденным убийством. «В жизни народов революции занимают то место, которое занимает в жизни отдельного человека вынужденное убийство». Они оправданы, потому что «вред, наносимый ими, ничтожен в сравнении с тем вредом, от которого они спасают». Но в то же время следует всегда помнить, что каждый такой переворот «наносит народу вред как матерьяльный, так и нравственный». Отсюда, если бы результаты, к которым стремится революция, могли быть достигнуты «путем мирного преобразования, то мыслящие защитники народных интересов первые осудили бы переворот как ненужную трату физических и нравственных сил».⁶⁵

Чем вызваны подобные оговорки? Почему Писарев особо обращает внимание на отрицательные моменты в народной революции? Видимо, он опасается, и для этого опасения имелись исторические основания, что насилие, если оно становится самоцелью, крайне вредно сказывается на свободе личности и мешает достижению основных целей революции. «Произвольное устранение живых людей и бесцеремонное шагание через препятствия во всяком случае остается делом очень вредным и, следовательно, в высшей степени преступным, то есть совершенно предосудительным»,⁶⁷ а «общее дело продвигается вперед **несмотря** на кровопролития, а никак не **вследствие** кровопролитий; виновниками кровопролитий бывают везде и всегда не представители разума и правды, а поборники невежества, застоя и бесправия».⁶⁸

В этих условиях задача мыслящих людей предотвратить кровопролитие и «произвести как можно спокойнее ту перемену, которой требуют обстоятельства и которой необходимость уже чувствуется и даже сознается значительною частью заинтересованной нации».⁶⁹ Если же это им не удастся, если массы их не послушают, то в таком случае мыслящие руководители народа не должны сложить руки и бездействовать, они обязаны превратиться из советников в воинов и полководцев, то есть возглавить революцию, внести в нее сознательный элемент и завершить дело с наименьшими человеческими потерями. Тех же руководителей революционной борьбы, которые не считаются с жертвами, допускают кровопролитие, не вызываемое чрезвычайными обстоятельствами, Писарев называет врагами человечества.⁷⁰

⁶⁵ Д. И. Писарев, т. 4, стр. 228, 229.

⁶⁷ Д. И. Писарев. Борьба за жизнь. Соч., т. 4, стр. 346.

⁶⁸ Там же, стр. 347.

⁶⁹ Там же, стр. 346.

⁷⁰ «Доказать, что какой-нибудь исторический деятель был страшным кровопроливцем, то есть, что действительно кровь лилась по его личному желанию и распоряжению, а не вследствие тех обстоятельств, среди которых он был поставлен и над которыми он был не властен, значит доказать тем самым, что этот деятель был врагом человечества и что его пример ни

Можно ли охарактеризовать приведенные выше высказывания как реформистские иллюзии великого критика? Ни в коем случае. Писарев отнюдь не отрицает необходимости и оправданности насилия в революции, он хорошо понимает, что при известных обстоятельствах без него нельзя обойтись, он озабочен не поиском каких-то компромиссов, а поиском оптимальных путей революции. Таким образом, не боясь революционных методов, не реформизм, а серьезное отношение к социальному преобразованию, понимание диалектического единства цели и средств, стремление учесть исторические результаты прошедших революций, и тем самым примечательная попытка заложить основу для осознанной программы действий будущих русских революционеров — вот, что, на наш взгляд, определяет позицию Писарева и делает ее неизмеримо предпочтительнее позиции апологетов революционного насилия из якобинского лагеря (Зайцевский, Ткачев).⁷¹ Ю. Ф. Карякин и Е. Г. Плимак обратили внимание на то, что в русской революционной мысли имеется весьма важная традиция борьбы против бездумной революционности, начало которой положил Радищев.⁷² Писарев, несомненно, был одним из тех, кто внес существенный вклад в развитие этой традиции.

В той или иной степени политическая концепция революции разделялась и другими главными сотрудниками «Русского слова» (несколько особняком, по всей вероятности, стоял Н. В. Соколов, который уже в середине 60-х гг. склонялся к социальной концепции революции в ее анархистском варианте). Ф. Кузнецов, подробно проанализировавший в своей книге деятельность журнала, отмечает, что излюбленной идеей Г. Е. Благосветлова была «идея политической свободы как обязательного условия

для кого и ни для чего не может служить оправданием» (Там же, стр. 347). А тот факт, что общественное мнение часто считает подобных деятелей великими людьми, по мнению Писарева, «доказывает совсем не то, что проливание человеческой крови очень похвально и полезно, а только то, что человечество по простоте своей коллективной души и по своей известной ребяческой слабости к блеску и грохоту, и ярким краскам и резким звукам, до сих пор считает своими благодетелями таких людей, которые очевидно причинили ему, этому добродушному и доверчивому человечеству, гораздо больше вреда, чем пользы». (Там же, стр. 346).

⁷¹ Не лишне напомнить, что Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» специально подчеркивает, что коммунисты заинтересованы в мирном осуществлении революции и указывает, что «чем больше пролетариат проникнется социалистическими и коммунистическими идеями, тем менее кровавой, мстительной и жестокой будет революция». И далее: «коммунистическая партия при благоприятных обстоятельствах окажется в состоянии с течением времени преодолеть жестокие и грубые элементы революции и предотвратить повторение 9 термидора». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 516—517.

⁷² О. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. Запретная мысль обретает свободу. М., 1966, стр. 302.

социального возрождения общества».⁷³ В другом месте он называет Благосветлова «политическим бойцом в якобинском духе».⁷⁴ Н. В. Шелгунов, точность свидетельства которого не подлежит сомнению, писал о Благосветлове: «Человек по преимуществу политический, он по своим симпатиям, по умственному складу и по образованию держался преимущественно политической пользы и... в первое время своего редакторства в «Русском слове» хотел дать журналу преимущественно политическое направление».⁷⁵

О другом видном публицисте «Русского слова» В. А. Зайцеве его биограф писал: «Для России он, ... считал вопрос о конституции одним из важнейших и насущнейших русских вопросов, хотя и находил забавным предположение, что можно думать, будто бы конституция — венец развития... Он видел в ней только ступень, но ступень необходимую, перепрыгнуть через которую невозможно, но которая может повести ко всему... Политическая реформа была выдвинута на первый план в мнениях В. А.»⁷⁶ Если к этому добавить, что в последние годы жизни В. Зайцев горячо одобрял заговорщические идеи народо-вольцев,⁷⁷ то общая направленность его революционных взглядов достаточно ясна. Итак, можно констатировать, что писаревская группа представляла довольно значительную величину в «политическом» направлении русской революционной мысли шестидесятых годов XIX века.

В связи со сказанным нельзя не упомянуть об известном «раздоре в нигилистах», острой дискуссии между журналами «Современник» и «Русское слово». Обстоятельный и глубокий анализ этой дискуссии, проведенный П. С. Рейфманом,⁷⁸ как нам кажется, подтверждает вывод о приверженности Писарева и других публицистов «Русского слова» к политической концепции революции. В то же время авторы «Современника» защищали социальную концепцию революции. Оценка дискуссии с точки зрения тех принципов, которые разделяют две революци-

⁷³ Ф. Кузнецов. Указ. соч., стр. 49.

⁷⁴ Там же, стр. 396.

⁷⁵ Сочинения Г. Е. Благосветлова. СПб., 1882, стр. XXVI. Мирозрание Благосветлова требует специального детального анализа. Здесь же хотелось бы отметить, что Л. Е. Варустин («Журнал «Русское слово». 1859—1866. ЛГУ, 1966) высказывает противоречивые суждения, утверждая, с одной стороны, что Благосветлов причастен к **революционному** подполью (стр. 48), а, с другой, что он не стремился к ликвидации режима Романовых и дворянства (стр. 53). Многие трудности в оценке позиции Благосветлова, на наш взгляд, снимаются, если рассматривать ее как позицию сторонника политической концепции революции.

⁷⁶ Цит. по В. Кирпотин. Радикальный разночинец Писарев, стр. 416.

⁷⁷ Ф. Кузнецов. Публицистика 1860-х годов. М., 1969, стр. 235.

⁷⁸ П. С. Рейфман. «Современник» и «Русское слово» перед «расколом в нигилистах». — «Ученые записки ТГУ», вып. 251. Труды по русской и славянской филологии XV. Тарту, 1970.

онные концепции, позволяет понять позиции спорящих сторон имманентно, без ссылок на причины внешнего порядка и непоследовательность.

В «политическом» направлении шестидесятых годов существовало три достаточно отчетливо выраженных течения: группа «Великорусса», писаревская группа и яacobинско-бланкистская группа (Зайчневский, Ткачев). Если приглядеться ко всем этим трем течениям, то можно увидеть не только объединяющие их мотивы, но и весьма существенные различия. Объединяет их убежденность в необходимости революционного политического преобразования, надежда на революционное меньшинство, как главного агента этого преобразования, скептицизм относительно революционных возможностей широких масс народа (по крайней мере, относительно **сознательной** революционности). Разделяет их, главным образом, отношение к социальным преобразованиям. Если для «Великорусса» они практически не существуют, а для писаревской группы они дело далекого будущего, то третье течение склонно было рассматривать политическое преобразование лишь как средство для немедленной революционизации народа и коренных социальных изменений. Судьей, как всегда, стала историческая практика, которая воочию показала, чьи воззрения были ближе к истине.

Поступила в редакцию
в ноябре 1975 г.

КОНЦЕПЦИЯ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ Т. КУНА И РЕЛЯТИВИЗМ

Я. К. Ребане

Концепция научных революций Т. Куна стала в последнее время предметом оживленного обсуждения как в печати, так и на конференциях и симпозиумах, посвященных методологии и истории науки. Она уже неоднократно освещалась в советской философской литературе¹. Эта концепция, в отличие от неопозитивистского топтания вокруг «языка науки», привлекает определенной новизной. Т. Кун обращается к реальной истории науки, делает попытку вывести закономерности развития науки из ее фактической истории. Как историк науки, Т. Кун заслуживает серьезного внимания. Факты, приведенные им, а также их интерпретация требуют, очевидно, дальнейшего изучения.

Но имеется и обратная сторона медали. Хотя Т. Кун неоднократно подчеркивает, что он выступает как историк науки, что его единственная цель — это дать правильную картину реальной истории науки², его концепция фактически выходит далеко за пределы такой задачи. На деле он предлагает определенную, ярко выраженную субъективистскую и релятивистскую социально-философскую концепцию. Правда, он сам жалуется на непонимание его критиками. В одном из своих возражений критикам он пишет даже, что существует два Томаса Куна: Кун, автор книги «Структура научных революций» с его оригинальным, подлинным пониманием дела, и другой Кун, автор одноименной книги, взгляды которого резко расходятся со взглядами первого и подвергаются критике³. Другими словами, критикуется-де не подлинный Томас Кун, а некоторая

¹ В. М. Легостаев. Философская интерпретация развития науки Томаса Куна. — «Вопросы философии», 1972, № 11; Н. И. Родный. Проблема научной революции в концепции Т. Куна. — Сб.: Концепция науки в буржуазной философии и социологии. М., 1973; В. А. Лекторский. Философия, наука, «философия науки». — «Вопросы философии», 1973, № 4.

² T. S. Kuhn. Reflections on my Critics. — In: Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge, 1970, p. 236.

³ Criticism and the Growth of Knowledge, p. 231.

карикатура на него. Возможно, что в подобных высказываниях есть доля правды. Но следует сказать, что уже на симпозиуме, специально посвященном анализу концепции Т. Куна (Лондон, 1965 г.; материалы симпозиума были окончательно оформлены и опубликованы в 1970 году), критики справедливо обратили внимание на ряд наиболее уязвимых пунктов этой концепции, в первую очередь, на релятивизм, на отрицание объективной значимости науки, на тот факт, что критерий научности, предлагаемый Т. Куном, неплохо «работает» и для организованной группы гангстеров. Правда, главным оппонентом Т. Куна выступил здесь К. Поппер, чья собственная программа, призванная «спасать» объективность науки от абсолютного релятивизма, является открыто идеалистической.⁴

Учение о развитии науки у Т. Куна сводится в кратких чертах к следующему.

Наука развивается скачкообразно. Замена фундаментальных теорий происходит не путем постепенного приращения, кумулятивного накопления новых элементов в рамках старого, а путем полного отбрасывания старой теории, полной замены ее новой. Старая и новая теория (например, системы Птолемея и Коперника, физика Ньютона и физика Эйнштейна) несоизмеримы. Нет никаких способов «перевода» положений физики Эйнштейна в систему понятий Ньютона, как вообще невозможен перевод новой научной теории на язык старой или наоборот. В качестве одного из аргументов в пользу невозможности такого перевода Т. Кун ссылается на гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа, кстати, на гипотезу, наиболее радикальные выводы которой о непереводаемости в настоящее время отвергаются лингвистами и этнографами.⁵

⁴ Особенно ярко это выражено в учении К. Поппера о науке как о «третьем мире», «объективном сознании». (См. K. Popper. *On the Theory of the Objective Mind. Akten des XIV. Internationalen Kongresses für Philosophie*. I, Wien, 1968, S. 25—26, 29—31). Здесь К. Поппер обосновывает философию плюрализма, настаивает на необходимости признания трех видов реальности: вещественно-физической, индивидуально-психической и «третьего мира» — мира объективного знания типа платоновских «идей».

⁵ По-видимому, при оценке утверждения Т. Куна о несоизмеримости старых и новых научных теорий следует иметь в виду и опыт, накопленный в деле оценки и критики концепции лингвистической относительности. Любая попытка проверки этой концепции оказывается затруднительной, поскольку сама концепция базируется на замкнутом круге: картины мира, выраженные на различных языках, различны, потому что эти языки различны. (Это признается, например, в обзорной статье: Jan D. Currie. *The Sapir-Whorf Hypothesis*. In: *The Sociology of Knowledge*. Edited by J. E. Curtis and J. W. Petras, London, 1970, p. 405—421). Замкнутый круг может быть разорван лишь с помощью обращения к внеязыковым факторам (система понятий, из которых формируется картина мира как отражение объективной реальности на основе общественно-исторической практики). В таком случае обнаруживается как фундаментальное единство исторически развивающейся человеческой картины мира, так и относящиеся

Итак, скачкообразное развитие науки путем революции, отрицание преемственности в развитии научных теорий трактуется Т. Куном в духе релятивизма. В этом отношении Кун не оригинален. Субъективно-релятивистский подход к качественным изменениям в науке весьма распространен в современной буржуазной философии науки. Основные ошибки такого подхода были с исчерпывающей глубиной проанализированы В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм».

Наиболее оригинальной чертой концепции Т. Куна является введение понятия «нормальной науки», которое связано с деятельностью ученых как социально-организованного коллектива. Нормальная наука реализуется научным сообществом, т. е. группой или коллективом ученых (scientific community), получивших соответствующую специальную подготовку и натренированных для решения определенного круга проблем (Т. Кун употребляет здесь термин «puzzle-solving», т. е. решение головоломок, загадок; вообще следует иметь в виду, что он нарочито стремится к терминологической оригинальности, используя многозначность слов). Этот коллектив ученых работает в рамках определенной «парадигмы».

Хотя понятие «парадигма» призвано играть в концепции Куна центральное место, нельзя сказать, чтобы этот термин употреблялся им сколько-нибудь однозначно. М. Мастерман, относящаяся с симпатией к учению Т. Куна, обнаружила, например, что слово «парадигма» употребляется в «Структуре научных революций» более чем в двадцати различных значениях. Мастерман сгруппировала эти значения в три большие группы (метафизические парадигмы; социологические парадигмы; конструктивные парадигмы или парадигмы артефактов)⁶. Такое

к сфере языка отдельные второстепенные «непереводимые» явления. Последние, однако, переводимы на понятийном, концептуальном уровне (См. об этом статью автора «О влиянии языка на категориальную структуру мышления». — «Ученые записки ТГУ», вып. 212, 1968). При оценке утверждения Т. Куна о несоизмеримости старой и новой научной теории следует также обращать внимание, с одной стороны, на содержание этих теорий в более широком контексте на основе общего исторического развития человеческого познания, с другой стороны, — на специфические условия логической «переводимости» старой теории на язык новой. Конечно, аналогия тут неполная, так как революции в науке коренным образом меняют картину мира, а естественные языки развиваются крайне медленно и включают в себя множество случайных расхождений. Тем не менее, эти два аспекта необходимо иметь в виду при анализе любых релятивистских утверждений о принципиальной непереводимости, направленных против теории отражения.

⁶ Margaret M a s t e r m a n. The Nature of Paradigm. In: Criticism and the Growth of Knowledge, p. 59—66. Но следует иметь в виду, что слово парадигма довольно широко эксплуатируется в современной буржуазной социально-философской мысли. Здесь сказывается влияние философии лингвистического анализа. Например, Р. Мертон применял понятие парадигмы для анализа «социологии знания» в целом. У Р. Мертона «парадигма» обозначает круг рассматриваемых проблем, а совокупность парадигм выступает как некоторая схема для анализа «социологии знания». (См. R. K. Merton.

сгруппирование парадигм практически лишь увеличивает путаницу. Например, к «конструктивным» парадигмам или к «парадигмам артефактов» отнесены учебники, классические научные труды, используемые понятия, необходимые для эксперимента орудия и аппаратура, логические аналогии, приобретенные способы видения мира и т. п., другими словами — здесь смешаны разнопорядковые, материальные и духовные явления.

Сам Т. Кун признает многозначность слова «парадигма». В частности, он подчеркивает эту многозначность в «Послесловии» ко 2-му изданию «Структуры научных революций». Здесь он предлагает два главных значения термина «парадигмы»: с одной стороны, она обозначает всю совокупность передаваемых в рамках научного сообщества верований, ценностей, техники; с другой стороны, термин «парадигма» используется для обозначения определенного элемента совокупности, а именно: конкретных способов решения задач (puzzle-solving), которые служат в качестве моделей или образцов⁷. Наряду с этим — и это, пожалуй, главное, — Кун отмечает круг в определении «парадигмы»: парадигма — это то, чего придерживаются члены научного сообщества, а научное сообщество состоит из людей, придерживающихся одной парадигмы⁸.

При характеристике научного сообщества Т. Кун особенно подчеркивает его замкнутый, эзотерический характер. Нормальная наука — это замкнутая система, замкнутая группа на людей, действующих в рамках замкнутого миропонимания и замкнутых правил игры, получивших образование в духе традиции этой замкнутой группы.

В процессе решения задач в рамках «нормальной науки» проверяются, как правило, не научные идеи и теории, а люди в качестве членов научного сообщества, т. е. проверяется их профессиональный уровень, их подготовка. Право на оценку научной деятельности, по Куну, имеют только члены данного научного сообщества. Научная деятельность в рамках нормальной науки сводится к решению концептуальных или инструментальных задач, а результаты такой деятельности могут быть оценены только членами данного научного сообщества⁹.

Что приводит к смене парадигм, т. е. «научным революциям»? В ходе «нормальной» научной деятельности могут накапливаться новые факты, не укладывающиеся в рамки деятельности, осуществляемой на основе имеющейся парадигмы. Возникают все новые проблемы, которые не могут быть разрешены

Paradigm for the Sociology of Knowledge. In: The Sociology of Knowledge. Edited by J. E. Curtis and John W. Petras. London, 1970, p. 343—344).

⁷ T. S. Kuhn. The Structure of Scientific Revolutions. Second Edition. Enlarged. The University of Chicago Press, 1970, p. 175.

⁸ Там же, p. 176.

⁹ T. Kuhn. Logic of Discovery or Psychology of Research? — In: Criticism and the Growth of Knowledge, p. 21.

без смены парадигмы. Новая парадигма, новая теория возникает и получает положительную оценку в том случае, если она позволяет «разрешить все или почти все количественные, численные задачи, которыми занималась ее предшественница»¹⁰. При этом новые теории могут обладать большей объяснительной силой, объявить некоторые проблемы ненаучными и т. д.

Само принятие новой теории никогда не осуществляется таким образом, что все специалисты в данной области признают ошибочность своих прежних взглядов и переходят на точку зрения новой теории. Как правило, на это способны лишь немногие ученые. Большинство членов научного сообщества настолько сильно привязано к старой парадигме, что они неспособны отказаться от нее: старая парадигма отмирает вместе с уходом со сцены ее приверженцев¹¹. Хотя такое положение дел может представляться слишком драматичным, но оно логически вытекает из понимания науки как деятельности замкнутой группы людей, объединяемых единой парадигмой.

С другой стороны, многое из того, что люди обычно считают наукой, не соответствует критерию Т. Куна. Сам Кун считает, что гуманитарные науки находятся пока лишь в положении протонаук (а не зрелых наук), поскольку здесь нет единых парадигм и способов решения задач. Такое утверждение имеет явно выраженную идеологическую нагрузку, оно отражает не столько общее состояние общественных наук в буржуазном мире, сколько направлено против марксизма. Перечисляя пункты, в отношении которых он согласен с К. Поппером, Кун подчеркивает, что при анализе «спорных случаев» его критерий научности дает такой же результат, как критерий К. Поппера: «марксистская историография (как и учение психоанализа) не может быть причислена к категории «наука»»¹².

Итак, в фундаментальном вопросе современной идеологической борьбы, в вопросе об отношении к марксистско-ленинской теории об обществе, Т. Кун вполне солидаризируется с известным антикоммунистом К. Поппером. Поэтому не случайно западные марксисты обращают внимание на идеологическое значение учения Куна. «Принципиальной чертой всемирной классо-

¹⁰ Criticism and the Growth of Knowledge, p. 20.

¹¹ См. Т. Кун. The Structure of Scientific Revolutions, p. 166, 167.

¹² Criticism and the Growth of Knowledge, p. 7. Следует, кстати, отметить, что в ряде случаев критерий наличия «парадигмы», вопреки утверждению Т. Куна, именно неплохо «работает» в пестрой множественности различных школ в области буржуазного обществоведения.

Например, Л. Уайт подробно исследовал влияние организованных школ на развитие американской этнологии. На основе анализа школ Боаса и Рэдклиффа-Брауна Уайт демонстрирует влияние групповой замкнутости, круговой поруки и других присущих школе черт на теоретические концепции, вокруг которых эти школы формируются (См. L. A. White. The Social Organization of Ethnological Theory. Rice University Studies, vol. 52, No. 4, 1966).

вой борьбы после Второй мировой войны является усиление значения классовых битв», — пишут Д. Паппадemos и Б. Лампкин. «В этом контексте мы должны оценить роль Куна в идеологической борьбе классов. Было бы неверно категорически отрицать его философию и не признавать ее положительных сторон. Но было бы столь же неверно закрывать глаза на тот факт, что он поддерживает идеологическое течение, которое оказывает парализующее воздействие на массы. Это течение называется «анти-объективизм»...».¹³

Действительно, в философско-методологическом плане концепция Т. Куна характеризуется крайним релятивизмом и субъективизмом. Это обнаруживается не только в том, что игнорируется значение общественно-исторической практики в деле развития науки, что качественный скачок в развитии научных теорий метафизически абсолютизируется и отрывается от подготавливающих его количественных изменений, но и в том, что с повестки дня вообще снимается вопрос об отражении объективной реальности в научных знаниях, а сама научная деятельность изображается как своеобразная социально-исторически обусловленная игра определенного круга людей, получивших специальную подготовку в рамках некоторой парадигмы.

Вместо диалектики — релятивизм, вместо материализма — субъективный идеализм. Это — основная философская характеристика концепции Т. Куна. Очень наглядно она выступает при рассмотрении им вопроса об истине. Во-первых, Кун решительно отвергает идею о том, что научная теория отражает нечто, существующее независимо от теории в объективной реальности: «Я считаю, что не существует никакого независимого от теории способа для построения таких утверждений как «реально существует», идея о соответствии между онтологией теории и ее «реальным» двойником в природе кажется мне теперь принципиально иллюзорной»¹⁴. Во-вторых, отвергая идею об объективности научной истины, он весьма скептически относится к понятию «истина» вообще. Кун пишет о необходимости «отказаться от идеи, явной или неявной, что смена парадигм приводит ученых и тех, кто у них учится, все ближе и ближе к истине».¹⁵ Тут же Кун ссылается на то, что на предыдущих, почти двухстах страницах книги «Структура научных революций», термин «истина» встречался только один раз — при цитировании Ф. Бэкона. Т. Кун употребляет термин «истина» лишь в одном контексте: когда он восстает против «ходящих заблуждений», согласно которым научное познание движется к «установленной цели, перманентно зафиксированной научной истине, в отноше-

¹³ John P a p p a d e m o s, Beatrice L u m p k i n. The Scientific Outlook. — Under Attack. — «Political Affairs», 1974, No. 11, p. 34.

¹⁴ The Structure of Scientific Revolutions, p. 206.

¹⁵ The Structure of Scientific Revolutions, p. 170.

нии которой каждая стадия в развитии научного знания представляет собой все лучший образец»¹⁶. Речь может идти, по мнению Т. Куна, лишь о том, что новые парадигмы дают возможность для решения более широкого круга проблем.

Философский смысл подобных утверждений для любого марксиста очевиден. Здесь нет необходимости противопоставлять концепции Т. Куна учение диалектического материализма об объективной, абсолютной, относительной истине, глубоко разработанное В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» в ходе борьбы против гносеологического релятивизма и субъективного идеализма махистов. Только по недоразумению можно увидеть в философской концепции Т. Куна учение, близкое к материалистической диалектике¹⁷. Его учение принадлежит к одному из главных современных буржуазных идеологических течений, которое в различных областях знания — философии, социологии, науковедении, историографии, языкознании, этнографии и др. — проповедует гносеологический релятивизм и субъективный идеализм, к которому примыкает также большинство современных философских ревизионистов. В этом отношении можно привести множество параллелей между учением Т. Куна и современными буржуазными субъективно-релятивистскими концепциями в других областях знаний. Поскольку в его учении о научных революциях выделяются социологический и социально-психологический аспекты научной деятельности, то целесообразно обратить внимание на некоторые аналогичные концепции, выдвинутые в рамках буржуазной социологии знания.

Для буржуазной социологии знания характерно именно то, что на основе идеалистического понимания общественной жизни односторонне преувеличивается влияние узко понимаемого социального аспекта на познание. («Узкое понимание» социального аспекта познания состоит в том, что социальность сводится только к абстрактно рассматриваемому «социальному статусу» познающего субъекта, к его принадлежности к «социально организованной группе». Из поля зрения исключается главный фактор социальной детерминации познания — социально-историческая **практическая** деятельность с ее материальными условиями). Не ставя целью критический разбор «социологии знания» в целом, ограничимся сравнением некоторых ее наиболее существенных черт с концепцией Т. Куна.

Необходимо помнить, что буржуазная социология знания не является определенной теоретической концепцией. «Социология знания» — это общее название для совокупности различ-

¹⁶ The Structure of Scientific Revolutions, p. 173.

¹⁷ Сказанное не относится к историческому материалу, которым оперирует Т. Кун. Речь идет об его философской интерпретации, прежде всего, о решении основного вопроса философии.

ных буржуазных учений, претендующих на раскрытие зависимости знания (познания) от социальных условий. Понятия «знания», «социальные условия» и «зависимость» трактуются в рамках социологии знания отдельными авторами настолько по-разному, что невозможно говорить о социологии знания как о сколько-нибудь едином в теоретическом отношении течении¹⁸.

В связи с этим хочется обратить внимание на некоторые теоретико-познавательные проблемы, которые связаны с марксистской оценкой и критикой многих современных буржуазных субъективно-релятивистских концепций.

Буржуазная социология знания представляет собой весьма гетерогенное явление. Ее гетерогенность проявляется:

а) в применении различных и противоположных философско-методологических принципов при раскрытии социальной детерминации познания (от «технологического» детерминизма Р. Арона или методологического эклектизма К. Маннхейма до открытого идеализма М. Шелера или П. Сорокина);

б) в различии разнопорядковой проблематики — от общепhilosophических проблем (например, проблема соотношения истины и ценности, проблема происхождения категориального аппарата мышления) до «микро-социологических» исследований (например, зависимости развития теоретических идей от групповой замкнутости научной школы, от состава редакторов научных изданий и др.);

в) в постепенном превращении изучения отдельных аспектов знания в самостоятельные исследовательские дисциплины (социология массовых коммуникаций, социология науки и др.).

Особенности, отмеченные в последних двух пунктах, очевидно, не требуют особых разъяснений. В данном случае нас интересуют общетеоретические идеи социологии знания, а не проводимые в ее рамках эмпирические исследования.

Что же касается первой черты — философской эклектичности, свойственной как социологии знания в целом, так и ее отдельным представителям, то на ней следует остановиться, так как этот эклектизм неизбежно носит **субъективистско-релятивистский** характер.

У К. Маннхейма эклектицизм был возведен в методологический принцип¹⁹. К. Маннхейм верил, что эклектицизм освобождает социологию знания от чужеродных философских влияний и позволяет создать всеобъемлющий синтез наук, изучающих человека. Следует иметь в виду, что влияние К. Маннхейма на дальнейшее развитие буржуазной социологии знания — огром-

¹⁸ Более подробно об этом см. статью автора «О некоторых методологических принципах оценки буржуазной «социологии знания». — «Ученые записки ТГУ», вып. 324, Тарту, 1974.

¹⁹ На это обращается специальное внимание в книге: F. Wagnen Rempel. The role of value in Karl Mannheims sociology of knowledge. London, Paris, 1965.

но. Его идеи стали своеобразным эталоном при обсуждении проблемы условий познания социальных явлений. К. Маннхейм предложил, как известно, такое решение проблемы, что социальные условия неизбежно оказывают деформирующее влияние на познание общественных явлений («идеология» господствующих и «утопия» угнетенных классов), а наиболее свободное от социальных влияний познание может быть достигнуто усилиями «надклассовой» интеллигенции. При этом и это познание не объективно-истинно, а лишь базируется на возможно широком диапазоне ориентации — «перспективе», носителем которой и является буржуазная интеллигенция. Уже здесь обнаруживается аналогия с учением Т. Куна (отрицание Маннхеймом объективности истины, подчеркивание роли организованной деятельности элиты ученых в рамках определенного круга возможных «перспектив», а также «реляционизм», заключающийся, по Маннхейму, в том, что некоторая группа ученых привязывает себя к определенной перспективе). Можно без особых затруднений заменить «перспективу» Маннхейма на «парадигму» Куна, «реляционизм» Маннхейма на «нормальную науку» Куна, и эти концепции оказываются близнецами.

Мысль Маннхейма об исключительной роли буржуазной интеллигенции в деле добывания объективно-истинных знаний об общественной жизни широко используются в современных буржуазных учениях (напр., концепции «деидеологизации») для борьбы против марксизма. То же самое относится к учению Т. Куна, как было показано в начале статьи. Напомним еще раз, что сам Т. Кун отказывается признать марксизм наукой.

Несмотря на заявления о ее интегративном, эмпирическом и т. п. характере, буржуазная социология знания представляет собой своеобразное теоретико-познавательное учение, возникшее в рамках буржуазной социальной философии. Аналогично обстоит дело и с учением о научных революциях Т. Куна, где на деле предлагается субъективно-релятивистская философия науки.

Хотя большинство из буржуазных «социологов знания» отмечает заслуги основоположников марксизма в разработке теоретических основ социологии знания, они сразу же после этого приступают к опровержению марксизма. Это «опровержение» сводится, в конечном счете, к утверждению, что марксизм как теория и идеология, обусловленная классовыми интересами пролетариата, не может быть научной истиной.

Т. Кун также отрицает научность марксизма. Его учение о «научных революциях» в настоящее время стало одним из средств идеологической борьбы против материалистической теории отражения вообще.

Далее. Хотя социология знания по декларациям ее представителей должна быть отделена от философской теории позна-

ния, у любого из ее видных представителей можно наблюдать преобладание какой-нибудь теоретико-познавательной концепции, например, кантианства и неокантианства у М. Вебера и современного английского социолога знания В. Старка, деформированного субъективистским релятивизмом гегельянства у К. Маннхейма, прагматизма и бихевиоризма у Р. Мертона и т. п. Все это сопровождается у буржуазных «социологов знания» большей долей эклектицизма, пронизанного субъективизмом и гносеологическим релятивизмом. Однако это не означает, что все в буржуазной социологии знания должно быть безоговорочно отброшено.

Например, заслуживают внимания проводимые в рамках социологии знания эмпирические исследования. Но главное — в буржуазной социологии знания, как в кривом зеркале, отражаются определенные тенденции развития современной науки, прежде всего, преобладающая в науке тенденция к дифференциации знаний, в результате которой единый процесс человеческого познания как бы располагается «по полочкам» отдельных дисциплин. В таких условиях социология знания стремится к тому, чтобы стать интегратором гуманитарных наук, хотя бы частично. Уже М. Шелер отметил, что его учение должно дать объяснение фактам, которые пытались интерпретировать исследователи первобытного мышления (Леви-Брюль, Грёбнер, Турнвальд). К. Маннхейм также стремился к созданию социологии знания как синтезирующей науки. Но фактически задача интегрирования гуманитарного знания не выполняется. В буржуазной социологии знания отсутствует понимание главного фактора — материальной общественной практики. Интегрирующим моментом для нее выступает, главным образом, понятие ценности, дополняемое под влиянием современной научно-технической революции идеями «технологической» детерминации. В результате всего этого вместо интегрирования, синтеза получается искаженная картина познания. Основная причина этого — попытка представителей социологии знания разрешить проблему социальной детерминации познания на основе идеалистической трактовки общества и сущности человека.

Другими словами, буржуазная социология знания, несмотря на претензии ее представителей на сугубо социологический подход к изучению сферы знания²⁰, представляет собой конкретизацию, в условиях XX века, тех или иных идеалистических теоретико-познавательных концепций, причем их конкретизацию в двух пунктах:

²⁰ «Социология знания анализирует социальное построение реальности... и принадлежит к эмпирическим социологическим дисциплинам». (P. L. Berger, T. Luckmann. The Social construction of reality. A Treatise in the sociology of knowledge. New York, 1966, p. 3).

1) выяснение общего влияния социально-культурных факторов на познание и на формирование картины мира;

2) «доказательство» невозможности объективно-истинного познания социальных явлений.

Опять-таки следует иметь в виду, что в несколько ином плане на решение этих же проблем претендует учение Т. Куна о научных революциях.

И здесь мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией. Социология знания, на словах резко выступающая против всевозможных гносеологических «робинзонад», на деле исходит из традиционной буржуазной индивидуалистической концепции познания. При этом упускается из виду главное: без социально-культурных факторов, прежде всего, без исторически развивающейся материальной практики не может быть никакой научной картины мира, человеческих знаний вообще. Естественные науки, как правило, в социологии знания считаются свободными от социальной детерминации. Поскольку социально-историческая детерминация познания сводится только к влиянию узко и искаженно интерпретируемых социальных отношений (социальное положение ученого-мыслителя), то неизбежно получается неверный вывод, что социальная детерминация познания приравнивается идеологической деформации некоторой изначально «правильной» картины мира.

Можно сказать, что буржуазная социология знания дала два принципиальных утверждения: во-первых, абсолютный релятивизм (или «реляционизм», в терминах К. Маннхейма) в деле познания общественных явлений, где нет истин в собственном смысле, а достигаются лишь определенные ценностные установки и ориентации. Во-вторых, свободное от социальной детерминации естествознание, где достигаются объективно-значимые знания не в материалистическом смысле как отражение реальности, а в смысле соответствия знания природе человеческого духа или же в смысле постижения порядка, встречающегося в эмпирически данных явлениях и отношениях.

«Революционный переворот», совершенный Т. Куном, состоит здесь в том, что он, вероятно, сам этого первоначально и не подозревая, перенес субъективистский релятивизм социологии знания в сферу естествознания. С помощью его учения и в философском понимании развития естествознания утверждается узкая интерпретация социально-исторической детерминации науки как детерминация ее просто через деятельность социально-организованных групп людей.

Не случайно, что Т. Кун рассматривает развитие науки в отрыве от развития материального производства, в отрыве от решения материально-технических задач. (Его puzzle-solving сводит в одну кучу все, материальное и идеальное). Однако именно в рамках **материально-технических** применений следует ис-

коть тот «язык», с помощью которого старые и новые теории взаимно-переводимы и на основе которого можно говорить о все более точном приближении научных знаний к объективной истине, копий к оригиналу.

Здесь могут возразить: Т. Кун-де утверждает нечто аналогичное. Отнюдь нет. Для него — это некоторые изменения, расширения в деле решения загадок. Для диалектического материализма — это прогресс науки и техники. Ведь любая научная теория как относительно замкнутый язык и замкнутая система должны интерпретироваться на «метауровне», получая таким образом смысл и значение. Например, написанная цифра 1001 может означать как 10^3+1 , так и 2^3+1 . Кроме того, чтобы разобраться даже в элементарной математике, мы должны знать еще многое другое. В конечном счете, любая научная теория интерпретируется на общем «метауровне», которым является развивающаяся научная картина мира, и на «метаязыке», которым является обыкновенный человеческий язык, с помощью которого осуществляется реальное, человеческое, понятийное, концептуальное мышление²¹.

Как на этом «метауровне» понимания, так и на этом «метаязыке» философско-гносеологические проблемы, выдвинутые в субъективистско-релятивистской концепции Т. Куна, оказываются псевдопроблемами, а реальные смысл и значение приобретают другие вопросы — вопросы о лучшем или худшем отражении реальности в научной теории, вопрос об истине как соответствии научного знания объекту, историческое развитие знания — истины, включая более частную проблему — проблему соответствия между новой и старой научными теориями.

²¹ В этом отношении весьма интересной представляется концепция Б. М. Кедрова о различных типах научных революций. (Б. М. Кедров. О научных революциях. — «Наука и жизнь», 1975, № 10, 11.)

О СООТНОШЕНИИ ЛОГИКИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАУКИ

Р. А. Вихалемм

История науки, как известно, является одним из важнейших источников развития марксистской философии. «Продолжение дела Гегеля и Маркса, — писал В. И. Ленин, — должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники».¹ Так понятая философия является логикой, которая совпадает с теорией познания и диалектикой*. «Логика, — сформулировал В. И. Ленин, — есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития... всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории* познания мира»². «Диалектически обработанная» история науки, ее «итог, сумма, вывод» представляет собой логику развития науки.

Логикой развития науки занимаются как философы, так и историки науки. Можно назвать целый ряд работ, в которых развиты ленинские принципы разработки логики развития науки и достигнуты известные успехи в диалектико-логическом анализе истории отдельных наук³. Б. М. Кедров специально

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 131.

* В данном случае мы имеем в виду, конечно, лишь один аспект философской проблематики, исключая, например, социально-эпическую и эстетическую проблематику.

² Там же, стр. 84.

³ Б. М. Кедров. Историческое и логическое в химии. — «Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1945, т. II, № 6 (перездано: Б. М. Кедров. Три аспекта атомистики. II. Учение Дальтона. Исторический аспект. М., «Наука», 1969); его же. Единство диалектики, логики и теории познания. М., Политиздат, 1963; Противоречия в развитии естествознания. М., «Наука», 1965; А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров. Анализ развивающегося понятия. М., «Наука», 1967; П. В. Копнин, М. В. Попович. Проблемы диалектической логики в их связи с естествознанием. — Материалистическая диалектика и методы естественных наук. М., «Наука», 1968; П. В. Копнин. Логические основы науки. Киев, «Наукова думка», 1968; его же. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., «Наука», 1969; Очерки истории и теории развития науки. М., «Наука», 1969; Б. М. Кедров. В. И. Ленин и диалектика развития естествознания. — Проблемы философии и методологии современного естествознания. М., «Наука», 1973; В. И. Кузнецов. Диалектика развития химии. От истории к теории развития химии. М., «Наука», 1973; В. И. Кузнецов, А. А. Печенкин. О предмете науки и логике ее развития. — Философия и естествознание. М., «Наука», 1974.

отмечает, что «диалектическая обработка истории науки, истории естествознания играет двоякую роль, и в ней обоюдно заинтересована и сама диалектика, и историческая наука. Диалектика черпает из такой обработки все новый ценный материал для обоснования и развития своих собственных положений, история науки находит свои собственные общие закономерности»⁴. При этом Б. М. Кедров также подчеркивает, что историю науки следует понимать как подлинную науку, имеющую как свою эмпирическую, фактологическую часть, так и «соответствующую ей свою собственную теоретическую часть»⁵. Философ не может за историка теоретически анализировать, обобщать и объяснять собранный фактический материал. «Диалектика, — пишет Б. М. Кедров, — здесь должна и может помочь историку в постановке и решении такой задачи, но она сама по себе не может заменить исторического исследования»⁶.

Возникает, однако, вопрос: можно ли и нужно ли различать теоретическую историю науки (теорию развития науки) как теоретический уровень истории науки и логику развития науки как философский аспект истории науки? На основе указанной литературы можно прийти к выводу, что принципиальной разницы между логикой и теорией развития науки нет. Так, например, Б. М. Кедров характеризует историков-теоретиков как историков-мыслителей, главная задача которых «теоретически, философски обобщить фактический материал по истории науки, по истории естествознания сообразно скрытым в нем закономерным линиям научного развития»⁷. Историк химии, представитель пока еще немногих историков-теоретиков, — В. И. Кузнецов выступает в роли философа, понимает теорию развития науки как диалектику (логику) развития науки (такое понимание отражается и в заглавии его книги⁸). В. И. Кузнецов выделяет категории, которые лежат в основе химических концепций, объединяют их в относительно замкнутые концептуальные системы и характеризуют переходы от одной концептуальной системы к другой. П. В. Копнин писал: «Создание категориальных структур, лежащих в основе той или иной естественнонаучной теории, — одна из задач логического анализа науки»⁹. Работа В. И. Кузнецова позволяет обнаружить, говоря словами П. В. Копнина, «тенденции в движении научного

⁴ Проблемы философии и методологии современного естествознания, стр. 90.

⁵ Б. М. Кедров. О марксистской истории естествознания. М., «Знание», 1968, стр. 10.

⁶ Там же, стр. 11.

⁷ Проблемы философии и методологии современного естествознания, стр. 89.

⁸ В. И. Кузнецов. Диалектика развития химии. От истории к теории развития химии. М., «Наука», 1973.

⁹ П. В. Копнин. Логические основы науки, стр. 202.

знания, требующего развития категорий философии, внесения в их сетку необходимых изменений, чтобы она дала возможность уловить в объекте ранее недоступное»¹⁰.

Предметы теории развития науки и логики развития науки обсуждаются и в связи с проблемами науковедения¹¹. При этом, однако, например, Г. Крёбер и Г. Лайтко имеют в виду не теоретический уровень истории науки, а считают, что следует разрабатывать новую дисциплину — марксистско-ленинскую теорию развития науки (или просто теорию науки), которая будет располагать новыми специфическими основными понятиями и должна стать теоретическим и методологическим фундаментом всех исследований науки. В работах Н. И. Родного (а также, например, в указанной книге П. А. Рачкова) выделена логика развития науки как одна из науковедческих дисциплин, основанием которой (как и методологии науки) является история науки. Логика развития науки изучает закономерности развития содержательной стороны науки. «Логика развития науки, — писал Н. И. Родной, — имеет, по сути дела ту же тематику, что и история науки, но в обобщенной форме, в форме раскрытия инвариантов... На «сите» логики развития науки остается только то, что не носит специфической печати времени и предмета науки, а имеет всеобщий характер»¹². Определение логики развития науки автор конкретизировал через перечень ее проблем: 1) инварианты в явлениях генезиса, развития и трансформации разнообразных явлений науки; 2) критерии и параметры научного процесса; 3) типология компонентов и феноменов науки; 4) общее и специфическое в развитии различных наук; 5) взаимодействие наук в их историческом развитии; 6) эволюция логической и предметной структуры науки. Проблематика логики развития науки связана и с методологией науки: «... логика развития науки представляет логическое обобщение истории науки и составляет исторический аспект методологии науки, т. е. образует «надстройку» истории науки и основание методологии

¹⁰ П. В. Копнин. Логические основы науки, стр. 189.

¹¹ См., напр.: С. Р. Микулинский, Н. И. Родной. Наука как предмет специального исследования. — «Вопросы философии», 1966, № 5; они же. История науки и науковедение. — Очерки истории и теории развития науки. М., «Наука», 1969; Н. И. Родной. Логика развития науки. — XIII Международный конгресс по истории науки. Коллоквиум Международного союза истории и философии науки: «Роль логики и методологии науки в историко-научных исследованиях». М., «Наука», 1971; Г. Крёбер. Теория развития науки и история науки. — там же. Коллоквиум: Науковедение и история науки: Г. Крёбер, Г. Лайтко. Науковедение, теория науки и марксистско-ленинская философия. — «Вопросы философии», 1971, № 8; Н. И. Родной. История науки, науковедение, наука. — «Вопросы философии», 1972, № 5; П. А. Рачков. Науковедение. Проблемы, структура, элементы. М., Изд-во Московского ун-та, 1974.

¹² «Вопросы философии», 1972, № 5, стр. 53.

науки»¹³. Центральной проблемой логики развития науки Н. И. Родный считал построение модели прогресса науки. Предложенные до сих пор модели — кумулятивная модель, модели Поппера, Куна, Лакатоша — являются, по его мнению, односторонними.

Очевидно, что в понимании Н. И. Родного логика развития науки уже не является философской логикой (диалектикой). В данном случае слово «логика» употребляется не в смысле учения о мышлении (диалектической или формальной логики), а как синоним слова «закономерности». Мы считаем в данном случае такое употребление термина «логика» Н. И. Родным неудачным. На наш взгляд, в работах Н. И. Родного термином «логика развития науки» обозначается теоретический уровень истории науки — теория развития науки*, которая уже не отождествляется с философской, диалектико-логической обработкой истории науки.

Итак, на наш взгляд, логика развития науки — это философский (диалектико-логический, категориальный) аспект истории науки, а теория (вернее — теории) развития науки (задачи которой были намечены, например, Н. И. Родным, хотя она в его работах названа логикой развития науки) является теоретическим уровнем специальной науки — истории науки, — теоретической историей науки.

Четкое разграничение философско-логического и историко-теоретического (в смысле специально-научного) подхода к истории науки имеет, на наш взгляд, большое методологическое значение. Как нам кажется, именно с подменой задач и требований одного подхода другим связаны многие дискуссии в области философии, методологии** и истории науки, как у нас, так и за рубежом.

Основное логико-методологическое различие между философско-логическим теоретическим знанием и специально-научным теоретическим знанием заключается в том, что второе является фактуальным (или/и формальным)¹⁴, а первое таковым не является¹⁵. Фактуальные теории основываются на фактах, пред-

¹³ Н. И. Родный. Логика развития науки, стр. 16—17.

* Иногда Н. И. Родный и употреблял этот термин — см.: «Вопросы философии», 1972, № 5, стр. 59, примеч. 12.

** В методологии науки также важно различать философский аспект и специально-научный аспект. См. об этом: В. А. Лекторский, В. С. Швырев. Методологический анализ науки (типы и уровни). — Философия, методология, наука. М., «Наука», 1972; а также рецензию Э. Г. Юдина на эту книгу — «Вопросы философии», 1973, № 1.

¹⁴ См., напр.: Л. Б. Баженов. Строение и функции естественнонаучной теории. — Синтез современного научного знания. М., «Наука», 1973.

¹⁵ См.: М. Корнфорт. Марксизм и лингвистическая философия. М., «Прогресс», 1968, часть III, гл. I—II; его же. Открытая философия и открытое общество. Ответ д-ру Карлу Попперу на его опровержение марксизма. М., «Прогресс», 1972, часть I.

сказывают новые факты и объясняют их. Философско-логическая теория (философская логика) основывается на всеобщей структуре и необходимых ступенях развития общественно-практической деятельности... перехода движения [имеется в виду движение, развитие практики — Р. В.] от одного этапа к другому»¹⁶. Философская логика является предпосылкой (осознанной или неосознанной) построения фактуальной теории.

Общим критерием научности теоретического знания является его проверяемость. Однако специально-научные, фактуальные теории должны быть проверяемы фактами, а научно-философские теории фактами непроверяемы: они должны быть проверяемы лишь в принципе. Научная философия — это логика, удерживающая мышление в границах принципиальной проверяемости (т. е. в границах общественно-исторической практики); ее функция в отношении конкретных наук состоит в том, «чтобы помогать им очищать свои теории от вненаучных философских предрассудков»¹⁷. Философская (категориальная) логика (как и формальная логика) ничего фактуального не предсказывает и поэтому эмпирически непроверяема; она необходима, но недостаточна для получения фактуальных положений. М. Корнфорт справедливо подчеркивает, что философские принципы не являются фактуально опровержимыми, «а если они таковы, то, значит, они неправильно сформулированы»¹⁸. А «чтобы сформулировать и установить действительные принципы философии, надо осуществить такой тип абстрагирования и обобщения, который приводит к категориальным утверждениям. А чтобы установить, что эти утверждения истинны, надо показать, что они *необходимы* для формулирования и получения истинной информации. Конечно, именно потому, что они необходимы, истинные категориальные утверждения непроверяемы опытом»¹⁹.

В свете вышесказанного мы считаем, что теория (теории) развития науки (теоретическая история науки) выводится, опираясь на философско-логические предпосылки, из фактической истории и проверяется сопоставлением с этой фактической историей. Философско-логические предпосылки, однако, именно потому, что они являются необходимыми **предпосылками** построения теории, не могут быть выведены таким же образом из фактической истории и проверены сопоставлением непосредственно

¹⁶ А. С. Арсеньев. Историзм и логика в марксистской теории. — Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., «Наука», 1969, стр. 339.

¹⁷ М. Корнфорт. Марксизм и лингвистическая философия, стр. 327.

¹⁸ Там же, стр. 346.

¹⁹ М. Корнфорт. Открытая философия и открытое общество, стр. 165.

с ней. Анализ, диалектическая обработка истории науки с целью открытия диалектико-логического «механизма» развития науки — это категориальный анализ развития науки, а следовательно, в конечном счете, анализ структуры и ступеней развития общественно-практической деятельности, в рамках которой возникает и развивается наука.

В нашей философской литературе «выявились различные точки зрения» в вопросе о том, «с чего надо начинать конкретное историко-научное исследование и изложение его результатов, если речь идет об изучении с философской стороны процесса развития знания...»²⁰.

С точки зрения А. С. Арсеньева, невозможно исходить из фактов. Он убедительно показывает, что, во-первых, «только фактов» вообще не существует, а, во-вторых, концепция, «полученная прямым обобщением конечного числа фактов, не может быть всеобщей»²¹. Позиция А. С. Арсеньева состоит в том, что разбор фактор истории науки возможен лишь исходя из некоторой диалектико-логической схемы развития науки. При этом А. С. Арсеньев пишет, что исходная схема выдвигается как гипотеза, «которая должна быть проверена на материале истории науки»²².

Остается, однако, непонятным, что А. С. Арсеньев понимает под проверкой исходной гипотезы и почему он вообще подчеркивает, что эту диалектико-логическую схему следует рассматривать как гипотезу. Автор разъясняет, что «разбор некоторых фактов истории науки» с точки зрения исходной диалектико-логической схемы не означает сведения диалектики к сумме примеров: «Такое сведение получилось бы, если бы вместо логики процесса во всеобщей форме излагались примеры, должныствующие подтвердить те или иные «положения» диалектики»²³. С другой стороны: «Это также не указывает на намерение автора «вывести» диалектику из анализа тех или иных историко-научных фактов и процессов путем их «обобщения». Такое выведение сводится обычно к попытке представить те же самые «положения» как полученные в результате анализа того или другого ограниченного фактического материала. Мало того, что при этом получается фактически то же сведение, только наизнанку, но и вывод оказывается логически неправомерным...»²⁴. С этими разъяснениями мы согласны. Однако, если имеется в виду «логика процесса во всеобщей форме», то, на наш взгляд, бессмысленно говорить о выдвигании и проверке гипотез. «Знание диалектики, — справедливо пишет А. С. Арсеньев, — ...

²⁰ А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров. Анализ развивающегося понятия, стр. 14.

²¹ Там же, стр. 201.

²² Там же, стр. 202.

²³ Там же, стр. 230.

²⁴ Там же.

помогает организовать конкретный материал как всеобщий, дает законы его движения как всеобщего»²⁵. А. С. Арсеньев, по нашему мнению, имеет в виду философский анализ истории науки, раскрытие логики ее развития. А выдвижение и проверка гипотез — это процедура фактуальной науки, в данном случае была бы правомерной, если бы речь шла не о логике, а о теоретической истории науки.

Б. М. Кедрову, в отличие от А. С. Арсеньева, «представляется само собой разумеющимся, что, как в любой другой области знания, при изучении истории науки исходным пунктом всякого без исключения исследования служат факты и только факты, но не какие-то наперед сконструированные гипотезы и построения ума, какими бы красивыми и похожими на истину они бы ни казались. Здесь ошибочен, на наш взгляд, сам подход, сама постановка вопроса: неверно основное предположение — исходить не из фактов, не из анализа эмпирического материала, а из выведения некоторых общих философских соображений, принципов и положений»²⁶. При этом Б. М. Кедров подчеркивает, что его точка зрения «отнюдь не предлагает игнорировать общие принципы диалектики и поступать так, словно они нам неизвестны и их надо в каждом частном случае выводить заново из наличного опытного материала. Как общий метод научного познания диалектика, разумеется, должна состоять на вооружении любого ученого, ведущего исследование, в том числе и по истории научного познания»²⁷. Он разъясняет, что «в ходе всякого научного исследования, в том числе и исторического, возникает необходимость в выдвижении тех или иных гипотез, предположений, чтобы направить исследование на обнаружение новых фактов и проверить с их помощью выдвинутые предположения. Однако такие гипотезы всегда неразрывно связаны с эмпирической основой всего исследования в целом и отнюдь не означают отказа от принципа движения познания от фактов к обобщениям...»²⁸. При этом он также подчеркивает, что имеет в виду не формально-логическое, не индуктивное обобщение, а диалектико-логическое обобщение. На наш взгляд важно обратить внимание на то обстоятельство, что Б. М. Кедров в данном случае стоит не на позиции изучения развития науки с философско-логической стороны (это, с нашей точки зрения, была позиция А. С. Арсеньева), а занимает позицию разработки теоретической истории науки, раскрытия «общих зависимостей и закономерностей, присущих данному кругу явле-

²⁵ А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров. Анализ развивающегося понятия, стр. 222.

²⁶ Там же, стр. 310—311.

²⁷ Там же, стр. 15.

²⁸ Там же, стр. 311—312.

ний», построения «соответствующих теорий» и формулирования «соответствующих законов данного круга явлений»²⁹.

Таким образом, у авторов книги «Анализ развивающегося понятия» выявились противоположные подходы к исследованию истории науки в связи с тем, что предполагалось, что нет существенной разницы между диалектико-логическим обобщением истории науки как философским аспектом анализа истории науки и разработкой теоретической истории науки как специально-научной задачей.

Четкое разграничение логического (формального и диалектического) и теоретического (в смысле специально-научной теории) аспекта в анализе истории науки имеет, на наш взгляд, большое значение, например, и при рассмотрении дискуссий в связи с концепциями развития науки К. Поппера, И. Лакатоша и Т. Куна³⁰.

К. Поппер и И. Лакатош стремятся ограничить рациональную реконструкцию истории науки логикой. Они решительно отвергают психологические и социологические аспекты развития науки. И. Лакатош подчеркивает, что «рационально реконструированное развитие познания имеет место, по существу, в мире идей, в «третьем мире» Платона и Поппера, в мире разработанного знания, который является независимым от познающего субъекта»³¹. С этой позиции критикуется концепция Т. Куна, в которой социально-психологический аспект развития науки учитывается. Оппонентам Т. Куна, в частности, кажется, что его

²⁹ Там же, стр. 315. См. также: Б. М. Кедров. О марксистской истории естествознания.

³⁰ См.: Criticism and the Growth of Knowledge. — Proceedings of the International Colloquium in the Philosophy of Science, London, 1965, volume 4. Cambridge University Press, 2-nd impression, 1972; Symposium: History of Science and Its Rational Reconstruction. — Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol VIII. Dordrecht-Holland, 1971, pp. 82—182; Л. А. Маркова. Проблема революции в истории науки. — «Вопросы философии», 1965, № 9; А. С. Арсеньев. Логика перехода к новой теории и «структура научных революций» Т. Куна. — В кн.: А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров. Анализ развивающегося понятия, стр. 292—304; В. С. Швырев. Анализ научного познания в современной «философии науки». — «Вопросы философии», 1971, № 2; И. А. Акчурин, Е. А. Мамчур. Логика открытия или психология исследования? — «Вопросы философии», 1972, № 8; В. М. Легостаев. Философская интерпретация развития науки Томаса Куна. — «Вопросы философии», 1972, № 11; Н. И. Родный. Проблема научной революции в концепции развития науки Т. Куна. — Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М., «Наука», 1973; В. А. Лекторский. Философия, наука, «философия науки». — «Вопросы философии», 1973, № 4; Е. А. Мамчур. Ценностные факторы в познавательной деятельности ученого. — «Вопросы философии», 1973, № 9; В. И. Евсевичев, И. З. Налетов. Концепция «третьего мира» в гносеологии Карла Поппера. — «Вопросы философии», 1974, № 10; В. В. Петров. Проблема несонзмеримости в современной буржуазной «философии науки». — «Философские науки», 1975, № 1.

³¹ I. Lakatos. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. — Criticism and the Growth of Knowledge, pp. 179—180.

концепции свойственен иррационализм. С таким упреком нельзя согласиться, как справедливо отмечает, например, В. М. Легостаев, ссылаясь на аргументацию польского философа С. Амстердамского³². Т. Кун справедливо утверждает, что одной логики отнюдь недостаточно для рациональной реконструкции истории науки. На наш взгляд, концепцию Т. Куна следует рассматривать как попытку выработать исходные понятия для построения теории развития науки. (Нам представляется, имея в виду и дальнейшую разработку куновского понятия парадигмы с марксистской философско-методологической позиции, что методологическое значение этого понятия для истории науки сравнимо с методологическим значением понятия общественно-экономической формации для истории вообще.) Т. Кун подчеркивает, что он описывает факты истории науки в свете определенной теории, а эту теорию принимает потому, что она позволяет ясно осмысливать многие факты, которые до этого остались непонятными или незамеченными³³.

Концепции развития науки К. Поппера и И. Лакатоша не являются и в принципе не могут быть чисто логическими, так как они не исходят из марксистской диалектической логики, а формальная логика не является логикой развития. Эти концепции построены на основе определенных содержательных методологических принципов, представляют собой определенные модели развития научного знания. В конечном счете концепции К. Поппера и И. Лакатоша оказываются неудовлетворительными, односторонними как с философской, так и с историко-научной точки зрения³⁴. Т. Кун пишет: «... то, что Лакатош представляет себе как историю, вообще не история, а философия, выдумывающая примеры...»³⁵.

Концепция Т. Куна, конечно, требует критики с философской точки зрения, на что уже справедливо обращалось внимание в марксистской философской литературе³⁶. Хочется, однако, еще раз подчеркнуть, что концепция Т. Куна — это, прежде всего, работа в направлении построения специально-научной теории развития науки. А. С. Арсеньев хорошо показал «возможность включения большинства обобщений Куна в единую логическую систему» и, что «эти обобщения берут действитель-

³² См.: «Вопросы философии», 1972, № 11, стр. 135.

³³ T. S. Kuhn. Reflections on my Critics. — Criticism and the Growth of Knowledge, pp. 236—237.

³⁴ См., напр., указанные в сноске 30 статьи И. А. Акчурина и Е. А. Мамчур, Е. А. Мамчур, В. И. Евсевичева и И. З. Налетова, указанную статью Н. И. Родного в «Вопросах философии», 1972, № 5, стр. 56—59 и др.

³⁵ T. S. Kuhn. Notes on Lakatos. — Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. VIII, p. 143.

³⁶ См., напр., указанные в сноске 30 статьи И. А. Акчурина и Е. А. Мамчур, В. М. Легостаева, В. А. Лекторского, В. В. Петрова, ст. Я. К. Ребане в настоящем сборнике и др.

но существенные и важные характеристики процесса перехода от старой теории к новой»³⁷. Однако он, на наш взгляд, не прав, когда считает работу Т. Куна «Структура научных революций» историко-эмпирической. Точнее, работу Куна можно условно считать историко-эмпирической лишь в отношении философской логики развития науки. Философская логика развития науки, однако, не является еще специально-научной (фактуальной) теорией развития науки, которую, на наш взгляд, имеет в виду Т. Кун. Кстати, некоторые философские ошибки Т. Куна (например, его отрицание, в конечном счете, объективности истины), на наш взгляд, связаны с тем, что он сам четко не различает специально-научную и философскую проблематику теоретической истории науки и иногда необоснованно претендует на философские обобщения.

Итак, как нам представляется, методологически важно различать философско-логический и научно-теоретический аспект анализа истории науки. Например, в историко-научной литературе обсуждаются вопросы о том, можно ли считать развитие науки кумулятивным процессом, существуют ли революции в науке, каким образом связаны революционные и эволюционные изменения и т. д.³⁸ На эти вопросы можно дать, так сказать, априорный ответ с категориальной точки зрения, на основе диалектико-логических закономерностей о соотношении прерывного и непрерывного, количественных и качественных изменений. (Интересно отметить, что Т. Кун также аргументировал диалектико-логически, когда отстаивал существование «нормализованной науки» и критиковал попперовскую концепцию «перманентной революции»³⁹). Однако это отнюдь не значит, что тем самым мы обладаем специально-научными законами фактуальной теории развития науки. И наоборот — категориальные соотношения нельзя выводить из фактуальной истории, обосновывать или опровергать ею.

Поступила в редакцию
в марте 1975 г.

³⁷ А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров. Анализ развивающегося понятия, стр. 304.

³⁸ См.: Э. Г. Лейкин. К критике кумулятивистских концепций развития науки. — Очерки истории и теории развития науки. М., «Наука», 1969; Н. И. Родный. Проблема научной революции в концепции развития науки Т. Куна.

³⁹ T. S. Kuhn. Reflections on my Critics, p. 242.

КОПЕРНИКОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПЕРЕХОД К КЛАССИЧЕСКОМУ ТИПУ ФИЗИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В. П. Хютт

Оно прошло, то время золотое;
С природы снят магический венец;
Свет узанный свое лицо земное
Разоблачил, и призракам конец.

В. А. Жуковский

Коперниковская революция означает не только поворотный пункт в развитии астрономии. С точки зрения развития физического познания, она есть такой отход от физических взглядов Аристотеля (последние оказывали определяющее влияние на естествознание в средние века и далее вплоть до Коперника и Галилея), такое снятие «магического венца с природы», которое являет собой **переход к новому, классическому типу физического знания**. Этот переход в типе знания начинается с Коперника¹, окончательно определяется физикой Галилея и находит философское завершение в теории познания и знания И. Канта.²

- 1) *Конфронтация гелиоцентрического учения с аристотелевско-птолемеевской традицией в эпоху Коперника.*

Основная идея гелиоцентризма была знакома античным мыслителям. Пифагорейцам (6—4 вв. до н. э.) приписывается мнение о вращении Земли и движении ее вокруг «центрального

¹ «... В философии природы Коперника можно найти элементы новой физики и... эта новая физика играла стимулирующую роль в процессе создания базиса гелиоцентрической системы». (M. Markowski. On Philosophical Foundations of Copernicus' Heliocentris System. — "Dialectics and Humonism", Warszawa, autumn 1973, p. 222).

² Т. И. Ойзерман рассматривает учение И. Канта как «философское завершение коперниковской революции». (T. I. Oiserman. Kant und das Problem einer Wissenschaftlichen Philosophie. — "Proceedings of the Third Internationale Kant Congress", Dordrecht, 1972, S. 121).

огня», то есть огненного центра мира. Гераклит Понтийский (4 в. до н. э.) утверждал, что Земля вращается вокруг своей оси, но не меняет своего места. Аристарх Самосский (ок. 320—ок. 250 гг. до н. э.) известен как основоположник теории вращения Земли вокруг Солнца и вокруг своей оси. Аристотель в 13 главе трактата «О небе» специально рассматривает вопрос о неподвижности Земли и свидетельствует, что многие ученые и ранее сомневались в неподвижности Земли, но не на основании явлений, а теоретически: «Имеются также многие другие люди, которые склонны согласиться с ошибочностью приписания Земле центрального положения, которые видят доказательство не в явлениях, но скорее в абстрактной теории»³. Анализ «Алмагеста» Птолемея (1-ая пол. 2 в.) оставляет впечатление, что имевшиеся ранее в этом труде детально разработанные гелиоцентрические теории были впоследствии тщательно вытравлены из текста⁴. Как бы то ни было, гипотезы гелиоцентрического типа были прочно забыты, чему способствовала их кажущаяся противоречивость явлениям и несоответствие «здравому смыслу». Правда, в 14 веке Жан Буридан (ок. 1300 — ок. 1358 гг.) критиковал аргументацию Аристотеля против движения Земли. Но эта критика была чисто логического свойства — доказывалась недостаточность аргументации Аристотеля, допускающая логическую возможность противоположного вывода.⁵

Система Птолемея, как она дошла до нас в «Альмагесте», была общепризнана и, действительно, являла собой образец достижений древнегреческого астрономического гения. Нейгебауэр указывает следующие существенные преимущества концепции Птолемея перед древнейшей вавилонской астрономией⁶:

1) в основу системы Птолемея кладется кинематическая модель как основание предсказания явлений. У ученых Вавилона таких моделей не было — предсказание осуществлялось на основе арифметических операций с числами;

2) у Птолемея долгота планеты определялась в общем виде как математическая функция времени, а определение характерных точек траектории светил являлось вторичной задачей, решаемой на основе определения соответствующей математи-

³ Aristotle. On the Heavens. Cambridge, 1945, p. 217.

⁴ См. Н. И. Идельсон. Этюды по истории планетных теорий. «Николай Коперник». М.—Л., 1947, стр. 145, примечание; И. Н. Веселовский. Комментарий к кн.: Николай Коперник. О вращениях небесных сфер. М., 1964, стр. 608, примечание 1.

⁵ См. M. Clagett (ed). The Science of Mechanics in the Middle Ages. Madison, 1959, p. 594—598.

⁶ О. Нейгебауэр. Точные науки в древности. М., 1968, стр. 130—132, 158. См. аналогичные оценки вавилонской астрономии: B. L. von der Waerden. Basic Ideas and Methods of Babylonian and Greek Astronomy. — «A. C. Crombie (ed.) Scientific Change», N. Y., 1963, p. 50; O. Neugebauer. Ancient Mathematics and Astronomy. In: «A History of Technology», v. I, Oxford, 1958, p. 785—803.

ческой функции. Для вавилонских астрономов, наоборот, основной задачей было определение характеристических долгот (при особом положении планет), а вычисление долгот для любого момента времени осуществлялось путем интерполяции.

Итак, в противоположность астрономии Древнего Вавилона, которая не поднималась выше линейного арифметического метода операций с числами в целях предсказания явлений, система Птолемея представляла собой первую попытку *теоретического объяснения* явлений. Она не утратила своей объяснительной силы и эмпирической подтверждаемости и ко времени Коперника.

И тем не менее, система Коперника во многом выигрывала. Исследователи отмечают следующие преимущества гелиоцентрической системы⁷:

Во-первых, более простое качественное объяснение движения планет (включая их попятное движение). Копернику в упрощенном варианте его системы для этого понадобилось всего 7 кругов против 12 кругов упрощенного варианта схемы Птолемея.

Во-вторых, система Коперника была **жесткой**, то есть являлась системой в полном смысле этого слова. Схема Птолемея такой жестко согласованной системой не была. Эпициклы и деференты можно было в больших пределах менять, не разрушая системы, не объяснялся порядок орбит, явления планеты среди звезд не были связаны с размером и порядком планетных орбит (эта проблема даже не возникала в схеме Птолемея). Подобной свободы и произвола не было в системе Коперника: в установленной «форме мира и точной соразмерности его частей», господствовали гармония и целостность. «Все сферы и даже само небо окажутся так связанными, что ничто нельзя будет переставить ни в какой части, не произведя путаницы в остальных частях и во всей Вселенной»⁸. Скорости движения планет соответствовали величинам их орбит. Появилась возможность получения информации о действительных планетных расстояниях.

В-третьих, идея гелиоцентризма естественно объясняла выделенное положение Солнца, которое в системе Птолемея лишь выполняло функцию разделения «верхних» и «нижних» планет. У Коперника Солнце не разделяет, но управляет, руководит семейством, «хороводом» светил.

Итак, доктрина Коперника достигала существенно более адекватного, общего и согласованного познания солнечной системы. Птолемей осознавал недостаточную гармоничность своей системы. Так, в «Альмагесте» (кн. 13, гл. 2) он писал:

⁷ См. Н. И. Идельсон. Цит. соч., стр. 160; О. Нейгебауэр. Цит. соч., стр. 197; Т. S. Kuhn. The Copernican Revolution. Cambridge, 1957, p. 164—174.

⁸ Николай Коперник. О вращениях небесных сфер. М., 1964, стр. 14.

«Однако, раз каждое явление наблюдается вследствие этих предположений (имеются в виду круговые движения. — В. Х.), почему все же сложные движения небесных тел продолжают казаться такими странными для нас?»⁹ В своей более поздней работе «Планетные гипотезы» он критикует некоторые положения Аристотелевского Космоса и выдвигает ряд идей о возможной физической структуре и причинах, которым подчиняется планетная система.

2) *Коперниковская революция как переход к новому типу физического знания.*

Характерной особенностью системы Птолемея является наличие в ней **гелиоцентрических** элементов математико-геометрического характера. Эти элементы таковы: во-первых, геометрическая схема Птолемея построена так, что направление от наблюдателя к центру эпицикла для внутренних планет **всегда** совпадает с направлением от наблюдателя к Солнцу, а для внешних планет направление от центра эпицикла на планету **всегда** параллельно направлению от наблюдателя к Солнцу; во-вторых, периоды обращения верхних планет в их эпициклах, считая от неподвижного направления, и время обращения центров эпициклов внутренних планет вокруг Земли равны одному году (уже здесь заключен намек на выделенность положения Солнца в планетной системе); в-третьих, анализ математической схемы Птолемея позволяет обнаружить последовательную пятерку чисел, которые в системе Птолемея совершенно случайны и ничего не означают, но в системе Коперника обозначают относительные расстояния планет от Солнца. Н. И. Идельсон считает, что это свойство системы Птолемея было известно Копернику и получило отражение в его основном труде; в-четвертых, гелиоцентрическим по сути является тот необъяснимый в схеме Птолемея факт, что Луна и Солнце (которые тоже считались планетами) не обладают попятным движением. Осознание данных гелиоцентрических элементов составило естественнонаучную основу отхода Коперника от геоцентризма. «Это были мотивы, которые побудили автора *Commentariolus* искать новые решения... Открытие гелиоцентрической системы должно было последовать в результате исследований геометрических связей в математической астрономии, объяснение которых было невозможно в рамках старой космологии»¹⁰.

⁹ Цит. по S. Sambursky. *Conceptual Development and Modes of Explanation in later Greek Scientific Thought*. — «Scientific change», N. Y., 1963, p. 66.

¹⁰ I. Dobrzycki und M. Biskup. *Nicolaus Copernicus*. Leipzig, 1973. См. также Н. И. Идельсон. Указ. соч. стр. 140—144, 168; О. Нейгебауэр. Цит. соч., стр. 156; Е. А. Гребенников. *Николай Коперник*. М., 1973, стр. 61.

Коренное объективное отличие системы Коперника от схемы его великого предшественника, отличие, сублимированное в идее вращения Земли вокруг Солнца, состоит в том, что данные элементы гелиоцентризма (выступающие у Птолемея как случайные, непонятные, не имеющие значения) в коперниковской системе **приобретают статус новых, неизвестных доселе элементов физической реальности.** Коперник по существу ввел в науку новый способ формирования знания о непосредственно ненаблюдаемых элементах физической реальности. Он, правда, не отошел от традиционной «одержимости округленностью» (о чем свидетельствует его борьба с птолемеевскими эквантами), но этот «принцип круга» выступал у него как убеждение в фундаментальной роли математико-геометрического формализма при построении истинно физических представлений о реальности¹¹. В гелиоцентрической системе Коперника элементы математико-геометрической структуры определяют конструирование основных содержательных моментов физического знания, тогда как для докоперниковского, то есть аристотелевского способа мышления (физического) характерным является признание за математикой лишь роли орудия вычислений или в лучшем случае эпифеномена количественного описания.

Фактор конституирующей роли математики в физическом познании как раз характерен для классического типа физического познания. Так, А. Койре считает второй позитивной основной особенностью перехода к современному естествознанию геометризацию пространства и математизацию физического описания природы (первая «отрицающая» особенность состоит в разрушении конечного иерархически организованного Космоса Аристотеля)¹². Этот фактор характерен и для современного физического познания: эстонский физик-теоретик П. Г. Кард в содержательной статье подчеркивает, что в качестве основного правила при оценке реальности физических величин следует

¹¹ Это обстоятельство хорошо показано в работе J. T. Clark. *The Philosophy of Science and the History of «science» — «Critical Problems in the History of Science»,* Madison, 1959, p. 103—140. В этом пункте (различное понимание природы выделенности кругового движения) Коперник резко отходит от аристотелевско-птолемеевской традиции. Он отказывается от аристотелевского механизма трения сфер друг от друга, от «чудовищной 11-ой сферы», не видит необходимости во внешней механической причине движения. Для него «математическая точка зрения достаточна»: «Для Коперника сферы именно потому, что они сферы, могли заботиться о своем собственном, необходимом, неизбежном, равномерном круговом движении» (Там же, стр. 124).

¹² A. Koyré. *Galileo and Plato.* — *Journal of the History of Ideas*, vol. IV, № 4 (1943), p. 403—404. А. Койре, правда, связывает переход к новой науке с именем Галилея, а не Коперника. Но как было показано, начало перехода к классическому типу знания следует связывать с коперниковской революцией. И не только в силу вышеизложенных причин, но также в силу изменения гносеологической установки познания (см. след. пункт), то есть в силу философских соображений.

руководствоваться той ролью, которую соответствующие этим величинам абстракции играют в развитии теории¹³.

Идея математического описания элементов физического мира с целью установления соотношений между ними на основе числовых и геометрических регулярностей принадлежит Платону и восходит к пифагорейцам. В «Тимее» Платоном была сделана попытка показать, что определенные закономерности вещества и материальные изменения могут быть выведены из геометрических соотношений между математическими формами, которые символически представляют четыре исходных элемента — огонь, воздух, воду и землю. В этом состояла идея его знаменитой теории треугольников. Однако эта попытка, как и дальнейшие усилия неоплатоников, носили чисто спекулятивный характер и не оказали влияния на последующее развитие физики. Причина, на наш взгляд, состоит в том, что «математизация» (вернее ее попытки) проводилась на старой **гносеологической основе**. Только в связи с **изменением гносеологической позиции субъекта** в связи с коперниковской революцией возможен переход от «математического мистицизма» к реальному осознанию конструктивной роли математики.

В этом смысле Аристотель (как реалистически мыслящий философ) был прав в своей полемике против «треугольников» Платона (базе античного типа отношения к природе) — они прямо и непосредственно вели к спекулятивно-идеалистической интерпретации естествознания. Действительно, согласно Платону, физический мир, мир вещей, движимых извне и движущих, беспорядочен и случаен и имеет причины, «лишенные разума» («Тимей», 46-с). Количественные отношения в принципе не адекватны «природе» этого мира («Тимей», 36-с.). Математические формы адекватны лишь неподвижному, великому миру идей, а не миру «вещей и движений». «В чувственном порядке имеется род улоства или неподатливости, который не допускает полной трансформации природы в рациональное»¹⁴.

Следовательно, Платон отрицает основной сформулированный впоследствии Эйнштейном принцип физического описания — признание внутренней «рациональности» *природы*.¹⁵ Поэтому и математика у него не может быть полностью точно приложимой к физическому миру, но лишь с трудом, «насильственно», неадекватно. Стагирит тоже допускал математическое описание в физике и тем более, в астрономии. Но в соответствии со своими

¹³ П. Кард. О гносеологических основах проблемы реальности физических величин. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 89, Тарту, 1960, стр. 77—88. (На эст. языке. Резюме на русском.)

¹⁴ Т. Р. МсТигхе. Galileo's «Platonism»: a reconsideration. — «Galileo Map of Science. London, 1967, p. 368. См. также p. 16—17.

¹⁵ См., например, А. Эйнштейн. Собр. науч. трудов, т. 4. М., 1967, стр. 543.

принципами он считал такое описание упрощающим дело, неадекватным физической природе реальности, лишь вспомогательным средством. По его мнению, математические формы и соотношения между ними **в принципе** не могут быть использованы в качестве базиса для вывода отношений между элементами физической реальности. Физические понятия (в соответствии с основной гносеологической установкой) непосредственно «снимаются» с эмпирической реальности. За математикой (прежде всего в астрономии, но фрагментарно и в физике тоже) остается роль средства вычисления в целях предсказания явлений. Аналогичных взглядов с некоторой долей сомнения и критицизма в адрес Аристотеля придерживался и Птолемей.

В. Гейзенберг так оценивает контрверзу «Платон-Аристотель» относительно роли математики в физическом познании: «Чистая математическая спекуляция становится бесплодной, потому что она более не возвращается из игры с полнотой форм к их совсем малому количеству, по которому действительно построена природа. А чистая эмпирия становится бесплодной, потому что она в конце концов задыхается без внутренней взаимосвязи в бесконечных табличных данных. Решающие успехи могут возникнуть только из напряженности, из игры между полнотой данных и, возможно, соответствующих ей математических форм. Но эта напряженность не могла быть более принята в античности»¹⁶.

Лишь гениальная фигура Архимеда Сиракузского (ок. 287—212 до н. э.) стоит в этом отношении особо в древнегреческой науке. Для него характерно широкое применение математики в описании природных, физических процессов. Однако мы не можем согласиться с мнением, что именно его следует считать родоначальником современной математической физики как классического типа физического знания. Причина все та же — математизация описания проводится на аристотелевской гносеологической основе. Этот гносеологический базис определяет **неклассический тип образования физических понятий**, негалилеевский способ конструирования определяющих элементов физического описания. Действительно, понятие равномерного движения вводится Архимедом наглядно-эмпирическим путем: вводится представление о двух «равноскорых движениях», отсюда осуществляется переход к представлению о «равноскором самому себе движении», которое и отождествляется с понятием о равномерном движении.¹⁷ Особенно убедительно отличие архимедовской физики от классической можно продемонстрировать на его теории плавания. Архимед шел чисто эмпирическим путем решения проблемы и получал частные решения для каждого отдельного

¹⁶ W. Heisenberg. Schritte über Grenzen. München, 1973, S. 294.

¹⁷ Архимед. Сочинения. М., 1962, стр. 230—231. См. примечание И. Н. Веселовского, там же, стр. 519.

случая. Он близко подошел к современному общему и теоретическому решению проблемы на основе понятия **метацентра**. Но у него это понятие отсутствует как физическое понятие. Для его открытия необходимо было чисто математическому понятию (центру кривизны, по которой смещается центр тяжести погруженной части тела, рассматриваемой как однородное тело) приписать статус элемента физической реальности. Но Архимед этого не мог сделать, поскольку это требовало изменения базисной гносеологической позиции по поводу исходных принципов типа конструирования реальности, изменения типа физического знания (что в то время еще не было обосновано культурно-исторически).

Формой осознания переворота в типе физического знания служило для Коперника восприятие солнечной системы под формой гармонии, целесообразности, красоты. Все исследователи отмечают этот необычный, с современной точки зрения, эстетический стиль изложения и аргументации Коперника, возвышающийся до характера художественной прозы. Однако истинные причины этого эстетизма на наш взгляд не были указаны. Так, Л. Ольшки, например, считает эмоциональное напряжение, столь характерное для стиля Коперника, порождением сомнения и пылливой фантазии¹⁸. Т. Кун, констатируя факт эстетизма, не касается его причин и основ¹⁹. Между тем, в советской философской литературе доказано, что эстетическое восприятие объекта, восприятие его по «законам красоты» является особой формой постижения (переживания) объективной, скрытой от непосредственного созерцания внутренней структуры, «внутренней формы» объекта²⁰.

Для Коперника таким объектом выступала солнечная система. Поэтому под формой красоты, гармонии, «целесообразности» он сознавал и переживал реальную истинную внутреннюю закономерность движения планет, опосредованную математическим формализмом теории планетных движений. На наш взгляд, эта же эстетическая форма постижения позволила Копернику приблизиться к пониманию физического факта тяготения, который рассматривался им в виде природного стремления, сообщенного частям, «чтобы они стремились к целостности и единству, сходясь в форму шара»²¹.

¹⁸ Л. Ольшки. История научной литературы на новых языках, т. 2. М.—Л., 1934, стр. 69.

¹⁹ Т. S. Kuhn. Цит. соч., р. 180.

²⁰ См. Э. И. Ильенков. Об эстетической природе фантазии. — «Вопросы эстетики», вып. 6. М., 1964, стр. 50—80.

²¹ Николай Коперник. Цит. соч., стр. 30. Эстетическая аргументация и соответствующие критерии истинности не потеряли свое значение и в современном физическом познании. В качестве доказательства приведем слова известного английского физика: «Как известно, теория тяготения Эйнштейна была подтверждена в дальнейшем новыми экспериментальными

На этой основе Коперник был убежден в истинности гелиоцентризма: «Ведь тому, что определено, не может быть бесчисленного множества объяснений... совершенно так же, как при проведении окружности через три точки...»²²

Кроме эстетической аргументации от гармонии и целостности, Коперник в пользу своей системы выдвинул **принцип относительности в познании движений**. Этот принцип использовался им для опровержения птолемеевских аргументов против движения Земли. (Предшественником Коперника в этом отношении является Жан Буридан, который тоже выдвигал подобный принцип, указывая на недостаточную логическую обоснованность утверждений Аристотеля — см. ссылку 15. Разница состоит в том, что Буридан стоял за истинность геоцентризма, а Коперник — наоборот — за истинность своей системы). Согласно этому принципу «всякое представляющееся нам изменение места происходит вследствие движения наблюдаемого предмета или наблюдателя, или, наконец, вследствие неодинаковости перемещений того и другого»²³. Содержание принципа открывает дорогу к пониманию объективной относительности (принцип относительности Галилея) и тем самым знаменует разрыв аристотелевской традицией физического мышления Птолемея, который полностью разделял трактовку абсолютности движения в физическом учении Аристотеля. Однако решающее значение в противопоставлении коперниковской системы доктрине Птолемея имеет изменение в гносеологической ситуации познания. Именно это изменение фундирует переход к новому типу знания, что позволяет с противоположных позиций оценивать принцип относительности описания движений Жана Буридана и Николая Коперника.

3) Гносеологические основы перехода к новому типу знания.

В системе Коперника пифагорейско-платоновская идея математического описания природы осуществляется антиспекулятивным способом в виде теории современного, физико-математического типа. Определяется это обстоятельство коренным изменением гносеологической ситуации и основ конструктивизации действительности в целях ее теоретического воспроизведения в мышлении. Б. М. Кедров указывал, что с философской точки зрения суть коперниковской революции заключается в переходе

фактами, но я считаю, что основная мощь теории тяготения Эйнштейна заключается в ее исключительной внутренней математической красоте». (Поль Дирак. Электрон и вакуум. «Знание», серия VIII, № 7. М., 1957, стр. 5).

²² Николай Коперник. Цит. соч., стр. 434. Кеплер свидетельствует, что Коперник «думал, что его предложения истинны... И не только думал, но и доказывал их истинность» (См. E. Rosen. Three Copernican Treatises. N. Y., 1939, p. 24).

²³ Николай Коперник. Цит. соч., стр. 22.

от видимости к открытию сущности как противоположному видимости и определяющему элементу достоверности: «Вместо веками установившейся концепции, основанной на признании видимости за действительность (на вереве в видимость) утверждался научный взгляд, раскрывающий подлинную действительность за ее обманчивой оболочкой, казавшейся прежде истинной... Прежние воззрения были заменены диаметрально противоположными, то есть буквально перевернуты с головы на ноги»²⁴. Видимость есть «перевернутое» выражение сущности, и критерием истины должен быть не принцип отождествления видимости и достоверности, но противоположный принцип отличия, несовпадения видимости и достоверности. Видимость есть «обращенная», «перевернутая» истина и сущность. Изменение роли математики соответствует такому перевороту в основах теории познания. Данный переворот нашел выражение в учении Коперника в виде гносеологического противопоставления «двух путей». Существует «путь природы» и «путь познания». Эти пути противоположны — «естественным ходом вещей» устанавливается первичность сущности-причины и вторичность явления, вытекающего из этой сущности. Наше познание по Копернику, наоборот, движется от явления и видимости к сущности и причине как к истине²⁵.

Коперником осуществлен выход за пределы естественной (аристотелевской) ситуации познания — вместо пассивной естественной установки познания на отождествление видимости и сущности выдвигается другая, согласно которой «мы способны постигать предметы мира соответственно плану, которые составлены нами самими»²⁶. Тем самым более объективное описание достигается путем учета изменения позиции субъекта в гносеологической ситуации. Впервые гносеологический субъект противопоставляется природе, достоверности. Специфика этого противопоставления такова, что, учитывая «перевернутость» видимости и достоверности, гносеологический субъект противопоставляет себя природе (истину которой он должен теоретически воспроизвести) единственным и абсолютным образом. (Точка

²⁴ Б. М. Кедров. Диалектика Гегеля в свете научных революций. — «Вопросы философии», 1974, № 8, стр. 36.

²⁵ «... Наука о звездах принадлежит к числу тех, которые познаются нами в порядке, противоположном естественному ходу вещей. Так, например, природа устанавливает сначала, что планета ближе к Земле, чем подвижные звезды, а затем уже то, что отсюда вытекает, а именно, что они кажутся нам менее мерцающими. Мы же, наоборот, сначала увидели, что они не мерцают, а потом уже отсюда заключили, что они расположены ближе к Земле. Равным образом, сначала нами была установлена неравномерность видимого движения светил, а затем уже мы заключили о существовании эпициклов, эоцентров и других кругов, которыми эти светила переносятся» (Николай Коперник. Цит. соч., стр. 433).

²⁶ F. Kaulbach. Die Kopernikanische Denkfigur bei Kant. — «Kant-Studien», 1973, Jg. 64, H. I, S. 31.

зрения достоверности противоположна видимости. Это есть точка зрения сущности. Но дуализма сущности не бывает — сущность, противоположная данной видимости — едина и единственна. Гносеологически это осознается как абсолютность позиции субъекта, принимающего данную сущность за абсолютную достоверность). Таким образом возникает, **констатируется абсолютно объективный, объектный тип знания**. Он характеризуется такой организацией знания, когда реальность (физическая) представляется в виде движения тел, полей, частиц без всяких ссылок на познающего субъекта и ситуацию познания. Социальная опосредованность знания и позиция субъекта здесь «вынесена за скобки» самого знания и не учитывается в теоретическом воспроизведении физической реальности.

4. *Абстракции Аристотеля и идеализации Галилея. Завершение классического типа знания.*

Физикой Галилея завершается переход к классическому типу физического знания: содержание физических понятий и **сам способ** их образования в новой физике в корне противоположны понятиям физического учения Аристотеля. Гносеологическую основу аристотелевской абстракции можно раскрыть на примере анализа Стагиритом форм стоимости товаров. К. Маркс показал, что Аристотель понимает, что стоимостное отношение означает приравнивание чувственно-различных вещей. Равенство требует соизмеримости. Основой соизмеримости является стоимость, субстанция которой — абстрактный одинаковый человеческий труд. Но Аристотель как раз и не может выявить эту сущность — стоимость. Он считает невозможным, чтобы столь разнородные вещи, как различные товары, были соизмеримы, то есть качественно равны. Это представляется ему чем-то **чуждым истинной природе вещей**. К. Маркс раскрывает социальную обусловленность хода мысли Аристотеля — тайну стоимости как равенство и равнозначность всех видов труда невозможно было расшифровать в условиях античного общества, так как товарные отношения не были определяющими в античном обществе, «греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их работ»²⁷. Однако неспособность Аристотеля выделить абстракцию стоимости имеет также и гносеологическую основу: все абстракции суть непосредственные выражения видимого отношения вещей в явлении. По Стагириту, зримыми в явлении качествами определяется конкретная сущность вещи («усия») и, следовательно, вещь не может иметь в

²⁷ К. Маркс. Форма стоимости. Соч., т. 49. (Издание второе), стр. 150.

своей основе сущность, противоположную этой видимости, явлению. Но стоимость как сущность товаров как раз и есть их противоположное видимости «сверхчувственное» качество. Таким образом, дело сводится к основному принципу познания физического мира — *сущность вещи строится познанием по аналогии с явлением вещи*. Анализ Марксом понимания отношения товаров у Аристотеля важен в том отношении, что позволяет обнажить **социальную обусловленность** познавательного отношения ученых античности к природе и тем самым выявить коренные причины перехода к новому, классическому научному стилю мышления в связи с изменением характера основных общественных отношений.

К. Маркс делил историю общества на два больших периода: первичный, докапиталистический и вторичный — капиталистический²⁸. Первичные общественные формации основаны на **личных отношениях** людей, а вторичные — на **вещной зависимости** в ее концентрированной форме товарно-денежных отношений: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций»²⁹.

Данные общественные отношения, так как они являются основными и господствующими в данном обществе, определяют тип общественно-экономической формации, а также и тип отношения к природе. При **личных** отношениях (как определяющих) за сущность принимается непосредственная видимость общественных отношений по зримой поверхности их **явления**. Поэтому и в теоретико-познавательном отношении к природе представляется неестественным, «противным природе вещей» искать скрытую за явлением «чистую» и противоположную явлению сущность. Наоборот, при **вещных** отношениях в качестве определяющих скрытая, таинственная «суть» товаров-вещей естественно воспринимается как определяющая сущность, противоположная непосредственно-чувственной форме товаров-вещей. Поэтому и в теоретическом отношении к природе

²⁸ См. Ю. М. Бородай, В. И. Келле, Е. Г. Плимак. Наследие Карла Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ и генезиса капитализма. — В сб.: Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972, стр. 13—169; М. А. Вишкин. Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1972.

²⁹ К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Соч., т. 46, ч. I, стр. 100—101.

переходят на точку зрения противоположности сущности и явления, то есть на точку зрения классической науки.

Тем самым происходит изменение гносеологической позиции субъекта относительно постижения природы. Суть различия между античным и современным познавательным отношением к природе покажем на примере прямого сопоставления физических абстракций Аристотеля и Галилея.

Согласно закону падения Аристотеля скорость падающего тела прямо пропорциональна его весу и обратно пропорциональна плотности среды, в которой происходит падение. Данный «закон» (как и все физические законы Аристотеля) «снят» непосредственно с явления. Действительно, повседневная практика падения камней и более легких тел, казалось бы, полностью подтверждает данный вывод. Однако эта практика, этот аристотелевский опыт носит, во-первых, случайный, несистематический характер опыта отдельного человека; во-вторых, это опыт неэкспериментальный, то есть «не чистый», не свободный от помех и приводящих, не относящихся к делу обстоятельств; в-третьих, это, следовательно, опыт, не руководимый предварительной идеей открытия законов природы в «чистом виде». Данный вид опыта основан на взгляде на природу как на живой организм, на реальный образ демиурга (сотворившего природу). Неестественно было бы «пытать», «рассекать» так понимаемую природу, пытаться обнаружить что-то более «истинное» за ее живой непосредственной реальностью в явлении. Идеологом противоположного отношения к природе выступил впоследствии Ф. Бэкон: «... Смутный и руководящий лишь собой опыт ... есть не более как движение наощупь и, скорее, притупляет ум людей, чем осведомляет его». Он требовал «целесообразно поставленных опытов», опытов, руководимых разумом, идеей, при которых происходит «рассечение» природы на части с целью получения «чистого действия или закона действия»³⁰. Здесь Ф. Бэкон лишь философски суммирует новую теоретико-познавательную позицию Галилея.

Действительно, выявление своего, противоположного аристотелевскому, закона падения Галилей³¹ начинает с указания на противоречивость и тем самым практическую неправильность закона Аристотеля. На том основании, что вода, например, обладает в 10 раз большей силой сопротивления, чем воздух, следовало бы сделать вывод, что деревянное тело должно «падать» в воде в 10 раз медленнее, чем в воздухе. Но дерево в воде всплывает! Поэтому, говорит Галилей (правда, по другому поводу), «лучше, стало быть, оставить видимость, в отношении которой мы все согласны, и постараться посредством рассуждения или подтвердить реальность предложения, или разоблачить

³⁰ Ф. Бэкон. Соч., т. 2. М., 1972, стр. 61 и далее 23.

³¹ См. Галилей. Избр. труды, т. 2. М., 1974, стр. 165—176.

его обманчивость»³². Далее Галилей вводит идею о том, что наличие среды падения из фактора «естественного» следует превратить в фактор мешающий и рассматривать как фактор «неестественный». Отчетливо проступает изменение гносеологической позиции в отношении к природе: обычные явления есть **«простая видимость, а не что-то реальное»**³³ (выделено нами — В. Х.). Реальным является на самом деле совсем другое явление — «явление, которое весьма трудно себе представить, особенно, когда наши чувства показывают, что тяжелое падающее тело сразу же приобретает большую скорость»³⁴. Таким образом, устанавливается «первичное явление, из которого выводится первый и простейший принцип, лежащий в основе всего остального».³⁵ Далее, когда простейший принцип — гипотеза об одинаковой быстроте падения тел, если им ничего не мешает, мелькает в качестве предположения, после этого уже нетрудно найти различные мысленные опыты (а также и реальные), подтверждающие данное предположение и позволяющие **на основе метода идеализации** раскрыть законы природы в «чистом виде», допускающем строгое математическое описание. Для выявления истинного закона свободного падения Галилей образует **идеализацию** пространства, «совершенно лишённого воздуха или какой бы то ни было другой материи». Эта идеализация образует путем предельного перехода ко все менее плотным средам, пока одновременно с образованием этой идеализации открывает сопутствующую ей другую идеализацию — закон природы в чистом виде: «если устранить сопротивление среды, то все тела падали бы с одинаковой скоростью».

Отмечая данный тип отношения к природе как «идеализацию опыта», В. Гейзенберг указывает, что данная идеализация «познается в качестве правильной благодаря тому, что позволяет математическим структурам стать зримыми в феноменах»³⁶. Все исследователи отмечают, что данные идеализации носят характер геометрически-математический. Отсюда следует, что Галилей возвел в высшую, понятийно-физическую форму тот метод введения фундаментальных физических абстракций, на котором основана методологически коперниковская революция. Таким образом, Галилеем завершается конституирование нового типа физического знания.

Поступила в редакцию
в феврале 1975 г.

³² Галилей. Избр. труды, т. I, стр. 354.

³³ Там же, стр. 492.

³⁴ Там же, т. II, стр. 241.

³⁵ Там же, стр. 121.

³⁶ W. Heisenberg. Цит. соч., S. 337.

ТРИ УРОВНЯ ПОНЯТИЯ НАРРАТИВА

А. А. Порк

Целью настоящей статьи является определение понятия нарратива (нарративного текста) на трех уровнях. Определение нарратива на первом уровне дает наиболее общее понятие нарратива, остальные же уровни конкретизируют понятие нарратива и дают его более узкое определение.¹

1. Вводные замечания

Проблему нарратива в данной работе мы рассматриваем преимущественно как проблему методологии истории. Но нарратив, по нашему мнению, не является только вопросом методологии исторической науки. Нарратив может рассматриваться и как проблема методологии вообще.

В методологии науки, на наш взгляд, существует известная альтернативность определений. При одних и тех же диалектико-материалистических предпосылках построения теорий специфические понятия методологии науки могут оказаться различными. Автор настоящей статьи далек от мысли, что он сумел дать единственно верную трактовку понятия нарратива. Наша концепция является лишь одной из возможных трактовок нарратива в методологии науки. Судить о том, какова самая удачная трактовка нарратива, можно лишь после широкого обсуждения проблем нарратива.

За последние годы проблема нарратива обсуждалась в рамках философии истории англоязычных стран. В буржуазной философии истории мы встречаем очень пеструю картину различных подходов к проблеме нарратива.² Нередко эти подходы являются очень непоследовательными, сомнительными, с логической точки зрения.

¹ О связи понятия нарратива с понятием историзма см.: А. Порк. Нарратив как проблема методологии истории. — Ученые зап. ТГУ, выпуск 391, Труды по философии XVIII, Тарту, 1975.

² См. А. Порк. См. указ. статью.

Каковы же характеристики самого нарратива? На наш взгляд, буржуазные философы выделяют несколько групп таких признаков. Условно их можно обозначить как признаки «аксиологические», «логические», «гносеологические», «онтологические», хотя сами буржуазные философы и не употребляют этих терминов.

К «онтологическим» признакам нарратива можно отнести требование единого «центрального субъекта», который описывается при помощи нарратива.³ Утверждается, что нарратив создается о частях какого-то исторического целого⁴ или о причинной последовательности событий. Подчеркивается случайный характер процессов, описываемых нарративом.⁵ Иногда указывается на то, что описываемые события уже совершились.

Каковы «гносеологические» признаки нарратива в трактовке буржуазной философии? В этом отношении утверждается, что нарратив либо является, либо не является видом исторического объяснения.⁶ Нарратив рассматривается как вид исторического описания. Рассматривается, на какие вопросы отвечает нарратив.

Нередко подчеркивается и «аксиологический» аспект нарратива. Подчеркивается, что выбор материала нарратива зависит от субъективных ценностных установок, что об одном и том же «центральном субъекте» можно написать множество несовпадающих нарративов. В последнем случае ярко проявляется релятивизм и субъективный идеализм философии истории.

Можно выделить также «логический» аспект нарратива. Так, например, подчеркивается, что нарратив связан со специфическими типами предложений, что нарратив не допускает автоматического выведения из одних имплицативных высказываний других. В последнем случае речь идет просто о том, что реальные познавательные процессы в исторической науке не всегда помещаются в рамках однозначной формально-логической трактовки. Но философы истории нередко пытаются преодолеть трудности путем усложнения аппарата формальной логики, создают запутанные и непоследовательные формально-логические системы.

Можно также говорить о «социологическом» подходе к проблеме нарратива. В последнем случае уникальность нарратива видят в том, что он описывает не «мертвую материю», а мысли и поступки живых людей.⁷

³ M. White. *Foundations of Historical Knowledge*. New York, 1965.

⁴ M. Mandelbaum. A Note on History as Narrative. — «History and Theory», 1967, vol. 6, No. 3, pp. 414—419.

⁵ W. B. Galle. *Philosophy and Historical Understanding*. London, 1964.

⁶ W. H. Dray. On the Nature and Role of Narrative in Historiography. — «History and Theory», 1971, vo. 10, No. 2.

⁷ Fr. A. Olafson. Narrative History and the Concept of Action. — «History and Theory», 1970, vol. 9, No. 3, pp. 265—289.

Несмотря на то, что философия нарратива имеет некоторые технические достижения, общая же картина остается неудовлетворительной. В чисто методологическом плане имеются два основания для подобной оценки. Во-первых общие методологические предпосылки данных подходов идеалистические.⁸ Во-вторых, философии истории не удалось создать сколько-нибудь логически последовательного и целостного учения о нарративе, в котором были бы соединены указанные аспекты нарратива.

II. Терминология и классификация

Автором настоящей статьи нарратив понимается как специфическая группа предложений. На вопрос о том, каково именно это специфическое множество предложений, мы попытаемся ответить ниже.

С этой целью нами вводятся следующие термины: микро-текст, макротекст, объективный процесс, текст процесса, абстрактный процесс, конкретный процесс, прошлое, будущее, акты поведения людей, мысли людей, условно-категорический силлогизм и т. д. Исходные термины мы не определяем, а объясняем на примерах.

(1) Текст процесса — объективный процесс

Мы считаем эти понятия вполне ясными для марксиста. Объективным процессом является, например, процесс образования русского централизованного государства. Текстом является изложение проблематики образования русского государства в научном исследовании. Нарратив является, на наш взгляд, текстом процесса.

(2) Абстрактный процесс — конкретный процесс

Первым является, например, первоначальное накопление капитала вообще, вторым — история какого-либо экономического района в период этого накопления. В нарративной форме возможно, видимо, описать оба типа процессов.⁹

(3) Элементарный процесс — сложный процесс

Здесь мы понимаем их весьма упрощено. Элементарный процесс — это такой процесс, число составляющих которого сравнительно небольшое. Сложным является процесс, число состав-

⁸ И. А. Желенина. Современный позитивизм и проблема истины в историческом познании. Автореф. канд. дисс. М., 1969.

⁹ Примером применения абстрактного и конкретного подходов и метода восхождения от абстрактного к конкретному, является «Капитал» К. Маркса.

ляющих которого сравнительно большое. Понятия элементарного и сложного процессов диалектически переходящи — то, что на одном уровне точности элементарно, на другом уровне является сложным и т. д. Например, процессы динамики одного производственного коллектива сравнительно просты по сравнению с процессами динамики целой отрасли производства. Более точно определить критерий сложности можно только для отдельных областей знания и групп объектов.

(4) Прошлое — будущее

Все процессы нами условно разделяются на процессы прошлого и процессы будущего. Процессы прошлого — те, которые уже завершены. Процессы будущего — те, которые еще не начались. В целях упрощения нашей схемы мы не учитываем те процессы, начало которых в прошлом и которые продолжают развиваться в настоящем и будущем.

Существует точка зрения, что нарративный текст можно создать только о процессах прошлого. На наш взгляд, такое упрощение понятия нарратива не имеет особого смысла. Мы можем понимать нарратив и как прогноз, т. е. описание процесса будущего. Например, описанием процесса прошлого является рассказ о тридцатилетней войне, описанием же процесса будущего — прогноз экономического развития Уганды на восьмидесятые годы.

(5) Макротекст — микротекст

Данное разделение текстов весьма предварительно и возможно найдутся термины, которые смогут лучше передать смысл, вкладываемый нами в данном случае в понятия микро- и макротекста. Во всяком случае мы готовы заменить эти термины любыми более подходящими, если будут такие предложения.

Собственно говоря, единственной разницей между микро- и макротекстами мы считаем разницу в длине. Микротекст — это текст, состоящий из одного или нескольких предложений. Макротекст — это текст, число предложений которого больше. Более же точное определение понятий указанных видов текстов можно дать только для конкретной области явлений. В чисто технических целях условимся, что микротекст содержит не более пяти предложений. Дополнительные проблемы возникают, конечно, при определении понятия «предложение». К тому же еще надо признать, что предложения сами бывают разные по длине и в принципе можно записать все содержание одной монографии в одном предложении. Но в данной связи мы исходим из «средней» длины предложения в исторических исследованиях.

Уточнение же методики выделения предложений в исторических исследованиях требует дополнительной работы.

(6) Условно-категорический силлогизм — другие логические формы

Часто в исторических научных текстах можно встретить следующие типы предложений:

(а) «Если страны типа А будут продолжать развивать свой военный потенциал, то они не выйдут из экономического кризиса». «Они будут продолжать развивать свой военный потенциал». «Следовательно, они не выйдут из экономического кризиса».

(б) «Крестьянское восстание имело стихийный характер». «Следовательно, оно не могло поставить задачи построения нового общества».

Подобные рассуждения имеют логическую форму условно-категорического силлогизма.

$$\begin{array}{l} \text{Если А, то В} \\ \hline \text{А} \\ \hline \text{Следовательно, В} \end{array}$$

Иногда в тексте научного исследования представлены обе предпосылки и заключение, иногда только вторая предпосылка и заключение. Возможны и другие варианты. Об этом ниже будет сказано подробнее. Здесь важно подчеркнуть следующее — выделение одной логической формы в противовес всем остальным имеет смысл только в определенных рамках. Например, в случае, когда создается что-то типа нашей классификации (2) (см. стр. 92). Мы не отрицаем возможности создания других классификаций и типологий для определения нарратива. Однако нам представляется целесообразным связывать понятие нарратива именно с логической формой условно-категорического силлогизма.¹⁰

(7) Акты поведения людей, мысли людей

Иногда считают, что нарратив можно создать прежде всего или только об актах поведения людей. Коллингвуд, например, понимает историю как воссоздание (re-enactment) человеческого опыта прошлого. Следует признать, что трактуя предмет нарратива таким образом, невозможно дать описание электромаг-

¹⁰ Подчеркиваем, что здесь речь не идет о нарративе как об объяснении, а о нарративе как о выводе. Объяснение, конечно, тоже имеет логическую форму (см. С. Непреѣ. *Aspects of Scientific Explanation*. N. Y., 1965); Е. П. Никитин. *Объяснение — функция науки*. М., 1970.

нитных волн, национального дохода или геологического развития Земли в форме нарратива. Но тогда предметом нарратива могут быть восстания, государственные перевороты, заседания экономических советов, идеи великих ученых и т. д. Мы считаем, что понятие нарратива в рамках марксистской теории не может быть сужено до такой степени, и, следовательно, предпочитаем более широкое определение нарратива.

(8) Начало и конец процесса

Эти понятия исключительно легко постигаются интуитивно. Надо лишь прибавить, что по мнению некоторых исследователей (Гэлли) своеобразная черта процессов — объектов нарратива заключается в том, что их конец невозможно предвидеть. Так, например, мы не можем логически дедуцировать конец художественного романа, прочитав только первую четверть его.

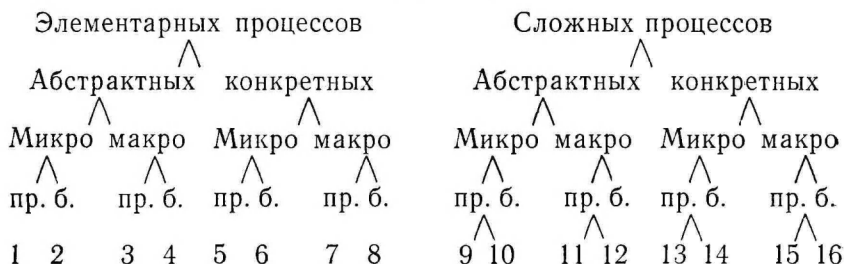
III. Некоторые возможные комбинации

Сделаем попытку посредством введенных терминов создать некоторые возможные комбинации и классификации определения нарратива.

Путем комбинирования таких терминов как «элементарные процессы», «абстрактные процессы», «процессы прошлого» и т. д. определим основные типы текста процессов.¹¹

Классификация 1.

Текст

Как же обстоит дело с интерпретациями шестнадцати возможных вариантов описания? Вариант (1) означает, например, микротекст абстрактного элементарного процесса прошлого, вариант (6) — микротекст элементарного конкретного процесса будущего (т. е. прогноз). Мы не будем здесь иллюстрировать все разделы классификации примерами. Достаточно сказать, что такие про-

¹¹ Сокращение «пр.» означает процессы прошлого и сокращение «б.» — процессы будущего.

цессы, как возникновение орудий труда, дифференциация государственных учреждений, динамика классовой структуры общества, поведение конкретных исторических деятелей (как, например, Тиберий, Наполеон, Петр I), ход конкретного боя и судьба произведений искусства — все может быть описано в рамках того или иного раздела данной классификации. Это возможно лишь при условии, если на конкретном материале заранее договориться о критериях сложности, макроуровня и т. д.¹²

На наш взгляд, в случае нескольких вариантов, могут возникнуть некоторые сомнения относительно целесообразности их выделения.

При вариантах 3, 4, 7, 8 возникает проблема, можно ли описать элементарные процессы с помощью макротекста? Учитывая диалектическую сущность элементарного процесса, вряд ли целесообразно отрицать возможность такого описания. Очевидно, что при таком описании речь должна идти о некотором обобщении или сужении содержания описываемого процесса.

При вариантах 4, 8, 12, 16 можно ставить вопрос о том, возможны ли только микротексты процессов будущего, или являются возможными их тексты и в макроформе? Описание процессов будущего в макроформе означало бы более детальный прогноз, чем их описание в микроформе.

Оставим пока в стороне подобные возможные трудности и пойдем дальше по пути выявления специфики нашей классификации.

Возьмем из шестнадцати возможных вариантов пятый (микротекст элементарных конкретных процессов прошлого) и допустим, что этот микротекст или имеет структуру условно-категорического силлогизма, или же не имеет такой структуры (все остальные варианты).

Далее, если микротекст имеет структуру силлогизма, то в тексте могут быть различные варианты — могут быть эксплицитно сформулированы все посылки и заключение, или же сформулированы только две посылки, либо только вторая посылка и заключение и т. д. Изобразим некоторые, интересующие нас варианты в виде следующей схемы:

Классификация 2.

Микротекст элементарных конкретных процессов прошлого.

экс-
плицитно или имплицитно
имеет логическую форму

^

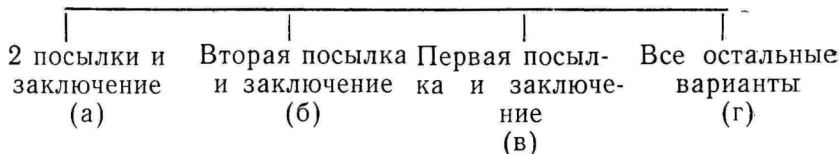
остальные варианты логической
структуры микротекста элемен-

¹² При различных определениях сложности макроуровня и т. д. одни и те же явления могут попасть в различные разделы классификации, ибо в диалектическом мышлении понятия являются гибкими, взаимопереходящими. «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 99).

условно-категорического
силлогизма

тарных конкретных процессов
прошлого

В тексте представлены
эксплицитно

Остановимся подробно лишь на интерпретации варианта (б). Он может быть выражен в виде следующих предложений: «Петр I начал войну», «Петр I имеет возможность одержать победу или потерпеть поражение». Это лишь один возможный пример такой группы предложений, где эксплицитно представлены вторая посылка и заключение.

Наконец, попытаемся дать, на основе заранее введенных терминов, варианту (б) второй классификации еще более содержательную трактовку. Допустим, что речь идет не просто о двух предложениях, имеющих определенную логическую форму и описывающих конкретные элементарные процессы прошлого, но о предложениях, которые описывают также акты поведения людей, которые следуют друг за другом во времени.

Классификация 3.

Микротекст элементарного конкретного процесса прошлого, которое имеет имплицитно форму условно-категорического силлогизма и эксплицитно содержит вторую посылку и заключение.

Описывает события, которые
следуют друг за другом во вре-
мени

Событиями являются акты по-
ведения людей

(д)

(е)

Приведем примеры того, какое содержание может иметь вариант (д) третьей классификации:

1) Наполеон дал армии приказ форсировать Неман.

2) Армия пыталась исполнить приказ Наполеона.

Или другой пример:

1) Капиталист X применял новую технику в условиях У.

2) Капиталист X получил дополнительную прибыль.

Первый пример предполагает истинность посылки: «Если Наполеон дал армии приказ форсировать Неман, то армия пыталась исполнить приказ Наполеона». Второй же пример — по-

сылки: «Если капиталист X применяет новую технику в условиях У, то он получает дополнительную прибыль».

Данные примеры даны в нестройной форме. Не учтено, при каких условиях сохраняется истинность первых посылок, ибо нам здесь важно только передать примеры рассуждения.

Если текст экономико-исторического исследования эксплицитно содержит предложения 1-го и 2-го типа и имплицитно предложение типа «если X, то У», тогда можно сказать, что мы имеем дело с типичным микротекстом типа (д).

IV. Выводы из комбинаций

Дав такую рабочую классификацию вариантов текста, нам остается лишь ответить на вопрос о том, какие же могут быть определения нарратива в свете этой классификации.

С другой стороны, ясно, что неверно было бы расширять понятие нарратива до такой степени, что этот термин потерял бы всякое разумное содержание.

Мы предлагаем употреблять понятие «нарратив» в следующих трех смыслах:

Во-первых, нарратив как текст, отражающий любые процессы. При таком подходе нарративом являются и описания развития биологических видов, солнечной системы, психики ребенка и т. д.

Во-вторых, нарратив как текст элементарных и сложных конкретных процессов прошлого. При таком подходе нарративом являются тексты о развитии государств прошлого, войн, восстаний и т. д. В нарративной форме можно тогда описать и конкретные процессы прошлого, происходящие в природе.

В-третьих, нарратив как микротекст таких элементарных процессов прошлого, где составляющими являются акты поведения людей, следующие друг за другом во времени. Микротекст должен имплицитно иметь форму условно-категорического силлогизма и эксплицитно содержать только вторую посылку и заключение. При таком подходе нарративом являются только отдельные места в научных текстах (о вненаучных нарративах мы здесь вообще не говорим).¹³

Нам кажется, что после вышеприведенного определения можно и следует приступить к анализу конкретных текстов исторической науки. Необходимо на конкретных примерах выявить роль нарративного способа изложения в исторической науке. Но это уже тема следующей статьи.

Поступила в редакцию
в октябре 1975 г.

¹³ Важно подчеркнуть, что у нас речь идет просто о возможности определения понятия нарратива и последнее не имеет ничего общего с попытками гипертрофировать уникальность истории, трактуя ее как нарратив о человеческих деяниях.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ ОТРАЖЕНИЯ ВРЕМЕНИ

А. М. Аарелайд

Одной из главных задач марксистской философии в настоящее время является систематизация и анализ с методологической и идеологической точек зрения результатов исследований конкретных наук¹ и создание основы комплексного подхода к проблемам детерминации сознания.

До сих пор нет специальной науки, которая бы занималась изучением всех сторон социально-исторической детерминации сознания. Методологические основы целостного подхода к детерминации сознания разрабатываются в рамках научной философии².

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы комплексного изучения синтетической обусловленности одного из центральных аспектов человеческой деятельности — отражения времени. Хотя вопросами детерминации отражения времени занимаются сейчас представители самых различных областей науки, с философско-методологической стороны данная проблема пока мало разработана.

Наша статья не претендует на целостный анализ данной проблемы. Она носит скорее программный характер. В рамках этой статьи излагается лишь схема основной проблематики комплексного изучения детерминации отражения времени, которая, в свою очередь, требует дальнейшего подробного анализа.

* * *

Отражение, осознание человеком времени есть нечто иное, как **отражение в нашем сознании независимо от нас существующего времени**, объективной реальности, а также временных

¹ В. Б. Власова. Социальная природа познания. — «Вопросы философии», 1974, № 9.

² Я. К. Ребане. К. Маркс и Ф. Энгельс о социальной сущности познания. — Уч. записки ТГУ, вып. 241, Тарту, 1969, стр. 3.

параметров самой практической и познавательной деятельности. Длительность существования как и последовательность существования — это свойства объективного мира, которые выражают его временность³. Длительность и последовательность, имеющие всеобщий характер, оказываются одновременно и фундаментальными параметрами всей человеческой деятельности. Осознание, отражение времени надо рассматривать как синтетический и сквозной аспект сознательной деятельности, который дает человеку возможность практически и теоретически ориентироваться в объективной действительности и ее временных параметрах.

Такая характеристика отражения времени является, конечно, крайне широкой. Но дело в том, что осознание времени надо трактовать именно в широком плане, как охватывающее различные функциональные уровни упорядоченности отражения времени. В домарксистской историко-философской мысли восприятие времени истолковывалось в весьма узком плане, как процесс формирования идей, представлений о времени. Правда, первостепенной особенностью человеческого отражения времени является именно способность человека к сознательному суждению о времени. Но последняя осуществляется лишь в качестве многослойного комплекса характерных человеческих действий и существования временных отношений. Основными среди последних являются временная упорядоченность трудовой деятельности и всей социальной жизни, временная упорядоченность сенсорно-перцептивной деятельности, памяти и других психических процессов, временные параметры нейрологических, гуморальных и других физиологических внутриорганизменных процессов. Восприятие времени реализуется как детерминированный различного порядка факторами (социальным, психическим, физиологическим и т. д.) синтетический и координированный аспект сознательной деятельности.⁴

Изучение осознания времени фактически оказывается изучением его социальной обусловленности, поскольку вне и независимо от социальной деятельности оно не осуществляется. Однако такая «всеохватывающая» постановка вопроса требует подробных уточнений. В первую очередь надо конкретнее определить саму проблему исследования социальной детерминации человеческой деятельности и сознания.

³ Я. Ф. Аскин. Проблема времени. М., 1966, стр. 118.

⁴ Поскольку мы в определении ограничиваем себя лишь феноменами, связанными с сознательной деятельностью, то очевидно, что отражение человеком времени шире, чем познание времени. Формами отражения времени являются, например, темп и ритм функционирования клеток, суточная ритмика организма, темп индивидуального развития организма, непрерывность психологической самоидентификации и т. д. Очевидно, что с сознательным суждением о времени связана лишь часть из всех возможных форм его отражения человеком.

Проблема социальной обусловленности в самом общем виде рассматривается с двух точек зрения. Во-первых, центральное значение имеет вопрос о **соотношении** социальной детерминации и **биологической** обусловленности, и во-вторых, изучение факторов порядка социальной обусловленности **в плане конкретно-историческом**.

Рассмотрим применимость этих двух аспектов в области изучения восприятия времени.

Как известно, социально детерминированными считаются такие стороны человеческой деятельности, **механизм передачи** которых действует **помимо наследственности**.⁵ В качестве социального опыта надо рассматривать такие компоненты отражения времени, как связанные с ним конкретные знания и представления, передача которых осуществляется через сферы материальной культуры, социальных отношений и языка. С другой стороны, мы знаем, что человеческое осознание времени тесно связано и с такими, по содержанию биологическими факторами, как естественное старение организма, отражение в организме суточных повторений и метеорологических периодичностей, а также биоритмы мозга, биение сердца и т. д. Первоочередная задача изучения отражения времени в названном аспекте состоит в том, чтобы конкретно определить как социальные, так и биологические факторы его обусловленности, показать характер их взаимодействия и передачи.

Самостоятельных эмпирических исследований и интересных теорий об особенностях восприятия времени⁶, о времени реакции как типе отражения человеком времени,⁷ о воздействии на человеческий организм астрономических периодичностей⁸ и т. д., опубликованных в психологической, биологической, физиологической литературе, немало. Основная задача философов-методологов состоит теперь в сосредоточении материала конкретных наук и в разработке его с точки зрения обобщающей гносеологической теории об отражении времени и его детерминации.

Второй круг вопросов затрагивает проблемы **неоднородного проявления** познания времени **в разных конкретно-исторических**

⁵ Я. К. Ребане. О биологических предпосылках «социальной памяти». — Уч. записки ТГУ, вып. 273, Тарту, 1971, стр. 32.

⁶ См. Л. Н. Веккер. Психические процессы. Л., 1974; Г. В. Вудроу. Восприятие времени. — Экспериментальная психология. Сост. С. Стивенс. М., 1963; Д. Г. Элькин. Восприятие времени. М., 1962; Сб. Восприятие пространства и времени. Л., 1969 и т. д.

⁷ Н. А. Бернштейн. Построение движений и физиология активности. М., 1964; Е. П. Кринчики, П. Д. Медникаров. О механизмах влияния вероятности сигнала на время реакции человека. — «Вопросы психологии», 1970, № 6; А. Бойко. Время реакции. М., 1964; М. А. Цискаридзе и В. А. Иванников. Субъективная вероятность и время реакции. — «Вопросы психологии», 1973, № 2.

⁸ «Биологические часы». М., 1964; «Биологические ритмы». Горький, 1970; Н. А. Агаджанян. Ритмы жизни и здоровье. М., 1975.

условиях. Как известно, факт конкретно-исторического характера всей познавательной деятельности в марксистской философии общеприемлем. «В преобразованной человеком природе и созданном человеком обществе выделяются разные детерминирующие факторы, которые сами по-разному изменяются в зависимости от изменения общественно-экономических условий и оказывают дифференцированное влияние на формирование и изменение человеческого миропонимания».⁹ Что касается изучения отражения времени, то в названном аспекте нас интересуют два вопроса:

во-первых, выяснение общих черт развития отражения времени в течение истории человеческого общества. Особого внимания заслуживают здесь проблемы характеристики разных ступеней и их преемственности в процессе исторического развития познания времени;

во-вторых, нахождение тех факторов, которые определяют культурно-исторический своеобразный склад конкретных представлений о времени.

Вопрос о культурно-исторической неоднородности представлений о времени в советской литературе пока мало разработан, хотя немногочисленные опубликованные на эту тему работы представляют известный интерес. Среди них следует обратить внимание на исследования Э. А. Елизарьева,¹⁰ А. Я. Гуревича,¹¹ В. В. Иванова¹², А. Спиркина¹³, В. П. Гайденко¹⁴ и П. П. Гайденко¹⁵, Г. Е. Зборовского¹⁶ и т. д., в которых анализируется роль социальных факторов, оказывающих воздействие на процессы исторического изменения и развития конкретных представлений о времени.

Исследование детерминации отражения времени на современном уровне теории познания требует **комплексного, междисциплинарного подхода.** С одной стороны, необходимо исходить как из развитой европейской, так и из восточной философской мысли на

⁹ Е. В. Шорохова. Принципы детерминизма в психологии. — В сб.: Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, стр. 52—53.

¹⁰ Э. А. Елизарьев. Время общества. Новосибирск, 1969.

¹¹ А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972; Он же: Что такое время? — «Вопросы литературы», 1968, № III.

¹² В. В. Иванов. Категория времени в искусстве и культуре XX века. — В сб.: Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1973.

¹³ А. Спиркин. Происхождение сознания. М., 1960.

¹⁴ В. П. Гайденко. Тема судьбы и представление времени в древнегреческом мировоззрении. — «Вопросы философии», 1960, № 9.

¹⁵ П. П. Гайденко. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века. — В сб.: Философские проблемы исторической науки. М., 1969.

¹⁶ Г. Е. Зборовский. Пространство и время как формы социального бытия. Свердловск, 1971.

протяжении двух с половиной тысячелетий, с другой стороны, — оперировать теоретическими выводами и эмпирическими данными целого ряда современных наук¹⁷. Ленин, говоря о дальнейшем развитии теории познания и диалектики¹⁸, имел в виду именно такого типа междисциплинарное изучение конкретных проблем.

В настоящей статье мы не затрагиваем весь комплекс изучения социальной, культурно-исторической обусловленности восприятия и понимания времени, а рассматриваем лишь проблему комплексного подхода к соотношению социальной и биологической детерминации отражения времени.

*
*
*

Очень благодарный материал для исследования соотношения биологической и социальной обусловленности отражения времени дает нам комплекс биологических наук.

В современной биологии одной из интересных проблем является проблема существования и эволюции биологических систем в качестве различных форм (индивидуальное время, эволюционное время, время популяции и т. д.) временной упорядоченности.¹⁹ Специфику проявления форм временной упорядоченности связывают в основном с уровнем структурной организации конкретных живых систем.²⁰ В связи с этим подчеркивается потребность применения различных шкал измерения биологического времени.²¹

¹⁷ Приведем некоторые, необходимые для исследования комплексной обусловленности сознания времени, области исследования: история, этнология, фольклористика, история языка и часть лингвистики, занимающаяся проблемами значения слов, семиотика, эволюционная теория в биологии, физиология высшей нервной деятельности, различные области физики, социальная и детская психология, психопатология, история науки и т. д.

¹⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 314.

¹⁹ Правда, до последнего времени в литературе фактически отсутствует последовательное и специальное изложение проблемы биологического времени. Но этой проблемой косвенно занимаются многие ученые, особенно эволюционисты. Следует добавить, что самый глубокий и серьезный анализ проблемы биологического времени в ранний период его изучения принадлежит В. И. Вернадскому. — В. И. Вернадский. Проблемы времени в современной науке. «Известия АН СССР», Отделение математических и естественных наук, 1962, № 4.

²⁰ См. В. А. Абакумов. О специфике пространственно-временной организации биосистем. — В сб.: Развитие концепции структурных уровней в биологии. М., 1972; И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. Становление и сущность системного подхода. М., 1973, стр. 141; Дж. Б. С. Холдейн. Время в биологии. — «Мир науки», 1965, № 4; И. А. Сафронов. Зависимость временных отношений от форм взаимодействия материальных систем. — «Философские науки», 1973, № 4; R. Fischer. Biological Time. — In: The Voices of Time, ed. by J. T. Frazer, N. Y., 1966.

²¹ См. Дж. Б. С. Холдейн, указ. соч., стр. 4; H. Kalmus. Biological Time Scales. — In: Time in Science and Philosophy. Ed. by J. Zeman, Prague, 1971.

С актуализацией проблем о специфическом времени биосистем и о системе времени в рамках биологии данная идея в качестве эвристического принципа переносится в сферу изучения функционирования социальных систем и социального познания. Например, разномасштабность измерения времени позволяет биологам строить эффективные сопоставления различных эволюционных процессов с точки зрения темпа их реализации. Эта проблема важна и в социально-историческом познании, в частности, при сопоставлении особенностей развития различных цивилизаций или типов культуры (например, различие внутренних времен в европейской и восточных цивилизациях).²²

В центре внимания многих биологов стоит вопрос о «биологических часах». Под этим названием объединяются исследования, посвященные способности организмов измерять время, обладая метеорологическими, суточными, сезонными и годовыми ритмами жизненных процессов. Временные проявления охватывают самые разнообразные стороны жизнедеятельности организмов: ритмическое чередование периодов активности и пассивности, ритмичность увеличения и снижения количества гормонов в организме, распределение во времени ритмов дыхания, деления клеток и т. д.²³ Поскольку человеческое осознание временных отношений определяется не только посредством социального опыта, но и через внутриорганизменную ритмичность, значение такого исследования свойственных человеку биологических ритмов и их особенностей, с точки зрения изучения обусловленности отражения времени, неоспоримо²⁴. Со стороны изучения механизма социальной обусловленности понимания времени интересно, в какой мере также биологические ритмы подчиняются осознанному контролю. Интересно также, может ли человек в процессе трудовой деятельности приспосабливаться к такой внешней ему временной упорядоченности, которая не совпадает с внутренним временем человеческого организма.

Из изучения временной организованности биосистем известно, что одни и те же временные параметры отдельных элементов (например, клетки, частей организма), подчиняясь законам различных структурных уровней функционирования, могут иметь разную временную структуру²⁵. Анализ названной специфики позволяет увидеть под новым углом зрения и ряд проблем вре-

²² И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин, указ. соч., стр. 140.

²³ См. Биологические часы. М., 1964; Биологические ритмы. Горький, 1970; Физиологические часы. М., 1961.

²⁴ См., например, А. Эмме. Часы живой природы. М., 1962, стр. 76.

²⁵ В. В. Леонович. Процесс «органического» развития с точки зрения специфики временной структуры. — Уч. записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия, вып. XIV, ЛГУ, 1973, стр. 67. См. так же: *Lecomte du Noüy. Biological Time. London, 1936, p. 160; А. Эмме, указ. соч., стр. 69.*

менной организации социальной деятельности и человеческого отражения времени. Большую эвристическую значимость имеют, например, попытки объяснить природу интерорецепции в человеческом времени в качестве не только рефлекторных связей, но и формирующихся лишь в условиях социальной деятельности функциональных органов²⁶. Также сюда относится проблема эффекта ускорения темпов развития социальной жизни на базе относительно постоянной биологической организации человека,²⁷ вопрос о человеческих способностях приспособляться к непривычным временным структурам²⁸.

Проблема понимания и восприятия времени привлекает к себе внимание многих исследователей в области психологии и. Особенно большой интерес к этим проблемам наблюдается в последнее время, что объясняется успехами техники и автоматизации, требующими от человека умения тонкой дифференциации временных отношений, умения в них точно ориентироваться.²⁹ Многочисленные психологические опыты показывают, что огромную роль в процессе образования постоянных временных связей (условных рефлексов, ассоциаций и т. д.) играет регулярная тренировка,³⁰ в результате которой можно приспособить человека ко многим необычным и неестественным ему ритмам и темпам.³¹

Немало исследований посвящено сущности формирования и сохранения в жизненном опыте индивидуума представления о времени и оценок временных интервалов. Так, работы в области детской психологии показывают, что развитие сознательного чувства времени у детей происходит на более поздней и более сложной стадии, чем развитие пространственного чувства.³² Следует указать также на тот факт, что сознательное суждение о времени утрачивается раньше суждений о пространстве как

²⁶ А. Леонтьев. Пути развития психики. М., 1972; Б. Ф. Сергеев. Эволюция ассоциативных временных связей. Л., 1967.

²⁷ В. Ф. Сержантов. Философские проблемы биологии человека. Л., 1974; Дж. Харрисон, Дж. Уайнер, Дж. Танер, Н. Барникотт. Биология человека. М., 1968.

²⁸ А. А. Леонов, В. И. Лебедев. Восприятие пространства и времени в космосе. М., 1968.

²⁹ См. об этом: Восприятие пространства и времени. Л., 1969; Проблемы восприятия пространства и времени. Л., 1961; Е. И. Бойко. Время реакции человека. М., 1964; Р. Д. Горбов, В. И. Лебедев. Человек в технических системах. — «Вопросы философии», 1973, № 6; Материалы симпозиума «Биологические ритмы и вопрос разработки режимов труда и отдыха». М., 1967 и т. д.

³⁰ Д. Г. Элькин. Восприятие времени. М., 1962, стр. 251.

³¹ См., например, Б. А. Душков, Ф. П. Космолинский. Оценка времени в условиях камерных экспериментов. — «Вопросы психологии», 1968, № 6.

³² J. Piaget. Le développement de la notion du temps chez l'enfant. Paris, 1946; Д. Г. Элькин, указ. соч., стр. 277—297.

при проявлении разных форм психопатологии³³, так и в условиях долговременной изоляции.³⁴ Прибавим еще данные по геронтологии, согласно которым общее и универсальное замедление временной реакции в старости³⁵ не сопровождается уменьшением точности оценки временных интервалов.³⁶ Из названных обстоятельств можно вывести очень важное, с точки зрения изучения социальной обусловленности отражения времени, предположение о том, что представление и сознательное суждение о временных отношениях возникают и сохраняются у отдельного человека лишь в условиях его активного участия в социальных отношениях и в результате длительной и последовательной тренировки.

Такое утверждение, конечно, не является для психологов какой-нибудь новостью,³⁷ хотя научно обусловленная комплексная и систематическая разработка данного вопроса на базе экспериментального материала в психологии до сих пор отсутствует. Это, в первую очередь, объясняется недостаточной изученностью сущности временных отношений на различных ступенях их функционирования (например, физиологической, неврологической, чувственной, концептуальной, личностной и т. д. ступенях) в рамках индивидуального организма.³⁸

Труды по фольклористике, и особенно исследования типа мышления предысторического общества показывают, что представление о времени в исторически ранних периодах человеческого общества существенно отличается от современного понимания свойств времени. В рамках предысторического общества на процесс формирования представления о времени оказывали влияние узкие границы социальной деятельности. Согласно теоретическим работам, посвященным гипотетической реконструкции примитивной картины мира и понимания време-

³³ Д. Г. Элькин, указ. соч., стр. 243.

³⁴ В. Т. Лебедева. К вопросу об оценке заданных временных интервалов в условиях значительных многосуточных сенсорных ограничений. — «Тезисы докладов на II съезде общества психологов», Вып. 3. М., 1963.

³⁵ J. E. Birge. The psychology of aging. N. Y., 1964.

³⁶ М. Д. Александрова. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л., 1974, стр. 78—81.

³⁷ Назовем только некоторые опубликованные на эту тему самостоятельные работы: M. Halbwachs. La Memoire Collective. Paris, 1950; P. Janet. L'évolution de la Memoire et de la Notion du Temps, P., 1928; G. Poulet. Etudes sur la temps humains. Plon, 1949; P. Fraisse. Psychologie du temps. P., 1957.

³⁸ Имеются только некоторые попытки в этом направлении; J. Cohen. Time in Psychology. — In: Time in Science and Philosophy, Ed. by J. Zeman, Prague, 1971; R. Fischer. A Biocybernetic and psychopharmacological approach. — In: Time in Science and Philosophy Ed. by J. Zeman, Prague, 1971; Дж. Уитроу. Естественная теория времени. М., 1964.

ни³⁹, можно зафиксировать также черты последнего как устойчивое циклическое повторение событий и отсутствие перспективы исторически прогрессивного развития. Характерным для данного типа понимания является вещественность, т. е. не абстрагированное и универсальное представление о временных отношениях, а зависимость последних от свойств конкретных вещей и отдельных действий.

* *
*

Комплексное изучение отражения времени, в рамках которого анализируется взаимосвязь и конкретный характер разного рода детерминирующих факторов, лишь только начинается⁴⁰. Результаты отдельных наук с точки зрения гносеологической систематизации пока мало разработаны. Но на основе известных нам исследований можно излагать предположение о двойной — биологической и социальной детерминации отражения человеком времени.

Определяющий отражение времени комплекс **биологических факторов** является результатом филогенетического развития вида *Homo sapiens*. Основными компонентами данного комплекса, по нашему мнению, оказываются: во-первых, такие периодичности функционирования организма, которые приобретены в процессе приспособления вида к временным регулярностям астрономического порядка своей жизненной среды — Земли (в биологической литературе последние называются биологическими часами). Во-вторых, средняя продолжительность жизни и связанные с последней особенности восприятия времени на отдельных фазах развития индивида; в-третьих, характерное для вида формирование условных рефлексов, ассоциаций и других временных связей в нейро-физиологической деятельности, которое приобретено в процессе развития вида; в-четвертых, разные гуморальные и другие физиологические периодичности (биение сердца, циклы пищеварения, ритм повторения регул и т. д.), характерные для данного вида. В плане онтогенеза индивидуальной жизнедеятельности эти факторы рассматриваются в качестве наследственных⁴¹.

Социальные факторы детерминации отражения времени рассматриваются в качестве результатов социально-исторического развития человечества. Поскольку временных параметров соци-

³⁹ А. Спиркин. Происхождение сознания; А.М. Жаров. Философский и социально-психологический аспект восприятия времени. — Уч. записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда, ЛГУ, 1975;

⁴⁰ См. Дж. Уитроу. Естественная теория времени. М., 1964, стр. 18.

⁴¹ Мы дали здесь лишь первоначальную классификацию биологических детерминант осознания времени. Обоснованная разработка такой классификации является уже делом биологов.

альной жизни много, обращаем внимание лишь на следующие основные группы: ⁴² во-первых, временные характеристики производственной деятельности (ритм, темп, чередование трудовых процессов, пропорция рабочего времени и досуга и т. д.); во-вторых, временные характеристики социально-политической жизни (различные по временным параметрам типы поведения различных социальных групп, идеологические оценки времени и т. д.); в-третьих, временные характеристики обыденной жизни (ежедневно повторяемые действия как меры времени, жизненный темп различных возрастных групп и т. д.); в-четвертых, характерные для различных форм общественного сознания специфические представления о времени (так называемое мифологическое понимание времени, художественная интерпретация времени, научное понимание времени и т. д.). В отличие от комплекса биологических факторов названные социальные факторы передаются от индивида к индивиду помимо наследственности. Социальные компоненты детерминации отражения времени являются исторически накопленными и передаваемыми через механизмы социальных отношений, языки и материальную культуру ⁴³.

Сложным и пока неразрешимым оказывается вопрос о взаимосвязи биологического и социального в человеческом отражении времени. Ясно лишь то, что оба типа факторов надо рассматривать в качестве предполагающих друг друга диалектических противоположностей. Конкретная реализация взаимосвязи биологических и социальных факторов далеко не однозначна. Дальнейшая задача состоит именно в подробном изучении и типологии этой взаимосвязи. Такие исследования имеют не только теоретическую, но и большую практическую значимость. Точнее, изучение взаимосвязи биологических и социальных факторов является необходимым аспектом в широко распространенных исследованиях типа «человек-машина» ⁴⁴, «человек-космос» ⁴⁵ и т. д.

Изучение восприятия времени имеет длительную историко-философскую традицию. Одним из трудно решаемых гносеологических вопросов оказалась проблема объективности отражения времени. Как известно, субъективное чувство времени

⁴² Такая классификация весьма приблизительна.

⁴³ В данном определении опираемся на концепции «социальной памяти» Я. К. Ребане. — См. Я. К. Ребане. О биологических предпосылках «социальной памяти». Его же. О социальной сущности познания. Дисс. докт. М., 1974.

⁴⁴ М. А. Цискаридзе, В. А. Иванников. Субъективная вероятность и время реакции. — «Вопросы психологии», 1973, № 2; Б. Ф. Ломов. Человек и техника. М., 1966.

⁴⁵ См. И. П. Дружинин, Б. И. Сазонов, В. Н. Ягодинский. Космос-Земля. Прогнозы. М., 1974; Биологические ритмы. Горький, 1970; А. А. Леонов, В. И. Лебедев. Восприятие пространства и времени в космосе. М., 1974.

не всегда в точности соответствует реальному времени, которое мы измеряем при помощи часов и которое связано с порядком смены состояний реальных объектов и явлений; при некоторых состояниях нашей нервной системы и организма возникает значительное расхождение между этими двумя временами. Относительная самостоятельность субъективного времени явилась в истории философии причиной его абсолютизации и отрицания некоторыми философами любого реального времени. Такой взгляд в оформленном виде присутствует уже у Августина.⁴⁶ Также отрицает существование реального времени И. Кант, трактуя осознание времени лишь в качестве формы чувственного созерцания. Тенденция абсолютизации субъективного времени присуща и многим современным идеалистическим учениям.⁴⁷

Комплексное междисциплинарное изучение отражения времени откроет новые возможности для доказательства объективного содержания сознания времени. Данные биологии, психологии, физиологии и других наук убедительно показывают, что субъективное, перцептуальное время не есть нечто первичное — оно связано с протеканием реальных процессов и, следовательно, с реальным объективным временем. Наше восприятие времени, несомненно, является отражением реального времени, хотя для него характерен ряд особенностей. Механизм этого субъективного отражения пока еще недостаточно ясен. Подробный анализ сущности различного порядка детерминант отражения времени и их соотношения имеет с этой точки зрения большую практическую, теоретическую и идеологическую значимость.

Поступила в редакцию
в феврале 1975 г.

⁴⁶ Августин. Исповедь, книга XI. — В кн.: Творения блаженного Августина, ч. I. Киев, 1901.

⁴⁷ Назовем лишь общественные учения М. Хайдеггера, А. Маритэна и др.

ПРИРОДА ИНТЕРЕСОВ

А. Н. Горин

Интерес относится к числу важнейших категорий исторического материализма, имеющих методологическое значение для правильного понимания детерминации человеческой деятельности. Философское осмысление природы интересов имеет не только теоретическую ценность, но и большое практическое значение. Решение таких проблем как повышение социальной активности людей в строительстве коммунизма, их материальной и моральной заинтересованности в труде во многом зависит от правильного понимания людьми своих интересов.

Понятие «интереса» употребляется не только в историческом материализме, но и в психологии, политэкономии, юридических и других науках. Это свидетельствует об общепризнанном характере интереса.

В последние годы вышел ряд работ, посвященных различным проблемам общественной жизни советского народа, в которых по-разному показывается природа интересов.¹

В предлагаемой статье делается попытка на основе марксистско-ленинской методологии, с учетом имеющихся исследований, во-первых, высказать свои соображения на природу интересов с точки зрения субъектно-объектного отношения, во-вторых, показать взаимосвязь и специфику интереса и потребности.

Природа интересов может быть правильно понята, если за исходный фактор будут взяты общественные отношения, общество, как «продукт взаимодействия людей»², а не сознание отдельного субъекта.

¹ См.: Г. М. Гак. Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме. — «Вопросы философии», 1955, № 4; его же. «Учение об общественном сознании в свете теории познания». М., Изд-во ВПИИ и АОН при ЦК КПСС, 1960; Г. Е. Глезерман. Экономические отношения и интересы при социализме. — «Коммунист», 1964, № 12; его же; Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1967; А. Г. Здравомыслов. Проблема интересов в социологической теории. Изд-во ЛГУ, 1964; М. В. Демин. К вопросу о природе интереса. — «Философские науки», 1972, № 3 и др.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 402.

Интерес — есть единство объективных отношений человека к природной и социальной среде и их отражение в сознании. Он возникает на основе объективной потребности и представляет собой одну из главных побудительных сил социального действия.

Интерес обусловлен объективно, но его носителем является субъект (или социальная группа), в сознании которого он выполняет роль побудительной силы к деятельности. Он представляет собой такое явление, которое относится и к объективной и к субъективной сторонам. Объективная сторона интереса — это отношение человека, его социальное положение, потребности. Субъективная сторона — есть отражение объективного, результат осознания положения субъекта и своих объективных потребностей.

Философы рассматривают интерес как «единство объективного и субъективного в субъекте». Впервые такое мнение высказал А. Г. Здравомыслов.³

В целом мы поддерживаем такой подход. Однако нам представляется, что интерес нельзя свести только к тому, что находится «в субъекте». Интерес выражает собой единство объективного и субъективного не только в субъекте, а в процессе диалектического взаимного перехода объективного и субъективного. Если интерес свести к единству объективного и субъективного в субъекте, то, следовательно, он не может существовать вне сознания субъекта.

Психологи характеризуют интерес как состояние сознания, как психическую направленность внимания человека, его мыслей и помыслов на определенный предмет. Причем в психологии одни сводят интерес к осознанным потребностям, другие — к направленности внимания, третьи — к познавательному отношению личности⁴. Нам представляется, что каждая из этих точек зрения фиксирует в интересе какую-то одну сторону психического состояния индивида, в действительности же интерес охватывает и разум, и чувство, и деятельную сторону человека.

Некоторые авторы⁵ утверждают, что в марксистском понимании интерес не может, якобы, обозначать психические явления. Поэтому критикуют тех исследователей, которые видят в интересе идеальные побудительные силы. Такое положение расценивается ими как отступление от марксистского понимания интереса. Нам думается, такое утверждение ошибочно. И вот почему. Психика человека — является продуктом его трудовой

³ «Вестник ЛГУ, 1959, № 17, вып. 3, стр. 163; см. также: Вишневский С. С. Интересы и управление общественными процессами. — В сб.: Научное управление обществом. М., «Мысль», стр. 178 и др.

⁴ См. А. Г. Ковалев. Психология личности. М., 1970, стр. 140.

⁵ См., например, «Вопросы философии», 1965, № 11, стр. 1163—1167.

и общественной деятельности. Она является отражением общественного бытия, общественных отношений, внутренним результатом социальных отношений. Как правильно отмечает Б. П. Парыгин, социология должна всегда считаться с влиянием психического фактора на ход исторического развития, все важнейшие социологические проблемы должны рассматриваться с социально-психологической точки зрения, так как любое общественное явление имеет свой психологический аспект.⁶ Необоснованность отрыва психических явлений от социальных и противопоставление их друг другу очевидна из того, что Маркс, Энгельс, Ленин в своих исследованиях всегда учитывали психические явления и использовали их при рассмотрении экономических и других проблем.⁷ В частности, В. И. Ленин отмечал, что психология «дает положения, заставляющие отказаться от субъективизма и принять материализм», что вывод материализма о зависимости хода идей от хода вещей «единственно совместим с научной психологией».⁸

Экономисты, напротив, объявляют интерес чисто объективной категорией, связанной непосредственно с проявлением производственных отношений.⁹ При этом имеется в виду интерес материальный. Например, Т. А. Кулиев пишет: «Материальный интерес объективен не только по форме своего проявления в сознании людей, но и прежде всего по своему содержанию».¹⁰ Такое утверждение наталкивается на существенное возражение. Дело в том, что если интерес рассматривать как объективное явление, то как можно говорить при этом, что он является побудительной силой деятельности субъекта. Несомненно, что интересы побуждают людей к трудовой или любой другой деятельности, но лишь в том случае, если они проходят через сознание человека, воспринимаются им, осознаются. Люди так или иначе всегда, осознавая свое объективное бытие, полностью или частично осознают свои интересы, которые превращаются в идеальную побудительную силу. Ф. Энгельс писал: «... Все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову... Воздействия внешнего мира на человека запечатлеваются... в виде чувств, мыслей, проявлений воли, словом — в виде «идеальных стремлений» и в этом виде они становятся «идеальными силами».¹¹ Отсюда следует, что объективное явле-

⁶ См. Социальная психология как наука. Изд. ЛГУ, 1965, стр. 67.

⁷ См. подробнее об этом «Проблемы общественной психологии». М., «Мысль», 1965.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137, 438.

⁹ См. Л. И. Абалкин. Экономические интересы при социализме. — «Вопросы экономики», 1969, № 7; Я. А. Кронрод. Законы политической экономики социализма. М., «Мысль», 1966, стр. 545; Т. А. Кулиев. Проблема интересов в социалистическом обществе. М., «Мысль», 1967.

¹⁰ Т. А. Кулиев. Проблема интересов в социалистическом обществе. М., 1967, стр. 7.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 290.

ние еще не является побудителем к деятельности, если оно не осознано.

Итак, признавая объективное содержание интереса, мы полагаем, что в нем есть и объективная сторона. Так как интерес осознается людьми, то у него всегда есть носитель, субъект, в голове которого он отражается. Без отражения интерес не может выполнить своей общественной функции — быть побудителем к деятельности. Это, конечно, не означает, что в результате осознания интерес становится субъективным. Так, например, объективный мир, реальная «жизненная обстановка» человека отражаются в его сознании. Но от этого мир не становится субъективным.

Буржуазные философы и социологи много внимания уделяют проблеме исследования интересов и относят их к важному фактору социальной причинности. Однако они абсолютизируют субъективную сторону в интересах.¹²

Мы считаем, что интерес существует и как объективное явление, выражающееся через отношения человека к окружающей действительности, и как феномен психики человека. Классики марксизма неоднократно подчеркивали, что интерес существует и в действительности (как объективное явление), и в сознании.¹³ Во многих своих работах они употребляли интерес в обоих указанных смыслах. Видимо все зависело от того, в связи с чем и в какой связи они употребляли понятие «интерес». Так, Ф. Энгельс, показывая объективную природу материального интереса, связывал его с производственными отношениями. Эта связь отражена в известном высказывании: «Экономические отношения каждого данного общества проявляются как интерес».¹⁴

Здесь Энгельс подчеркивает тот факт, что интересы являются результатом, непосредственным выражением существующих определенных отношений, а поэтому необходимой их предпосылкой и звеном. В то же время бесспорным является то, что Маркс и Энгельс категорию интерес определяли как идеальную побудительную силу, существующую в «психике» людей. Отражаясь в сознании, интересы превращаются в побуждения его воли.¹⁵

Для лучшей иллюстрации этого положения приведем некоторые высказывания классиков марксизма. Так, Ф. Энгельс указывал, что у людей с одинаковым социально-экономическим положением, у средних крестьян существуют различные интересы:

¹² Так как этот вопрос наиболее полно освещен в литературе, то мы не будем его касаться. См. об этом: А. Г. Здравомыслов. Указ. работа, стр. 36—70.

¹³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 31.

¹⁴ Там же, т. 18, стр. 271.

¹⁵ Там же, т. 21, стр. 310.

у одних к сохранению капитализма, у других — к уничтожению его, в зависимости от понимания или непонимания перспектив развития деревни, в частности неизбежного разорения большинства крестьян; и наоборот, в силу этого же, существуют одинаковые интересы у крестьян с различным положением — у средних и мелких крестьян, у средних крестьян и кулаков.¹⁶ Известно высказывание Ленина о том, что для глубоких исторических преобразований необходимо «поднять интерес» к ним миллионов масс трудящихся, «убедить» их в этой необходимости.¹⁷ Употребление классиками марксизма-ленинизма интереса в смысле мотива воли, цели и стремления людей видно из их критики ревизионизма. Его цель они определяли как забвение «великих коренных соображений из-за минутных интересов дня», как принесение «коренных интересов пролетариата в жертву» действительным или предполагаемым выгодам минуты». ¹⁸

Из приведенных высказываний классиков марксизма-ленинизма видно, что в понятие интереса они включили чувства, влечения субъекта, подчеркивали целенаправленный его характер. Поэтому включение в интерес психологического аспекта не является отступлением от материализма. «Непоследовательность заключается не в том, что признается существование идеальных побудительных сил, а в том, что останавливаются на них, не идут дальше, к их движущим причинам». ¹⁹ Применительно к интересам неоследовательность в их толковании проявляется в том, что отрицается или игнорируется их материально-объективная природа.

Интерес проявляется как сложное диалектическое отношение субъекта к объекту, ²⁰ к материальным условиям жизни, выражающееся в стремлении воздействовать на них с целью изменения в соответствии со своими материальными потребностями.

Интерес становится именно интересом на основе практического отношения человека к окружающей действительности. Интерес вне отношения субъекта к объекту есть нечто не раскрытое, неопределенное. Поэтому анализ отношений имеет большое значение в понимании природы интереса.

Человек осваивает действительность на основе его связи с внешним миром. Коренным выражением этой связи являются потребности и интересы. Для того, чтобы жить, человек нуждается в присвоении из окружающей среды веществ, удовлетворяющих его потребность. Для этого он вступает в определенные от-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 522.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 140.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 237, см. также В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 24.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 307.

²⁰ По вопросу об объеме понятий «субъект», «объект» нет единого мнения. См.: К.И. Любутин. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. Свердловск, 1973.

ношения с природой. В потребностях и интересах проявляется зависимость субъекта от объекта, их противоположность и стремление человека к определенной деятельности, направленной на разрешение этой зависимости. Потребности и интересы как выражение зависимости таят в себе влечение к определенной деятельности. Они, как говорил Гегель, есть всемогущий возбудитель деятельности людей. И чем разнообразнее интересы людей, тем интенсивнее их практическое отношение к окружающей среде.

Отношение субъекта к объекту писал Гегель «... начинается с чувства недостатка и влечения устранить его, чем обусловлена возбужденность извне и положенное в ней отрицание субъекта в форме объекта, против которого субъект напряжен».²¹ Удовлетворение интереса снимает напряженность между субъектом и объектом. Но напряженность является следствием, причиной же ее является отсутствие тех предметов в готовом виде, которые необходимы для удовлетворения потребностей и интересов.

Рассмотрение интереса как состояния напряженности позволяет сделать вывод о том, что интерес является одним из главных источников активной деятельности человека. Кроме того, это позволяет ограничивать материалистическую точку зрения от идеалистической по вопросу о побудительных силах человеческой деятельности. Если материалисты в качестве источника социальной активности людей берут материальные интересы, то идеалисты — идею, мышление.

Соотношение идеальных побудительных сил и интересов было показано Марксом и Энгельсом уже в ранних своих работах. Они категорически отрицали утверждение идеалистов о том, что решающей движущей силой общественного развития являются идеи. В «Святом семействе» они разоблачают попытку создать «критическую историю», в которой идеи выступают в качестве основы развития, что «идея» неизменно посрамляла себя как только она отделялась от «интереса».²² Не отрицая значение идей, Маркс и Энгельс доказали, что они имеют значительную роль, когда выражают объективные интересы передового класса.

Интересы проявляются не только как отношение, но и как отражение субъектом объекта. Отношение и отражение взаимосвязаны и эта связь проявляется в интересе. Если в отражении проявляется воздействие объекта на субъект, то в отношении происходит нечто обратное, т. е. воздействие субъекта на объект.

Интересы предметны и только в силу этого связывают субъект с объектом. В материальной деятельности человека интерес воплощается в предмет, а последний становится другим в

²¹ Гегель. Соч., т. II, стр. 478.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 89.

зависимости от интереса и практики. Поэтому интерес играет важную роль в превращении одного объекта в другой, поскольку в нем творчески отражается предмет (каким он есть и каким должен быть) и тем самым направляет деятельность субъекта. Таким образом, в интересе отражается не только то, что есть в объекте, но и что должно быть. Сущее и должное являются необходимыми сторонами интереса. Если же интерес лишен должного, т. е. творческого начала, то деятельность человека может быть беспредметной и заведомо обречена на неудачу.

В качестве объекта выступают конкретные предметы, вещи, явления природы и общества. Однако не всякое явление действительности может выступать в качестве объекта интереса. Объектом может быть лишь то явление, которое вовлечено в орбиту социальной деятельности людей, что может удовлетворить их потребности. Это означает, что не все, что окружает человека, может быть предметом интереса. Какое-либо явление может стать предметом интереса при определенных условиях. Причем, для одного человека этот предмет может стать объектом интереса, для другого же он совершенно не будет иметь никакого значения, а, следовательно, интереса. Это объясняется спецификой интереса. «Специфическая особенность интереса состоит... в том, что он содержит в себе моменты перспективы развития субъекта (будь то общество, отдельная социальная группа или индивид). В интересах развития личности лежит такое развитие событий, которое способствует ее самоутверждению в обществе, наиболее свободному проявлению ее индивидуальности».²³

Объект интереса чувственно может быть не дан субъекту. Это так называемый воображаемый объект. Он может выступать в виде возможности. Например, заинтересованность людей в лучшем будущем человечества (в построении коммунизма) ориентирована в будущее. В заинтересованности крестьянина в хорошем урожае предполагаемым объектом будет факт будущего урожая, а непосредственным, чувственно данным — свидетельствующие о нем конкретные положительные признаки. Таким образом, объект интереса может быть дан непосредственно субъекту, отражением которого он является и предполагаемым, выступающим в виде возможности.

В качестве субъекта интереса может выступать индивид, класс, общество. Особенностью субъекта является его активность в отношении формирования интереса. Так как интерес есть отношение субъекта к объекту, то все особенности, свойства субъекта, прежде всего его потребности, влияют на интерес, формируют его содержание.

Подчеркивая активность субъекта мы полагаем, что и объект

²³ В. Н. Лавриненко. Интерес как категория исторического материализма. — «Вестник Московского ун-та», серия экономики и философии, 1964, № 1, стр. 65.

своеобразно активен. Ведь характер деятельности человека в известной мере зависит от особенностей объекта. Например, обработка твердого металла невозможна инструментами, изготовленными из мягких сплавов.

Разумеется, характер активности объекта и субъекта различен. Об активности объекта можно говорить лишь в том смысле, что «объект оказывает сопротивление» в процессе его изменения. Активность же субъекта определяется сознанием и связана непосредственно с потребностями, интересами, целями, установками, влечениями, желаниями и т. д. Отсюда особенностью активности субъекта является его гносеологическая активность относительно объекта.

Для выяснения природы интересов очень важно ответить на вопрос, как возникают интересы, какова их функция?

Методологическим принципом раскрытия генезиса и функции интересов является единство интересов и предметно-практической, трудовой деятельности человека, их диалектическая взаимопределенность.

Субъект самым ходом объективного развития ставится в определенную связь с теми объектами, посредством которых он удовлетворяет свои материальные и духовные потребности. Связь, отражаясь в сознании, побуждает человека к деятельности, которая осуществляется как процесс обмена веществ между человеком и окружающей действительностью. Первопричиной деятельности человека и его взаимодействия с объектами явилась сама природа. С появлением общества эти процессы усложняются и приводят к тому, что индивид осуществляет обмен веществ с природой не непосредственно, а опосредованно, через орудия труда. Разделение труда приводит к тому, что трудовая деятельность индивида направлена не на удовлетворение непосредственно личных материальных потребностей и интересов, а на удовлетворение потребностей общественных, через которые удовлетворяются и личные. Процесс взаимодействия человека с природой, орудия и предметы труда, общественные и личные потребности отражаются в мозгу человека, закрепляются и приобретают характер интереса.

Для возникновения интереса необходима, во-первых, информация об объекте, во-вторых, — детерминирующие эту информацию компоненты — потребности в объекте интереса и некоторый опыт в отношении этого объекта. Если, например, человек, получает какую-либо информацию об объекте, но у него отсутствует потребность в этом объекте, или какой-либо опыт (осведомленность об объекте), то интереса не возникает. Интерес возникает на основе определенной связи субъекта с теми объектами, посредством которых он удовлетворяет свои материальные и культурные потребности.

В социальной жизни и деятельности людей интерес выпол-

няет регулятивную, оценочную (критериальную), познавательную и другие функции.

Любая деятельность людей так или иначе связана с интересом. В истории человеческого общества не было таких событий, в которых бы не были заинтересованы люди. Об этом писал еще Гегель. «Мы утверждаем, что вообще ничто не осуществлялось без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью...»²⁴ В самом деле, с интересом связана производственная деятельность людей, различные формы классовой борьбы, революционный энтузиазм масс.

В любой деятельности люди преследуют те или иные интересы, а всякий интерес предполагает определенную деятельность, направленную на его удовлетворение. Основоположники научного коммунизма определяли интерес как всеобщую побудительную силу, как двигатель общественных отношений. К. Маркс писал: «Все то, за что человек борется, связано с его интересом...»²⁵ Ф. Энгельс отмечал, что движущая сила всей новейшей истории заключается в борьбе классов и в столкновении их интересов, причем, эта борьба ведется «прежде всего ради экономических интересов».²⁶

Таким образом, природа интереса выражает собой необходимую диалектическую связь с предметно-практической деятельностью личности, класса, общества.

Выражая отношения человека ко всему тому, что имеет для него значение, интерес в то же время является особой формой освоения действительности, такой формой, в которой обязательно присутствует момент оценки. Эта оценка выступает как мнение, суждение о ценностях того или иного явления в конкретных отношениях человека.

Интерес выступает сам как ценность и как ценностное к нему отношение со стороны человека. Возьмем, например, отношение личности к общественным интересам. В них отражена сущность жизнедеятельности того или иного народа, класса, нации, а также культура, нравственные отношения, способ производства материальных благ и т. д. В процессе социальной адаптации личность осознает интересы той общности, в которой она живет и выражает к ним соответствующее ценностное отношение. Общепародные интересы являются критерием оценки общественных явлений политического, экономического и другого характера. Предметы и явления являются носителями ценности потому, что в них материализованы общепародные интересы предшествующих поколений. Общество проявляет определенную заботу в воспитании у каждого члена положительного отношения к со-

²⁴ Гегель. Сочинения, т. VIII. М.—Л., 1935, стр. 23.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 72.

²⁶ Там же, т. 21, стр. 308—309.

зданным ценностям материальной культуры, уважения к прошлому, оберегать их и приумножать.

Ценностный характер имеют не только общественные интересы, но и личные. Отношение личности к общественным интересам — одна сторона дела. Другой стороной является отношение общества к личным интересам граждан. Осуществляется как бы взаимная оценка интересов.

Социалистическому обществу не безразлично, каковы интересы отдельных людей. Оно стремится к тому, чтобы наиболее полно удовлетворять потребности и интересы людей. XXIV съезд КПСС указал: «Партия исходит прежде всего из того, что наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей людей — это высшая цель общественного производства при социализме».²⁷ Вместе с тем, в условиях социализма отрицательно оцениваются антиобщественные интересы, связанные с эгоизмом, тунеядством, карьеризмом и т. п. Общество осуждает подобные интересы отдельных людей и направляет свое усилие на их изжитие. Социализм, поставив задачу востороннего развития личности, создает необходимое условие для реализации всех личных интересов советских людей.

Существенным моментом в раскрытии природы интересов является проблема соотношения объективного и субъективного в интересах. Именно этот аспект привлекает особое внимание исследователей.

Интересы возникают на основе предметно-преобразующей деятельности общественного человека. При этом интересы выступают в форме объективного отношения и психического явления, когда объективные отношения осознаются человеком.

Объективное (как было отмечено выше) само по себе не является побудителем к деятельности. Лишь отразившись в сознании человека, приняв форму идеального, объективное может стать побудителем социальной активности человека.

Приведенное положение говорит не только о сложности, но и о противоречивости природы интереса, одна сторона которого находится в объективном (экономические отношения), а другая — в субъективном, в сознании субъекта. В зависимости от условий на первый план может выступать та или иная сторона. Поэтому природа интереса представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного, где происходит непрерывный процесс превращения одного в другое. Объективное и субъективное в интересе находится в единстве. Но это единство можно понимать по-разному. Можно объединить их как две самостоятельные сущности. В интересе объективное и субъективное проявляются как взаимопроникновение. Идеальные планы человека, его силы и способности воплощаются в конкретных предметах, опредмечиваются, а сами предметы приобретают идеальные

²⁷ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, стр. 41.

формы. В результате этого происходит соединение субъекта с объектом. При этом субъект опредмечивается, а его интерес приобретает объективную форму и становится независимым от сознания субъекта, т. е. объективным явлением. Например, созданный человеком автомобиль в соответствии со своими потребностями и интересами становится такой же реальностью, как и любой предмет природы. Диалектическое единство объективного и субъективного в интересе — это не механическое их соединение, а такое единство, которое доходит до взаимоперехода, где интерес является связующим звеном между объективным и субъективным. В. И. Ленин, имея в виду диалектический характер объективного и субъективного, их взаимопереходы, активную роль субъективного фактора, писал: «Мысль о превращении идеального в реальное глубока, очень важна для истории».²⁸ Интерес, таким образом, нельзя отнести однозначно или к сфере общественного бытия, или к сфере общественного сознания. Он относится к той и другой сфере, обнаруживая постоянный переход. Действенный характер природы интереса выражается в понятиях неосознанного и осознанного. Неосознанный интерес — это еще не интерес в полном смысле слова, так как он не является побудителем к деятельности. «Интерес . . . и существует, и не существует до его осознания, ибо он находится в процессе становления . . .»,²⁹ а становление как показал Гегель, есть единство бытия и ничто. Не случайно К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркивали, что не следует смешивать объективность интересов и их отражение в головах людей. Необходимо разграничивать реальные интересы людей и их представление об этих интересах. Они указывали на необходимость проводить «различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами между их представлением о себе и их реальной сущностью».³⁰

Содержание изложенного можно подытожить в следующих выводах: рассмотрение интереса в аспекте субъектно-объектного отношения и отражения объекта в сознании человека позволяет утверждать, что, во-первых, интерес есть специфическая форма отношения субъекта к окружающей природной и социальной среде, форма объективно-субъективной прямой и обратной связи, одной стороной или элементом которой является человек как носитель интереса, а другой — предмет, на который направлен интерес и который может его удовлетворить, т. е. как бы «снять». Во-вторых, интерес выражает собой внутреннее требование субъекта к конкретной жизненной ситуации, а поэтому он является как своеобразное отражение этой ситуации. В нем отра-

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 104.

²⁹ См. Л. Чинакова. Об интересах, их объективности и субъективности. — «Экономические науки», 1971, № 7, стр. 12—13.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 145.

жается определенное состояние человека, возникшее на основе требовательного отношения субъекта к объекту. В интересе отражается и предмет, с помощью которого он может быть удовлетворен, и отношение к нему. В-третьих, возникший, сформировавшийся и осознанный интерес является источником активно-деятельного отношения человека к окружающей действительности. Он связан с необходимостью и заставляет человека «творить», создавать такие предметы, средства и способы, которые наилучшим образом удовлетворяют его потребности.

Чтобы полнее показать природу интереса, необходимо рассмотреть взаимосвязь его с категорией «потребность». Но дело в том, что потребность определяют по-разному, чаще всего ее отождествляют с нуждой человека в чем-либо.³¹ Выступая против отождествления понятий «потребность» и «нужда», В. Н. Мясищев отмечал, что человек может испытывать нужду и не испытывать потребность. Потребность как внутренний источник активности человека, хотя и связана с нуждой, но не сводится к ней полностью.³² Нам думается, что отождествление потребности с нуждой приводит к смешению внутреннего и внешнего характера потребности, что приводит к известным трудностям в понимании природы интереса.

В литературе уже поднимался вопрос о необходимости различать внешние потребности, как механизм регуляции отношения человека к окружающей среде и внутренние потребности, как механизм регуляции соотношения компонентов личности.³³

Связь категорий потребность и интерес сложна и противоречива. Поэтому этот вопрос вызывает не меньше разногласий, чем вопрос о природе интереса. Некоторые не проводят различия между потребностью и интересом, определяя последний как потребность и нужду, объективные по своему происхождению.³⁴ Но если бы интерес сводился к потребности или представлял собой осознанную потребность, то, видимо, не было бы смысла говорить об интересах. Достаточно было бы сказать об осознанных и неосознанных потребностях.

Наша точка зрения сводится к тому, что «потребность» и «интерес» образуют единство и различие. Их единство выражается в следующем: потребность и интерес объективны по содержанию; социально обусловлены; имеют общий источник возникновения — материальный мир, преобразуемый человеком с

³¹ См.: Д. А. Кикнадзе. Потребности. Поведение. Воспитание. М., 1968, стр. 8.

³² См.: В. Н. Мясищев. О потребностях как отношениях человека. — Уч. зап. ЛГУ, т. 265. 1959, стр. 37.

³³ См.: А. Г. Здравомыслов. Теоретические проблемы исследования социальных интересов. Автореф. докт. дисс. М., 1969.

³⁴ См.: «Философская энциклопедия», т. 4, М., 1967, стр. 116.

целью их удовлетворения. «Мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его».³⁵ Имея общую основу, потребность и интерес органически связаны между собой и проявляются раздельно. Отделить одно от другого можно лишь теоретически, так как грань между ними весьма относительна, они взаимно проникают, а, следовательно, предполагают друг друга, не существуют отдельно. Начинаясь с потребности, интерес направлен на удовлетворение определенной потребности. Поэтому интерес как бы сам есть потребность, но потребность особого рода.³⁶ Например, человек, интересующийся шахматной игрой, испытывает потребность в игре.

И все же потребность и интерес нельзя отождествлять. Различаются они прежде всего по своему объему. Если потребности присущи всем живым системам, то интересы — только людям. Потребности можно подразделить на биологические и социальные, к интересам применять такое подразделение не имеет смысла. Интересы только социальные. Это говорит о том, что потребность — более широкое понятие, чем интерес. Так, экономический интерес является составной частью экономической потребности.³⁷

Другое различие выражается в неодинаковом содержании потребности и интереса. Для раскрытия этого различия следует показать средства удовлетворения потребности. Средствами могут быть определенные предметы, вещи, виды деятельности людей, их отношения. Они служат для непосредственного удовлетворения потребности. Их можно подразделить на непосредственные и опосредованные. К непосредственным относятся предметы, вещи, на которые направлена потребность. К опосредованным средствам удовлетворения следует отнести деятельность людей по их производству и производственные отношения в процессе этой деятельности, а также вытекающие отсюда способы распределения, присвоения средств удовлетворения потребности. Если непосредственные средства удовлетворения потребности органически входят в потребность, то опосредованные средства удовлетворения потребности не связаны с ней прямо. Но опосредованные средства удовлетворения потребности являются основой для возникновения интереса. Поэтому в основе содержания интереса лежат и потребности, и опосредованные средства их удовлетворения.

Из различия по содержанию вытекает важный вывод: хотя потребности и интересы имеют общую основу возникновения, они детерминированы непосредственно разными сторонами со-

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

³⁶ См. М. В. Демин. К вопросу о природе интереса. — «Философские науки», 1972, № 3, стр. 35—36.

³⁷ См. С. В. Соколов. Природа экономической потребности. — «Известия АН Латв. ССР», 1973, № 8, стр. 87.

циальной среды. Если потребности непосредственно определяются производительными силами, то интересы — производственными отношениями, что подчеркнуто в известном высказывании Ф. Энгельса. Но так как интересы есть синтез объективных потребностей и способов их удовлетворения,³⁸ то через них связаны и зависят от производительных сил, а, следовательно, от обеих сторон данного способа производства. Непосредственной же связи интересов с производительными силами нет.

В зависимости от уровня развития производительных сил складываются производственные отношения. А в зависимости от типа производственных отношений возникают определенные интересы, которые побуждают людей (как основную производительную силу) развивать данные производительные силы.³⁹ Так как производительные силы развиваются людьми, а их заинтересованность является мощной силой в их развитии, то интересы оказывают большое воздействие не только на производительные силы, но и на всю общественную жизнь.

Третье различие между потребностью и интересом проявляется в различном их назначении. Если интерес направлен на создание предмета или вещи, то потребность — на потребление. Стремление человека создать вещь — есть интерес, стремление же потребить ее — потребность. Конечно, из этого нельзя сделать вывод, что потребность не принимает участия в производстве предмета потребности. Потребляя, люди восстанавливают свои силы, направленные на производство. «Производство . . . , — писал К. Маркс, — создает потребление: 1) производя для него материалы, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт».⁴⁰ Следовательно, производство и потребности едины и определяют друг друга, «. . . каждое из них выступает как средство для другого и одно опосредствуется другим, что находит свое выражение в их взаимной зависимости».⁴¹ Поэтому потребности являются более глубокими побудителями к деятельности, чем интересы, но ведущими, направляющими стимулами деятельности и поведения людей являются интересы. Потребности дают как бы первичный толчок, импульс, интересы же определяют характер деятельности и поведение человека, определяют пути удовлетворения потребности в зависимости от конкретных социальных условий.

«Интересы», являясь более или менее осознанным и оформ-

³⁸ См. В. Н. Лавриненко. К вопросу о сущности и содержании социальных интересов. — В сб.: В. И. Ленин и проблемы научного управления социалистическим обществом. Секция теоретических проблем управления. Красноярск, 1970, стр. 107.

³⁹ См. Г. Е. Глезерман. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1967, стр. 98.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 718.

⁴¹ Там же, стр. 718.

ленным выражением потребностей общества, класса, группы, личности, выступают как своеобразный «вектор», определяющий направление потребностей, конкретизирующий ее содержание».⁴²

Потребности и интересы различаются тем, что не всякая потребность входит в интерес. Потребности людей многообразны. В общем смысле они подразделяются на «естественные и созданные обществом».⁴³ Естественные потребности (потребность в пище, жилье и т. п.), обычно не включаются в понятие интереса. Но так как эти потребности вызывают у человека различные побуждения, влечения, связанные с особыми формами их удовлетворения, то, следовательно, имеют идеальную форму проявления. Эта идеальная форма входит в интерес как элементарный компонент. Следовательно, между естественными потребностями (в человеческом их значении) и интересами резкого противопоставления провести нельзя, так как субъективная сторона потребности входит в интерес.

Социальные же потребности, как потребности более высшего порядка, будучи объективными по своей основе, существуют как интересы. Маркс и Энгельс часто социальные потребности и интересы употребляли в одинаковом значении.⁴⁴

В настоящей статье мы затронули значительное число вопросов, каждый из которых мог бы стать предметом специального исследования. Поэтому вопрос о природе интересов, их роль в социальной жизни людей нуждается в дальнейшем освещении в нашей философской литературе.

Поступила в редакцию
в феврале 1975 г.

⁴² Л. Н. Коган. Роль духовных потребностей и интересов в жизни советских рабочих. — «Философские науки», 1970, № 6, стр. 53.

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 720.

⁴⁴ См., например, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 533, 534, 535; т. 8, стр. 111; т. 17, стр. 635, т. 21, стр. 309—310.

**АВТОРЫ XIX ТОМА «ТРУДОВ ПО ФИЛОСОФИИ»
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

- Т. В. Лойт** — к. филос. н., доц., зав. кафедрой философии ЭСХА
Р. Н. Блюм — к. филос. н., доц. кафедры философии ТГУ
Я. К. Ребане — д. филос. н., проф., зав. кафедрой философии ТГУ
Р. А. Вихалемм — к. филос. н., доц. кафедры философии ТГУ
В. П. Хютт — к. филос. н., ст. научный сотрудник сектора философии Института истории АН ЭССР
А. А. Порк — преподаватель кафедры философии ТГУ
А. М. Аарелайд — младший научный сотрудник Института истории АН ЭССР
А. Н. Горин — ст. преподаватель Даугавпилского общетехнического факультета Рижского политехнического института

СОДЕРЖАНИЕ

Т. В. Лойт. Проблема перестройки концептуального базиса современного биологического знания и выявления теоретико-методологической сущности эволюционной идеи	3
Р. Н. Блюм. Проблема революции во взглядах Д. И. Писарева	26
Я. К. Ребане. Концепция научных революций Т. Куна и релятивизм	50
Р. А. Вихалемм. О соотношении логики развития науки и теоретической истории науки	62
В. П. Хютт. Коперниковская революция как переход к классическому типу физического знания	72
А. А. Порк. Три уровня понятия нарратива	86
А. М. Аарелайд. Некоторые аспекты комплексного исследования детерминации отражения времени	95
А. Н. Горин. Природа интересов	106

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 404.
Труды по философии XIX. На русском языке. Тартуский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18. Ответственный редактор Л. Н. Столович. Корректор Н. Чикалова. Сдано в набор 19 VII 1976. Подписано к печати 7 XII 1976. Бумага типографская 60 × 90 1/16. Печ. листов 7,75. Учетно-изд. листов 8,45. Тираж 400. МВ-09184. Зак. № 3867. Типография им. Х. Хейдеманна, ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли 17/19. II.

Цена 1 руб. 27 коп.